

МАРИНА ЕСРИМИННОК

ПЕРВАЯ
НЕВЕСТА
ЧЕРНОКНИЖНИКА

Annotation

Знаете, как это бывает? Живешь себе, радуешься, никого не трогаешь... а потом попадаешь. В прямом смысле этого слова. Попадаешь в темный замок, стоящий на границе миров. Хозяин славного места привлекательный и обходительный, мало что чернокнижник. Да и все жители подозрительно приветливые... как будто что-то скрывают. В общем, в гостях хорошо, но дома лучше! Никаких воскресших умертвий, черных гримуаров и тайных проклятий. Вернуться бы в родной мир, но только кто меня отпустит?

- [Первая невеста чернокнижника](#)
 - [ГЛАВА 1. Никогда не верь чернокнижникам](#)
 - [ГЛАВА 2. Беда в мирном замке](#)
 - [ГЛАВА 3. Ритуалы черной магии и прочие недоразумения](#)
 - [ГЛАВА 4. Полет в стратосферу](#)
 - [ГЛАВА 5. В гостях хорошо, а дома лучше](#)
 - [ГЛАВА 6. Незваные гости хуже чумы](#)
 - [ГЛАВА 7. Ликбез по родовым проклятьям](#)
 - [ГЛАВА 8. Первая и единственная невеста чернокнижника](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Первая невеста чернокнижника

Марина Ефиминюк

ГЛАВА 1. Никогда не верь чернокнижникам

Никогда Эверт Ройбаш, ученик чернокнижника, не закапывал могилы быстрее, чем этой ночью! По грязному лицу тек пот, натруженные мышцы горели, рубашка прилипла к взмокшей спине. Силы были на исходе, а покойная ведьма Ирис Керт была зарыта только наполовину. Эверту хотелось во весь голос проклясть тот день, когда в буйном помешательстве (иначе не скажешь) он постучался в двери замка Мельхом и пошел в ученье к чернокнижнику Макстену Керту.

Эверт на секунду остановился и покрепче перехватил черенок от лопаты. Что ж он не послушал маменьку и не пошел учиться белой магии? Лет через десять открыл бы собственную практику, сеял бы на земле добро. Люди его бы страшно любили, каждый день из благодарности приносили бы свежий хлеб, а по осени – большие пузатые тыквы. Эверт обожал кашу с тыквой, но черный прислужник Хинч отвратительно готовил, а кухарки в замке не задерживались.

Хотя было странным думать о еде, закапывая труп двоюродной прабабки Керт. Не после того как старая перечница восстала из могилы во время призыва энергии Вселенной.

Ведь ничего не предвещало беды!

Учитель не возвращался в замок второй месяц, черный гримуар неожиданно расщедрился на заклинание и не куснул пальцы магическим разрядом. Ночь выдалась тихая, безветренная и ясная. Комета в черном небе горела так ярко, что была видна невооруженным глазом. Как не воспользоваться случаем и не собрать космической силы?

Эверт ни разу не отошел от инструкции, выданной гримуаром. Вырезал на пяточке между могилами красивую пентаграмму, четко и громко произнес заклинание. Мощный луч вырвался из земли и ударил в ночное небо. Маг прикрыл глаза, расставил руки, готовый принимать щедрый поток энергии. Он ждал и злорадно ухмылялся от мысли, что теперь станет сильнее Макстена Керта, чернокнижника в демон знает каком поколении, но тут почувствовал, как что-то, вернее, кто-то схватил его за штанину. Приоткрыв один глаз, Эверт покосился вниз. Из

могилы высовывалась синюшная женская рука с черными когтями.

Керты разной степени свежести и сохранности полезли из земли, как весенние ландыши в оранжерее замка Мельхом. Сложнее всего пришлось с дядькой Идрисом. Он был разобран по частям. Череп служил для проведения обрядов, а иногда в качестве пресса для писчей бумаги. Едва почерневший скелет вылез, как рванул в сторону замка, видимо, желая вернуть голову на место. Эверт насилу поймал беглеца. Пока тащил обратно, сломал ожившему покойнику ногу, выдернул из плеча руку, отодрал пару ребер.

Если учитель узнает, точно погонит из Мельхома ведьмовской метлой (одна как раз хранилась в чулане). О наказании ученику чернокнижника думать не хотелось. Оставалось вернуть полуистлевшие тела в вечный сон, закопать и забыть о позоре.

Когда дело было кончено, Эверт растянулся между свежих могильных холмиков и уставился в ночное небо. На душе скребли кошки. Разве он виноват в случившемся беспорядке? Наверняка в этом столетии над замком Мельхом пролетала неправильная комета и колдовство она создавала неправильное! Поверит ли Макстен, если соврать, будто он решил на кладбище огородик перекопать? Травки всякие выращивать: укроп, белладонну, мандрагору... Может, сказать, что хотел могилки обновить? Необъяснимая тяга ученика к физическому труду, по-любому, выглядела крайне подозрительно.

Неожиданно в ночной тишине прокатился басовитый раскат грома. На линии горизонта вспыхнул золотистый всполох. Эверт сел. Внутри родилось подленькое предчувствие надвигающейся беды. Будущий чернокнижник отчаянно надеялся, что кроме энергии вселенной, оживляющей мертвецов, больше ничего не призвал в магический мир.

- Помоги мне, боженька, - осенил он грудь святым знаменiem. Хотя, конечно, вряд ли светлые божества решились бы помочь адепту черной магии. Похихикать в сторонке – запросто, а спасти шкуру неумелого школяра от гнева скорого на расправу учителя – ни за какие молитвы.

Умные люди утверждают, что начинать историю с пробуждения – это страшный моветон, дурной вкус и отсутствие авторской фантазии. С фантазией у меня все в порядке, поэтому для ценителей высокого стиля:

сначала я легла спать, потом умерла, а после уже проснулась.

Никаких сомнений в том, что во сне меня отбортowało в мир иной, не возникало. Ведь только неожиданной смертью можно было объяснить, почему я укладывалась спать в свою кровать, а проснулась в чужой. Да ещё и в незнакомой комнате с антикварной мебелью, словно сворованной из музея.

Может, в наш дом влетела комета? Вчера в вечернем шоу говорили, что к земле неумолимо приближалось смертоносное небесное тело. Грозили, что скоро планета накроется медным тазом, ни один супергерой не поможет. Я только издевательски хмыкнула и выключила телик, а, глядите-ка, похоже, после полуночи действительно случился звездный апокалипсис.

Кое-как я сползла с кровати, встала босыми ногами на холодный пол. Тело ломало от пересыпа, и особенно болела шея – голову не повернешь. Вообще, понимаю, что вопрос риторический, но как после смерти может что-нибудь болеть? Неторопливо (куда торопиться, если уже все кончено) я доковыляла до окна и обнаружила, что мое посмертное пристанище смотрело ровнехонько на каменную башню... То есть меня отправили в рай эконом-класса с видом на чужие апартаменты.

И в раскрытом окне этих самых апартаментов счастливо потягивался голый взлохмаченный мужик.

Заметив в нескольких метрах заспанную девицу, он резко сгруппировался, прикрыл непотребность и отшатнулся в сумрачную глубину. Сказать откровенно, наличие ангельского соседа в чем матушка родила и без крыльев немало удивляло. Тогда-то в туманной спросонья голове родилась трезвая и исключительно тревожная мыслишка...

Если я жива, а это не райские кущи, то... Черт подери, куда я попала? Замок, антикварная обстановка, ткань на стенах вместо обоев. Меня забросило в прошлое?!

Я завернулась в одеяло, прикрыв легкомысленную пижаму, и направилась к дверям. Телу стало тепло, даже жарковато, зато босым ногам было холодно. Жаль, что следом за мной в прошлое не провалились домашние тапочки. Высокие створки торжественно распахнулись сами собой, явив пустой светлый коридор с каменными стенами. Это было совершенно нелепо, но я задрала голову к притолоке

и проверила, не висел ли датчик движения, как у раздвижных дверей супермаркета. Было бы странно, если бы он обнаружился. Людей, открывших передо мной проход, как перед королевой, тоже не наблюдалось. Стало жутковато.

Осторожно выглянув, я проверила коридор и крикнула:

- Эй! Кто-нибудь есть?

В фильмах ужасов зов разнесся бы на половину замка, но в реальности потолки высотой не отличались и были неспособны рождать эхо. Тишина казалась глухой и неприятной. Я решилась высунуться из комнаты и осмотреться. Пространство затапливал естественный свет. Быстрым взглядом я мазнула по окну... и шокировано повернулась всем корпусом, ведь пейзаж выглядел поистине фантастическим.

Замок накрывал прозрачный купол. Внутри светило яркое утреннее солнце, поле за замковой стеной цвело и зеленело, но дальше словно прочерчивалась невидимая линия, за которой царила зима. Низкое небо давило на землю, воздух казался серым, коченели от мороза утопленные в высокие сугробы голые деревья. Может, меня утащило ночью вовсе не в прошлое, а в сказку? Очень мутную сказку.

— Обалдеть!

За спиной прозвучали чужие шаги. Я оглянулась. Невысокий коренастый мужчина в черном костюме замер посреди коридора. Лицо прищельца выглядело молодым, но волосы, зализанные в аккуратный хвостик, были седы до желтизны.

- Где мы? - резко вымолвила я. Он закатил угольно-черные глаза и ни с того ни с сего свалился как подкошенный, словно его убило силой звука.

- Что с вами? — выпалила я и, не раздумывая, бросилась на помощь к раскинувшему руки мужику. Бухнулась на колени и заглянула в побелевшее лицо с синими губами. Похоже, от изумления у бедняги случился сердечный приступ! Трясущейся рукой я попыталась нащупать на шее пульс. Кожа оказалась ледяной, как у мертвеца.

Когда от ужаса я почти пустила жалобную слезу, зазвучали новые шаги. Человек явно бежал. В коридор, придерживая за пояс штаны, ворвался сосед из окна. Слава богу, он успел одеться. Рубашка была вывернута наизнанку, шнуровка на гульфике развязана. Светлые волосы торчали в разные стороны, а в глазах застыла паника. Он был младше, чем мне показалось издавна, примерно лет двадцати.

Обнаружив, что незнакомка из соседних апартаментов смыкает пальцы на горле бездыханного друга, он тоже остолбенел. Я почти решила, что сейчас блондин закатит глаза и рухнет с приступом, но он замахал руками и что-то заговорил на непонятном языке, словно умолял оставить жертву в покое.

- Я не виновата, что он умер! – переходя на английский, выпалила я.

- А? - Парень для чего-то поспешно начал затягивать спущенную шнуровку на штанах.

- *Ду ю спиак англиш?*

Умом-то я осознавала, что если человек говорил на тарабарском, то на каком языке ни ответь, все равно не поймут. Однако сработал рефлекс, записанный на подкорку, как у собаки Павлова. Со школьной скамьи вместе с неправильными глаголами мне вдалбливали, что если заговорить с иностранцем по-английски, он тебя всенепременно поймет.

Однажды я заблудилась в китайском городе Гуанчжоу, стояла на переходе над широченным проспектом и по-английски пыталась выяснить у прохожих, где находилась автобусная остановка. С таким же успехом я могла спрашивать на французском, румынском, корейском или на диалекте вымирающего племени папуасов Новой Гвинеи. Официально заявляю, если вы попали в Китай или в странный замок на краю света и не знаете местного языка, то смело говорите по-русски. Где находится остановка до дома, все равно не выясните, но по крайней мере не почувствуете себя кретином.

В этот драматичный момент, когда стало ясно, что у нас с блондином общий – только язык жестов, покойник резко открыл черные глаза и, с сипом втягивая воздух, сел. Взвизгнув, я отпрянула от ожившего трупа и выдала емкое нелитературное ругательство, точно отражавшее мое отношение к происходящему.

Через пятнадцать минут с отшибленным задом и замерзшими ногами я сидела в столовой и, чувствуя себя пойманным врагами лазутчиком, осторожно осматривалась. В просторном помещении скалил черную пасть огромный камин с кованой решеткой. Солнце проникало сквозь высокие окна и рисовало на начищенном паркете вытянутые клетки. Снаружи зеленела лужайка, а вокруг царила пугающая тишина, как в склепе.

Честно говоря, блондин с зомби не отличались гостеприимством.

Они хотели запереть меня в спальне, но не сумели открыть внезапно захлопнувшиеся перед их носами двери. Сколько парочка ни ломилась в комнату, ни ругалась и ни дергала за бронзовые ручки, войти не получилось. Единственное место, куда замок милостиво нас впустил, точно намекая, что гостей с дороги следовало накормить, оказалась столовая.

Несмотря на голод, я не собиралась брать в рот ни кусочка, даже если эти кусочки в меня запихивали бы насильно. Разве человек в здравом уме решится есть в безлюдном замке, открывающем двери по собственному усмотрению? Например, бутерброд с толстым ломтем копченой грудинки... Я сглотнула набежавшую слюну.

Створки распахнулись, и неожиданно даже для себя я выпалила:

- Не смейте меня кормить!

Блондин едва не выронил из рук фолиант и человеческий череп, а потом одарил меня угрюмым взглядом. Ворча на своем тарабарском, он приблизился к столу. Книга в переплете из дубленой кожи и с коваными уголками смачно шлепнулась на столешницу. Череп, правда, был пристроен аккуратно, с пиететом, как будто являлся частью давно умершего дедушки. Обнаружилось, что в нижней челюсти у бывшего родственника (или кем он там был) не хватало двух передних зубов. Видно, роняли его неоднократно, возможно, при жизни. Мысленно я окрестила щербатого страдальца Егоркой.

А что? У каждого свои тараканы. Мне нравилось давать имена предметам. Кактус Толик, компьютерная мышка Кларочка, любимый офисный степлер Витенька. Господи, кто послушает, точно примет на сумасшедшую. Даже с дурдомом определилась, правда, не поняла пока, где он находился, но точно не в Китае.

В гробовом молчании блондин листал фолиант, потом что-то изучал, водя пальцем по странице. Когда он поднял голову, я вжалась в спинку стула и спросила:

– Что?

Он недовольно цыкнул, мол, молчи, женщина, твой день восьмое марта! Я немедленно прикусила язык. С серьезным видом блондин положил одну руку на Егорку, в смысле, на череп, другую – протянул в мою сторону. Невольно я заметила, что на раскрытой ладони краснели натертые мозоли. В тишине прозвучали резкие отрывистые слова, и мне в лицо ударил поток теплого воздуха. Волосы взлохматились, в

раззявленный рот что-то попало, и я закашлялась. Не знаю, чего недоделанный колдун пытался добиться, но вид у него стал ужасно печальный. Пожалела бы, если бы не хотела пристукнуть Егоркой по макушке.

Горячий фен он изображал ещё три раза. Шевелил пальцами, словно дергал за невидимые ниточки, произносил стихи без рифмы. В общем, отчаянно ворожил, а на меня от скуки напала зевота, но приходилось держать рот закрытым, чтобы снова не проглотить какую-нибудь иномирную муху.

– Из какой дыры ты только вылезла, убогая? - растерев лицо руками, пробубнил блондин на чистейшем русском языке.

Чувствуя, что меняюсь в лице, я выпрямилась на стуле и поправила сползшее с плеч одеяло.

– Из той дыры, на языке которой ты сейчас меня обозвал, бессмертный.

От неожиданности он шарахнулся от стола. Складывалось ощущение, что из нас двоих именно я изображала колдовство, чтобы запустить Гугл переводчик.

– И давно ты меня понимаешь?! – выпалил оң.

– Не знаю, ты же молчал. - Я придвинулась к столу и спросила: – Вместо приветствия, ты, может, уточнишь: где мы?

– В замке Мельхом.

Можно подумать, название абсолютно все объясняло.

– Что мы в замке, я и сама заметила. Как я здесь оказалась?

Блондин замялся. Замешательство красноречивее слов говорило, что он что-то знал, но скрывал.

– Сложный вопрос...

– Ты колдун? – решила я задать простой вопрос.

– Скоро стану.

– Значит, ученик, – догадалась я. – Послушай, ученик колдуна, лучше верни меня домой, потому что от меня толку никакого. Я давно не девственница.

На его лице вспыхнули алые пятна. Пришлось внести ясность:

– Вы ведь меня для обряда своровали?

– Никто тебя не воровал! – попытался он откреститься от участия в похищении. - Ты сама попала... Так сказать, самовыкралась!

– Сама? - возмутилась я. - То есть я заснула в своей кровати, а

проснулась в этом вашем замке по собственному желанию? В окне, значит, ты голыми телесами трясешь.

– Я не тряс, а потягивался, - как будто даже обиделся блондин.

– По коридору ходит живой труп, - проигнорировала я нестройный лепет.

– Хинч – не труп, а черный прислужник. Напугала человека до обморока! Из него чуть демон не вылетел! Теперь седмицу в постели пролежит. Он, между прочим, вторую сотню лет разменял. Никакого уважения к старости!

– Другими словами, я ещё и виновата? – опешила от неожиданной выволочки. И от кого? От похитителя!

Некоторое время мы молчали и недовольно переглядывались. На курсах личностного роста тренер говорил, что к человеку нужно было обращаться по имени, чтобы создать доверительную обстановку. Значит, будем создавать.

– Тебя как зовут? - спросила я.

– А тебя? - с подозрением прищурился он, словно иномирное имя являлось государственной тайной.

– Алина.

– Эверт Ройбаш.

– Так в какой стране мира мы находимся, Эверт? – мягко начала я подводить к тому, что сворованную девицу, раз от нее пользы как от козла молока, надо вернуть домой, желательно незамедлительно, пока она не заработала простуду на местных сквозняках.

– На пересечении миров. Внешнего, магического и необитаемого.

– С географией понятно, мы не в России и не в Китае, – вздохнула я.

– Где?

– В Караганде! – разозлилась я.

Эверт резко вжал голову в плечи и выставил в мою сторону скрещенные пальцы.

– Что делает твое заклятье? – осторожно уточнил он.

– Мозги всяким заклинателям прочищает, - буркнула я и без особой надежды спросила: – Слушай, ученик чернокнижника, а ты меня сможешь домой вернуть?

Хорошо, что украли в пятницу, не придется объясняться с шефом, почему ведущий специалист по продаже путевок в черноморский

пансионат «Ласточка» не вышел на работу.

– Как я сам не додумался? - с чувством захлопнув книгу, он схватил ее под мышку, осторожно взял черепушку Егорку и направился к дверям. Я следила за гордым уходом и хлопала глазами. На пороге Эверт оглянулся и кивнул:

– Ты чего сидишь? Давай открывать портал, пока Хинч после обморока отсыпается.

– Так ты не издевался?! – Я вскочила со стула и, таща по полу одеяло, ринулась к будущему чернокнижнику.

– Нам надо успеть до возвращения Макстена, – на ходу объяснил он, когда мы пересекали пустой зал, завешанный потемневшими от времени портретами.

– Кто такой Макстен? – напряглась я.

– Хозяин замка.

– И что он сделает, если застанет меня здесь? - ответы из Эверта приходилось вытягивать, как клещами. На редкость неразговорчивый ученик чародея. В фильмах они, наоборот, всегда отличались болтливостью, жизнелюбием и легким характером.

– Выгонит, - загробным голосом объявил Эверт.

– Как выгонит?

– Взащей!

– Зачем меня выгонять взащей, когда можно просто вернуть домой? - возмутилась я.

– Да не тебя выгонит! Меня из замка выставит и ведьмовскую метлу натравит.

Метлы у них здесь были вместо цепных псов? Вдруг представилась табличка возле двери над звонком: «Осторожно! В замке злая метла, зомби пенсионного возраста и странный ученик чернокнижника!».

– Думаешь, он поверит, что ты самовыкралась? Точно решит, что я с заклинанием напортачил.

– То есть ты признаешь, что вчера ночью что-то сотворил?

– Вчера ночью абсолютно все что-нибудь творили, - проворчал Эверт. – Комета же летела.

Похоже, чернокнижником блондин был посредственным. Разбойничали и колдовали все кому не лень, но только он умудрился выкрасть человека из другого мира. О размышлениях я мудро

промолчала. Вон нервный какой! Взбесится и прикопает в палисаднике замка под каким-нибудь цветущим кустиком. Судя по мозолям на ладонях, с лопатой он управлялся умело.

– Послушай, Эверт, не подумай, будто я наглею, а в вашем уютном замке обуви не найдется? – пропыхтела я, стараясь не отставать от колдуна.

– Чего? – резко остановился он и недоумением уставился на мои босые ноги.

– Обувь: ботинки, сапоги, тапочки. – Я пошевелила окоченелыми пальцами с ярко-красными ноготками. – Очень ноги замерзли.

Сапоги нашлись, растоптанные и пыльные. Стараясь не думать о том, кто носил их, я сунула ноги в широкие голенища. Обувь оказалась почти по размеру.

– От последней кухарки остались, – пояснил Эверт.

Мы находились в сумрачном помещении, больше всего напоминавшим кабинет алхимика из фэнтезийного фильма. На полках теснились бутылки с подозрительными жидкостями, стол занимала установка из стеклянных колб и медных трубок, похожая на самогонный аппарат. Не исключаю, что таковой и являлась. Может, они по ночам варили какую-нибудь приворотную самогонку, разливали в банки и продавали доверчивым женщинам?

Пока я мысленно уличала жителей замка в подпольном виноделии, ученик чернокнижника выискивал нужную книгу на открытой полке шкафа.

– В спальню Мельхом уже не пустит, – объявил он, вытащив фолиант. – Придется открывать проход в холле, так что погрешности не избежать.

– То есть меня перенесет к соседям? – заволновалась я.

– Ну... – замялся он.

– Хотя бы до дома будет близко?

– Сложно судить.

Главное, не попасть в центр города, иначе в пижаме и растоптанных сапогах с чужой ноги я точно закончу веселенький день в полицейском участке. А что? Достойное продолжение безумного утра.

Однако случилась подлость. Когда мы попытались выйти из кабинета, дверь оказалась запертой, словно снаружи кто-то перекрыл ее шкафом.

– Что происходит? – заволновалась я.

– У Мельхома настроение плохое, - процедил Эверт. - Будем разрезать пространство здесь.

Похоже, вернуть меня домой ученик мечтал ничуть не меньше, чем я сама оказаться в родных пенатах.

Он раскрыл книгу, потом взял в руки череп Егорку. Расставив ноги на ширину плеч, словно закрепляясь на месте, он открыл рот, чтобы начать читать заклинание, но тут замешкался, оглядевшись.

– Подержи, – протянул он мне череп.

– Ладно, - пробормотала я, с жалостью рассматривая пустые глазницы и дыру в желтоватых зубах. Переносицу пересекала сетка мелких трещинок. Жизнь после смерти у бедняжки Егорки явно была не сахарной, так сильно покоцала!

Эверт зажал в руке длинный кинжал с обоюдоострым лезвием и под заклинание, похожее по звучанию на японскую хокку, начал острием чертить в воздухе непонятные символы. Они вспыхивали алым горячим контуром, один за другим. Глаза ослепила яркая вспышка, и появился светящийся овал с человеческий рост. Внутри магического прохода закручивались спирали дыма. В кабинете поднялся страшный ветер. Он рвал на узких стрельчатых окнах портьеры, подбрасывал к потолку листы бумаги. На полках зазвенели бутылочки, а когда со звоном рухнул самогонный аппарат, и трубки раскололись о каменный пол, я поняла, что пора линять.

– Прощай, Эверт Ройбаш, - отсалютовала я и сделала шаг в магическую дыру.

– Дядька Идрис! – вскрикнул ученик.

– Что? - оглянувшись я в проходе и даже успела заметить, как с перекошенным от паники лицом ученик тянул ко мне длинные руки. Только тут стало ясно, что из магического замка я совершенно случайно прихватила череп. Однако меня начало утягивать немыслимой силой подальше от Эверта и замка чернокнижника.

Из пространственной дыры я выпала спиной вперед и со всего маху в кого-то врезалась. По ощущения в каменную стену, но стены совершенно точно не умели двигаться и сыпать ругательствами. Неожиданно я обнаружила себя прижатой лопатками к холодной брусчатке. Надо мной нависало чудовище с оскаленными человеческим лицом и с горящими демоническими глазами. Завизжав, точно резанная,

я шарахнула странному зверю по морде тем, что бережно пережимала к груди, в смысле черепом. У Егорки вылетел зуб, монстр от неожиданности отпрыгнул на метр. Только я собралась вскочить на ноги и броситься наутек, как услышала резкий приказ:

– Лечь!

Машинально подчиняясь командному голосу, я вжалась в щербленные камни под лопатками и притворилась паркетинной. Надо мной промелькнул красный огненный сгусток, похожий на шаровую молнию, и монстр взорвался черным дымом. Не успела я опомниться, как перед самым носом пролетела когтистая лапа с длинными узловатыми пальцами до странности похожая на человеческую. Она шмякнулась на брусчатку и по-паучьи зашевелилась. Я моментально забыла об опасности, схватила череп и принялась колотить по монструозной пятерне.

В голове билась страшная мысль, что в нормальном мире отрубленные конечности никогда не проявляли признаков самостоятельности, а значит, недоделанный колдун Эверт Ройбаш обвел меня вокруг пальца и с голым задом (почти в прямом смысле) выставил из замка. Разве что сапогами обеспечил и Гугл переводчик запустил.

– Ты дура, Алина! Никогда. Не верь. Чернокнижникам. Даже будущим, – приговаривала я и била по притихшей лапе, хотя уже Егорка лишился парочки зубов.

– Все, все, - прозвучал над ухом насмешливый голос с хрипотцой.
– Ты победила. Она уже мертва.

Большая теплая рука со сложной татуировкой на внешней стороне кисти накрыла мои ледяные пальцы. В отупении я позволила забрать щербатый череп.

– Дядька Идрис?!

Я резко вскинулась и уставилась на черноволосого мужчину, сидящего на корточках рядом со мной. С изумлением на загорелом лице он таращился на череп.

– Вы знакомы? – брякнула я.

– Мне любопытно, откуда знакомы вы. – Мужчина кивнул на беззубого Егорку и выпрямился. - Вставай!

Он протянул руку. Секунду я разглядывала длинные пальцы с разбитыми костяшками, а потом приняла помощь. Отряхнула перепачканные пижамные шорты, осмотрелась. Вокруг ни трупа, ни

ошметков тел. В углу тупика притулился отвратительно воняющий деревянный короб, прикрытый съехавшей крышкой. Неожиданно поверженная лапа, распластанная по брусчатке, взорвалась черным дымом, заставив меня отскочить и налететь на мужика. Знакомый череп Егорки был выше меня на голову, загорелый, небритый, с черными глазами и с разбитой губой.

– Извини, – пробормотала я и тут до меня дошло: – Послушай, а ты, часом, не Макстен, учитель малолетней скотины из этого странного замка?

– Смотря о каком замке идет речь, – прищурился он.

– О Мельхоме.

Какое счастье, что за год работы в туристическом агентстве я научилась с первого раза запоминать названия, даже плохо произносимые и ещё хуже усваивающиеся в памяти.

– Сдается мне, нам есть что обсудить. – Мужик крепко сжал мой локоть. – Только у меня тут осталось одно дело. Надо плату за этих двух демонов забрать. Ты ведь никуда не торопишься, Алина?

Если только домой, но что-то не вижу очереди из желающих меня сопроводить обратно в нормальный человеческий мир. Видимо, со скотиной он знаком не хуже, чем с черепом, а значит, просто так от меня не отделается. Вопьюсь, как клещ!

– Похоже на то, – улыбнулась я и выразительно вцепилась в рукав черной рубашки. – Откуда знаешь, как меня зовут?

– Ты колотила черепом по лапе и очень мило себя ругала, – объяснил он. – Я предположил, что вряд ли твое имя Дура.

– Хорошо, что ты не ошибся, – выпуская его рукав, кашлянула я.

Некоторое время мы петляли по переулкам между серыми каменными зданиями, а потом вышли на людную улицу, и я резко остановилась, почувствовав себя так, словно влетела в невидимую стену. Вокруг были каменные здания не выше двух этажей. Двускатные крыши покрывала черепица. Ор, шум. В пыли прохаживались куры... В последний раз живую курицу мне довелось лицезреть в птичнике зоопарка.

Я стояла среди средневекового хаоса, одетая в замызганную пижаму, больше открывавшую, нежели закрывавшую, и понимала, что меня точно загребут за растление пуритан. И почему вчера не пришло в голову улечься спать во фланелевой ночной сорочке до пят, подаренной

бабушкой на Новый год?

– Ты что остановилась? - оглянулся чернокнижник.

Что-что? Одета не по случаю и как бы вообще из чужого мира. Повезло, что я переместилась в лето, иначе заработала бы переохлаждение и вместо родной квартиры действительно отправилась бы экспрессом на тот свет. Никогда ещё меня не одолевала такая жажда жизни, как этим безумным днем!

– Обувь натирает, - нагнала я Макстена.

– Знакомые сапоги, – заметил он.

– Твоей бывшей кухарке принадлежали.

– Если мне не изменяет память, в них она и умерла.

Я споткнулась, но колдун успел подхватить меня под локоть, не позволив разбить нос о брусчатку. Господи, не сапоги, а пара маньяков-убийц. Есть у меня подозрение, что бедная кухарка упала в замке на ровном месте и сломала шею.

– Не спросишь, что случилось? - словно прочитал мои мысли чернокнижник. А, может быть, действительно прочитал?

– Нет, - немедленно отказалась я. Меньше знаешь, лучше спишь.

Напрасно я волновалась, что прогулка закончится триумфальным сожжением развратницы в легкомысленной пижаме. Завидев мужика с черепом в руках и с полуголой девицей на прицепе, они отводили глаза и старались поскорее освободить дорогу.

Не удержавшись, я оглянулась. И напрасно! Если в лицо благопристойные горожане не смотрели, но в спину пялились с таким ужасом, будто в городе, приняв человеческий облик, появились два всадника апокалипсиса. Вроде как мы хотели ступить на Землю тайно, чтобы не привлекать внимания, но просчитались с реквизитом: беззубый аксессуар и фривольная одежда выдали нас с головой.

– На нас все пялятся, – пробормотала я, обращаясь к Макстену.

– Конечно, ты одета, как блудница.

– А ты несешь череп! – огрызнулась я.

Умеет же мужик наступить на больную мозоль! Издевался он определенно лучше, чем учил всяких бездарей. Хотя какая наука, если он дома, судя по всему, не появлялся? За демонами по подворотням бегал, пока Эверт Ройбаш, чтобы у него случился затяжной приступ несварения, приличных работниц туристических агентств из кроватей крал.

Шеф недавно намекал, что для общего кругозора мне было бы неплохо слетать за свой счет в какой-нибудь рекламный тур, а раз в Китае я уже успешно терялась, то пора побродить по Европе. Как сглазил, ей-богу! Вот вам, Алина Геннадьевна, тур по достопримечательностям чужого мира в антураже средневековой Европы. Расширяйте кругозор до самого горизонта, главное, глаза не сломайте и умом от перспектив не троньтесь.

Если посчастливится вернуться домой не в виде бедняги Егорки, то я открою ногой дверь в начальственный кабинет и с порога заявлю: «В гробу и белых тапочках видела я ваши рекламные туры!» Вернее, в пижаме и изношенных сапогах.

– Твой ученик выставил меня из замка, даже не предложив платье, - немедленно наябедничала я.

– Он тебе подарил сапоги, - индифферентно напомнил колдун.

– От мертвой кухарки.

– На самом деле странно. Обычно он выставляет девиц в простыне, – «обрадовал» меня чернокнижник. - Или ты рассчитывала, что он тебя прямиком домой отправит?

– Вообще-то, рассчитывала.

Я уже собралась в подробностях объяснить, что человек не местный, но мы добрались до заведения с облезлой вывеской, и Макстен прямиком направился к обшарпанной двери. Заклинание Эверта позволило понимать устную речь, но не письменность. Название оставалось загадкой, но я подозревала, что мы пришли в трактир. Открыв дверь, чернокнижник пропустил меня вперед:

– Добро пожаловать.

– Ладно, – пробормотала я, с опаской оглянувшись через плечо. Судя по тому, как испуганно перешептывался народ, атмосфера на улице становилась явно нездоровой.

Стоило войти в сумрачное кисло пахнущее помещение, как в глазах потемнело. Моргая, словно полуслепая сова, я осмотрела большой зал с деревянными подпорами. С появлением неожиданных гостей в трактире воцарилась пугающая тишина. Абсолютно все посетители, в большинстве похожие на головорезов с большой дороги, повернули головы в нашу сторону. В проходе застыл пузатенький типчик в измусоленном фартуке и с глиняным графином в руках.

А я-то полагала, что на улице обстановка была напряженной.

Оказывается, мы просто в трактир не успели зайти!

– Прекрасный день, господа, - с насмешкой громко вымолвил колдун и чуть подтолкнул меня в сторону крайнего стола, мол, проходи.

– Господин Керн, а мы не ждали! – Судя по вытянутой физиономии трактирщика, черно книжника не только не ждали, но и давно приписали к собратьям Егорки.

Хозяин бросился стирать с поцарапанной столешницы хлебные крошки. Он так активно полировал крышку грязной тряпкой, словно хотел, чтобы дерево заблестело, отразило черно книжника, и тот отправился к прародителям, испугавшись собственной глумливой физиономии. Не дождутся! Пусть сначала колдун отправит домой иномирную гостью, пока она не озверела от местного гостеприимства и не начала кидаться на людей.

Когда я уселась на лавку перед оттертым столом, то почувствовала, что сапоги начали неприятно прилипать к немытому полу. Чистюля внутри меня от приступа брезгливости закатила глаза и свалилась в глубоком обмороке. Макстен водрузил на столешницу череп. Егорка пустыми глазницами с осуждением таращился на обеденный зал и щерил рот. При виде ведьмовского аксессуара трактирщик сошел с лица и проблеял:

– Что желаете, господин Керн?

– Покормить даму. Она с дороги, – кивнул в мою сторону черно книжник. Станным образом этот дурацкий кивок заставил взгляда разбойников сойтись на мне. Вместо того, чтобы притвориться маленькой и незаметной, я выпятила грудь. Пусть помрут от смущения! Кое-кто действительно отвернулся и осенил себя знаменiem. Другими словами, перекрестился.

– Сейчас-сейчас, - засуетился трактирщик, - еда будет подана.

Не успела я глазом моргнуть, как на столе появился глиняный горшок с густым варевом, по запаху похожим на рассольник, порезанный грубыми кусками хлеб с отрубями и пыльная бутылка с вином.

– Ешь не бойся, – откупоривая бутылку, Макстен смотрел на трактирщика. – Он знает, что на ведьм яды не действуют, а разозлить могут. Правда, Рето?

– Как можно пытаться вас отравить, господин Керн? У нас приличное заведение, - промычал тот, окончательно сходя с лица. Глядя

на неестественную бледность «хлебосольного» хозяина, не оставалось сомнений, что точно подмешал как минимум крысиный яд. Вздохнув, я отложила поварешку и смирилась с тем, что до возвращения к родному холодильнику останусь голодной. Надеюсь, это самое возвращение не растянется, и я не отоощаю до состояния Егорки, а только эстетично сброшу пару килограммов.

– Что-нибудь еще? – спросил он, следя за тем, как чернокнижник брезгливо принимается к вину.

– Твою душу, – серьезно вымолвил он и с такой силой поставил бутылку на стол, что подпрыгнули тарелки.

Хозяин выкатил глаза, прижал руки к груди и попятился.

– Что это выходит, Рето? – тихо заговорил Макстен, не спуская с трактирщика страшного взгляда. – Значит, так ты отдаешь долги? Думал, я не справлюсь с паршивыми прислужниками? Смотрю, на всякий случай подготовился: народ собрал, дверь проклятьем обложил.

Что он сказал? Проклятье?! Вспомнилось, как чернокнижник, неожиданно выказывая галантность, в дверях пропустил меня вперед. Ведь догадывался о проклятье скотина ведьмовская! Сразу вспомнился бородатый анекдот: в лифт пропускайте даму первой, проверьте на ней – не упадет ли кабина.

– Так на мне сейчас проклятье?! – выпалила я, перебивая колдуна.

Тот поперхнулся на полуслове и оглянулся в мою сторону с таким удивлением, словно я была неожиданно заговорившей тумбочкой.

– Мы можем обсудить это позже? – тихо уточнил он.

– Нет, черт возьми! Что если позже я умру? – воскликнула я и вдруг заметила, что народ начал вставать со своих мест.

– Сядьте, господа, – тихо, с угрозой в голосе произнес Макстен. – Я пришел мирно поговорить.

Господа оказались глухи к вежливой просьбе и садиться напрочь отказались, кое у кого в руках, как по мановению волшебной палочки, появились ножи. Судя по мерзостным, агрессивным физиономиям разбойников, умереть от проклятья для девицы в пижаме было не самым плохим вариантом.

– На место, овцы! – вдруг рявкнул чернокнижник пробирающимся до мурашек хриплым голосом. В черных глазах вспыхнуло пламя, на лице прочертились глубокие, похожие на шрамы, морщины. Казалось, в

одно мгновение из молодого мужчины колдун превратился в пугающего старика. Воздух содрогнулся, задрожала посуда. На одном из столов лопнул кувшин, и в разные стороны брызнуло вино. И наступила тяжелая тишина.

Я в ужасе смотрела на Макстена, ожидая, что прямо сейчас под разрушительной силой магии трактир задрожит и начнет разваливаться на бревнышки, но ничего не происходило. На лице чернокнижника появилось обескураженное выражение. Разбойники, вроде напуганные ведьмовским выпадом, переглядывались. В зале воцарилась атмосфера коллективного недоумения, и только хозяин трактира расплылся в широкой довольной улыбке.

– Эй, плешивый ведьмак, думал, что я не позаботился о защите от черной магии?

И банда в полном составе рванула на колдуна.

– Прячься! – бросил Макстен.

Во время паники у меня зачастую отрубалась какая-то важная часть головного мозга, и, несмотря на темный цвет волос, я превращалась в блондинку из американских фильмов ужасов. Вместо того чтобы броситься наутек из трактира, я схватила череп и юркнула под добротный стол. Только спряталась, как кто-то налетел на мое убежище, сметая на пол еду. С края столешницы потекло вино. От страха я подскочила, хорошенько приложилась макушкой и немедленно свернулась комочком, прижимая к груди Егорку. Народ за пределами стола бесновался и захлебывался в брани.

– Хватай ведьму! – прохрипел кто-то.

С визгом я увернулась от грязных лапищ и, лягнув мужика сапогом, выскочила из-под стола. В трактире шла настоящая потасовка, совершенно не похожая на те, что показывали в кино, когда кровь красиво летела в замедленной съемке, а актеры наигранно размахивали кулаками, не умея эти самые кулаки толком сжать. Драка в зале была страшной, грязной и яростной. Макстен отбивался, видимо, не жалея магии. Некоторые головорезы, получив удар, резко разворачивались и, словно дикие звери, набрасывались на сотоварищей.

– Куда собралась, ведьма? – рявкнул мне в лицо бородатый здоровяк, щербатостью вполне способный посоревноваться с Егоркой. Неожиданно стало ясно, что мужики обступили меня плотным кольцом. Раз они меня называли ведьмой, то следовало соответствовать. Я

выставила вперед череп и проорала страшным голосом:

– Караганда!

Не знаю, что именно пугало в звучном названии местных дикарей, но бандиты отхлынули от меня, словно от прокаженной. Оттолкнув одного из противников, Макстен оказался рядом со мной и прижался спиной к спине.

– Продолжай, - пробормотал он едва слышно.

– Я понятия не имею, что мне выкрикивать, – процедила я, не забывая для устрашения тыкать в сторону мужиков черепом, а потом прикрикнула: - Оксюморон!

– Отлично, - похвалил меня чернокнижник.

– Компьютер, факс, степлер, рентген... – посыпала я понятиями, неизвестными в мире средневековья, а потом буркнула: – Чем ты там занимаешься, пока я держу круговую оборону?

– Спасая нас, - напряженным голосом отозвался колдун. – Не останавливайся!

– Трансферт!

– Умница...

Откровенно сказать, у умницы заканчивался словарный запас и начинался паралич мозгов. Мужички постепенно осознали, что выкрики «ведьмы» не несли никакой магической нагрузки и начали наступать. В отчаянье я заорала, возведя череп к потолку:

– Ав-то-мо-биль!

– Еще, – последовал приказ от боевого товарища. Хотя видела я таких «товарищей» в том же гробу, где и рекламные туры по чужим мирам за свой счет.

– Давай теперь сам.

– Немедленно! – рыкнул он.

– Да что б вас всех тут пробрало... – буркнула я и завопила дурным голосом, как доведенная до края банши: – Абракадабра!

Из глазниц бедняги Егорки выплеснулись два зеленых луча. В круг магического света попал не вовремя рванувший к нам головорез, и его просветило до скелета. От изумления я взвизгнула и выронила череп. Он катился по полу, выплевывая в воздух короткие зеленые лучи, а я ловила себя на мысли, что не зря никогда не доверяла сказкам.

Вот так скажешь в каком-нибудь параллельном мире невинное словечко из детской книжки, а окажется, что толпу мужиков

расстреляла! А ведь это было простое «абракадабра», что бы случилось, выкрикни я «Авада Кедавра»? Все бы сразу замертво упали? На этой изумленной мысли сознание начало меркнуть, не иначе как подействовало проклятье, пойманное в дверях гостеприимного заведения. Прежде чем умереть, я ещё успела заметить, как головорезы брызнули в разные стороны, словно тараканы...

Оживала я мучительно, как с утра после бурной студенческой вечеринки. Сдернула с головы покрывало, попыталась перевернуться ... и с грохотом свалилась на пол. Оказалось, что я лежала не на жесткой кровати, а на узкой лавке в перевернутом вверх дном трактире.

– Очнулась? – прозвучал смутно знакомый хриловатый голос.

– Почему я все ещё в этом мире? – простонала, обращаясь в пустоту, и тут же стрельнула (в смысле сфокусировала) взгляд в сторону чернокнижника: – Не отвечай.

Он сидел за накрытым столом и, что-то жуя, индифферентно отозвался:

– Я и не собирался.

Покрывало на поверку оказалось длинным черным плащом из плотной ткани. Рукавов или прорезей для рук не было, зато имелся огромный капюшон. Другими словами, инквизиция на выезде, но не человеку в измазанной пижаме воротить нос от неожиданно свалившейся на голову одежды.

Трактир был пуст, входную дверь выбили. Сквозь проем в зловонное, сумрачное нутро заведения проникал солнечный свет. Нетвердой рукой я уцепилась за лавку, чтобы подняться, и тут обнаружила на внешней стороне кисти татуировку, подозрительно похожую на ту, что имела у чернокнижника. Открытие, сказать прямо, взбодрило и подняло давление. Я вскочила на ноги с такой проворностью, будто не валялась без сознания.

– Что это, черт возьми?!

– След от проклятья, - с индифферентным видом пояснил ведьмак.

– Я же теперь выгляжу, как адепт сатанинской секты!

– Зато ты избавилась от проклятья, – заметил Макстен и заработал выразительный взгляд.

– То есть ты мне хорошую новость сейчас сказал?

– Поверь мне, дитя, я пожил на этом свете. Когда ты точно

знаешь, что не умрешь от проклятья – это не просто хорошая, а отличная новость. Присоединишься к празднованию?

Знаете, как говорят? Если не можешь изменить ситуацию, то измени отношение к ней. Вряд ли сектантскую тату можно стереть, посплюнявив пальчик, но лазерную коррекцию никто не запрещает сделать. Как же я обожаю наш цивилизованный мир, где люди не пугаются слова «автомобиль»!

– Если ты угощаешь, - проворчала я, направляясь к столу. - А где все?

Вопрос прозвучал даже для меня странно, как будто в опустевшем трактире была не поножовщина, а удалая свадьба с дракой.

– Ушли, - отозвался Макстең и указал полным стаканом: – И дверь с собой унесли.

– Трактирщика тоже унесли?

– Пока не успели. Выпьешь за его душу?

– По-твоему, поминки – это празднование? - буркнула я, но за стол плюхнулась. Покрытый копотью щербатый Егорка стоял между тарелок.

– Кстати, это моя «абракадабра» заставила его зелеными лучами стрелять? – любопытствовала я.

– Больше черная магия, помноженная твое проклятье...

– Без подробностей, – пробормотала я, не желая знать, что мной очередной раз воспользовался один из чернокнижников, которым ни в коем случае нельзя было доверять.

– Другими словами, я всех нас спас.

– Просто супергерой, – фыркнула я и добавила, чтобы исключить недопонимание: – Это была ирония, если ты не понял.

Тарелки оказались вымытыми и целенькими. Еда, в отличие от рассольника, выглядела приличной. Для придирки я проверила на свет ложку, но смешно придираться к чистоте столовых приборов, когда у самой руки грязные.

– Так из какого ты, говоришь, мира? - покосился на меня Макстен.

– Из того, откуда твой ученик меня своровал, - без зазрения совести заложила я и под сытный обед рассказала абсолютно обо всем, что произошло в замке.

Не успела я доестъ, как в трактир ввалились люди в красных

плащах, и спокойная трапеза тут же оказалась прерванной.

— Чернокнижник Макстен Керн и безымянная черная ведьма, известная как Невеста чернокнижника, именем короля вы арестованы! — заорал с порога нервный страж.

Как же вышло, что я всего несколько часов находилась в параллельном мире, а уже и прозвище получила, и с дурной компанией связалась. Спрятав руки под стол, я съежилась. Желудок от страха свело судорогой, и обед стремительно подступил к горлу. Однако Макстен волнения не выказал. Не обращая внимания на вооруженный отряд, он спросил:

— Ты наелась?

Я судорожно кивнула.

— Тогда возвращаемся домой. — Он поднялся с лавки, и стражники в одну секунду ощерились мечами.

— Они на нас нападут, — прошептала я с истерикой в голосе.

— Не нападут, — уверенно покачал он головой. — Среди них нет мага. Дядьку Идриса прихвати.

— Кого? — вылупилась я и тут же поняла, что речь идет о дорогом спасителе Егорке. Поспешно схватила со стола череп, путаясь в длинном неудобном плаще, ужасно натиравшем завязкой шею, кое-как перевалилась через лавку.

Макстен схватил меня за запястье и улыбнулся:

— Капитан?

Решительной походкой, таща меня следом, он направился к перекрытому дверному проему. Блюстители порядка испуганно попятнулись. Не сбавляя шага, Макстен резко вскинул руку. Капитан захрипел, схватился за горло, а потом начал медленно подниматься над полом, яростно суча ногами в сапогах. Отряд оцепенел, боясь пошевелиться.

— Дорогу, господа, — очень тихо вымолвил чернокнижник, но даже у меня от страха екнуло сердце.

За нашими спинами хрипел почти задушенный страж. Народ хлынул в разные стороны, освобождая проход. Раздался грохот и надрывный кашель. Я оглянулась через плечо. Капитан катался по полу, пытаясь вернуть дыхание.

— Олухи, держите его! — хрипел он, но Макстен уже вошел в слепящий свет за порогом, а следом за ним я.

В глазах потемнело. Когда я проморгалась, то с изумлением обнаружила, что стою в знакомом холле замка Мельхом.

– Учитель! – разлетелось в гулком пространстве эхо. Эверт Ройбаш кубарем катился по лестнице, чтобы встретить долгожданного хозяина. Скромно и бесшумно появился черный прислужник Хинч. Тут парочка увидела меня и замерла.

Чернокнижник забрал у меня Егорку и сунул в руки слуги:

– Отмыть.

Потом без слов он начал подниматься по лестнице на второй этаж. В ошарашенной тишине раздавались быстрые шаги. Притормозив рядом с оцепенелым учеником, он кивнул в мою сторону:

– Одеть, отмыть и отправить домой в ночь черной звезды.

– Я не знаю как, – проблеял Эверт, боясь даже покоситься в мою сторону.

– Ты не знаешь, как ее одеть и отмыть?– спокойно спросил Макстен,и в этом спокойствии было скрыто столько ярости, что я бы на месте неуча потеряла сознание, скатилась с лестницы и по собственному желанию свернула шею. Другими словами, самоустранилась от стыда.

– Отмыться я сама могу! – прикрикнула я, вздрогнув от одной фантазии, как малолетний недоумок приготовит «ванну с пузырьками», а потом принесет деревянных уточек и предложит потереть спинку.

– Не знаю, как отправить, - откашлялся бледный как смерть ученик.

– У тебя еще месяц, чтобы узнать.

– Месяц?! – поперхнулась я. - Но у меня нет месяца. Я думала , что вы тут поколдуете и прямо сейчас меня переправите.

– Что я могу сказать, – ухмыльнулся он, бросив на меня насмешливый взгляд, – добро пожаловать в замок Мельхом.

Добро пожаловать?! Он издевался после того, как мы вместе толпу разбойников уничтожили? Если бы не моя волшебная «абракадабра», он бы сейчас катился по гладкой дороге в ад, прямиком в котел с другими ведьмаками. Неблагодарная скотина! Никогда не верь чернокнижникам, Алина! Особенно тем, кто хорошо колдует!

ГЛАВА 2. Беда в мирном замке

– Ваша спальня, госпожа. – Хинч остановился возле двери. – Не переживайте, в хозяйском крыле не бывает привидений, открывается прекрасный вид из окон, а банная комната оснащена чудесным магическим ватерклозетом. В вашем мире дома оснащают ватерклозетами?

– В обязательном порядке, – нервно улыбнулась я, постеснявшись сказать, что желала бы немедленно опытным путем проверить разницу между обычным унитазом и магическим чудом.

– В таком случае, вы будете чувствовать себя как дома, – кивнул Хинч и... деликатно постучался в дверь.

Поймите правильно, мне с детства вдалбливали, что в чужие спальни, особенно женские, следовало стучать, но дама-то была все ещё снаружи, а очень сильно желала оказаться внутри. Удивительно, как не притопывала.

– Мельхом не любит бесцеремонность, – пояснил прислужник.

– Мне тоже надо стучаться, прежде чем войти? – серьезно уточнила я.

— Но это же ваша спальня, – вкрадчиво посмотрел на меня Хинч. Превосходно! Видимо, на второй сотне лет в людях просыпался талант давать странные ответы на прямые вопросы.

Дверь сама собой открылась, пропустив нас в небольшую уютную спальню с кроватью на возвышении, туалетным столиком и секретером. Мебель была точно бы привезена из антикварного салона.

– Банная комната, – торжественно объявил Хинч.

Рассудив, что насладиться видом из окна время найдется, я бросилась к двери в ванную и на ходу объявила:

– Спасибо, дальше я сама...

Вымыв руки в медной раковине, я избавилась от осточертевшего тяжелого плаща. Зеркал в банной комнате не было. Глубокая ванна на ногах в форме львиных лап сверкала чистотой. На полочке лежали аккуратно сложенные полотенца, вероятно, заменявшие банные полотенца. На краю ванной стояла банка с пастой, на поверку оказавшейся подобием пахнущего хвоей мыла. Отскрести грязь

хотелось страшно, но имелась проблема – вода из крана шла ледяная. Я выглянула в спальню, чтобы уточнить у Хинча, где бы добыть кувшинчик тепленькой водички, но прислужник уже деликатно удалился.

– Зато за месяц укрепится иммунитет, - попыталась взбодриться я, хотя никогда не верила в чудодейственную силу ледяных омовений, и принялась скидывать одежду.

Мылась частями. Сначала ногу, потом руку, потом еще какую-нибудь часть, осторожно плеская на себя водичкой, текущей тоненькой струйкой. Удовольствие, мягко сказать, было ниже среднего. Сжав зубы, засунула голову под кран, а когда намылила слипшиеся от грязи волосы, то услышала:

– Кхм...

Резко вскинулась и уставилась на Макстена, замершего в дверном проеме, который неожиданно появился в стене. Спорный сюрприз, сказать прямо.

– Какого черта?! Убирайся! – немедленно прикрыв стратегически важные места руками, взвизгнула я и попыталась слиться с медным днищем. Хотелось бы одарить нахала гневным взглядом, но с головы стекала мыльная пена и попадала в левый глаз. Изображать ярость, по-дурацки щурясь и выглядывая из ванной, было сложновато.

Колдун повернулся спиной и поднял руки, словно сдавался на милость врагам.

– Похоже, Мельхом решил, что у нас будет общая банная комната.

Хотелось верить, что больше Мельхом не прорубит лишних дверей и не загонит в ванную Эверта. Вдруг магический замок решит, что приказ хозяина «одеть, отмыть, отправить» следует понимать буквально?

– Лучше бы он водички горячей дал, – прошипела я, переваливаясь через бортик и дотягиваясь до приготовленной простыни.

– Мельхом, согрей нашу гостью, - приказал Макстен и оглянулся через плечо: – Советую подружиться с демоном замка.

– Голову повернул! – рявкнула я.

— Не за что, - добавил насмешливо чернокнижник, намекая, что за помощь и бесплатные советы следовало благодарить. Что ж такое? Заваливается в ванную к девушке и еще манерам учит!

– Ты свалишь наконец?
– Чего я не видел у голых женщин? - фыркнул Макстен, выходя.
– У меня ещё ничего не видел! – рявкнула я. В рот попала горькая пена, и защипало глаза.

– Ты сказала «еще»?

– Нет! – хотела прибавить парочку ругательств, но он уже ушел.

После экстремального купания, завернутая в простыню, я юркнула в спальню и обнаружила, что дверь раскрыта нараспашку. В пустом коридоре стоял огромный сундук. С трудом подняв крышку, я обнаружила внутри женскую одежду, переложенную мешочками с травками. Перетащить машину оказалось невозможным. Как я ни напрягалась, ни упиралась пятками в ледяной пол, даже на сантиметр не сдвинула. Пришлось копаться в вещах прямо в коридоре. Неожиданно порадовало штанами, похожими на лосины, и приличной рубашкой, видимо, мужской. Одевшись, готовая к новым подвигам в незнакомом мире, я встала посреди комнаты, уперла руки в бока и вдруг поняла, что дела закончились. На ближайший месяц я была совершенно свободна. Какой кошмар!

– Мельхом, проведешь экскурсию? – подняв голову к потолку, громко спросила я. Дверь в комнату категорично захлопнулась, отрезая меня от сундука с вещами. Ответ был более чем определенный.

– Хотя бы дай одежду разобрать, – буркнула я.

Следующий день шел уныло. На улицу Мельхом меня не выпустил, только на задний двор. Прогулка по безлюдному замку и оранжерее, оставляющей ощущение цветущего хаоса, заняла чуть больше часа. Стоя посреди пустого зала с паркетными полами, я покачала головой и спросила у пустоты (со стороны выглядя совершенно чокнутой):

– Замок, ты такой большой и абсолютно пустой! Самого не воротит?

Мгновением позже пространство пришло в движение. От страха потеряв дар речи, я следила, как сжимались стены и потолок. Сейчас меня раздавит, как муху! Колени подогнулись, я села на корточки, закрыла голову руками и зажмурилась. Вокруг дрожало, гудело, хрустело, и вдруг наступила тишина.

Выждав пару секунд, я осторожно подняла голову и присвистнула

от удивления. Огромный бальный зал исчез, а меня каким-то чудом перетащило в небольшой холл с мраморной лестницей, ведущей на второй этаж, и крюком на потолке от люстры. Замок явно перестал выглядеть как замок и заметно уменьшился в размерах.

– Эверт, какого демона?! – Макстен вырвался в холл из соседнего помещения, видимо, теперь превратившегося в гостиную. Наткнувшись на меня, он резко остановился и упер руки в бока. Я не видела колдуна со вчерашнего вечера – Мельхом запер спальню, подозреваю, что не без приказа хозяина. Стоило признать, что мужчина выглядел неплохо: отмылся, побрился, причесался... взбесился.

– Мне очень жаль, – вымолвила я тоном профессионального менеджера по туризму, отправившего отдыхающих в Лапландию вместо Испании. – Прошу прощения за доставленные неудобства.

– То есть вот это... – Макстен махнул рукой, намекая на преображенный замок, – неудобства?

– Я не знала, что так выйдет.

Плохо, очень плохо, Алина! Ты даже на работе оправдывалась ловчее. Надо было заплакать. Точно! Женские слезы пугали мужчин. Плакать совершенно не хотелось.

Чернокнижник выдохнул. Подозреваю, что мысленно он уговаривал себя не проклинать глупую девицу.

– Чем тебе не понравился размер моего замка? – тихим хриловатым голосом спросил Макстен.

— Ну...

– Ты понимаешь, что предки Керны теперь в гробах перевернутся?

– Понимаю.

– В прямом смысле этого слова, – добавил хозяин обмельчавшего жилища.

Входная дверь широко распахнулась. В замок ворвался переполошенный Эверт, от ужаса бледный до синевы. На пороге он споткнулся и едва не уткнулся носом в мраморный пол.

– Учитёль, клянусь, я ничего не делал! – воскликнул мальчишка. – Он сам вдруг уменьшился в размерах...

Тут его взгляд остановился на мне, речь сбилась, и указательный палец ткнул в мою сторону:

– Это была ты? Ты нас лишила почти всех помещений? Хорошо

хотя бы башня с библиотекой и лабораторией сохранилась!

– Кхм, - глубокомысленно промычала я.

В холле возник бесшумный Хинч. За голую чугунную ручку темный прислужник держал скворчащую раскаленным маслом сковороду.

– Господин Керн, сковороду и перепелов я спас, но мы лишились очага с котелком готовой похлебки.

И наступила тяжелая тишина. Оказавшись под перекрестным огнем трех осуждающих взглядов, я пробормотала:

– Если я извинюсь перед замком, он снова вырастет и вернет обед?

– Нет! – выражая солидарность, в три голоса рявкнули мужчины.

– А вы не пытались думать в позитивном ключе? - решила сверкнуть я знаниями психологии, почерпнутыми из книжки типа «Как стать счастливым за неделю, но не скончаться от радости». – Зато теперь мы станем ближе.

В прямом смысле этих слов...

Положа руку на сердце, если бы ко мне в квартиру вломились незваные гости, а потом отхватили половину единственной комнаты, я бы озверела. Стало ясно, что лучше прикусить язык, иначе чрезвычайно сдержанный для своей нервной профессии темный колдун не дождется черной звезды и отправит меня куда-нибудь магическим пинком под зад. И это явно будет не мой родной мир.

– Да ладно, ребят! Я же не сказала Мельхому ничего обидного, просто предположила, что ему надоело стоять пустым...

– Хозяин, хотите я ее сожру? – повернув голову к Макстену, предложил Хинч. Неожиданно обнаружилось, что он раздувал ноздри, словно действительно принимавался и оценивал, насколько иномирная гостья аппетитна.

– После третьего предупреждения.

— Не имеете права, я гражданка другого мира! – выпалила я.

– Первое уже есть, - спокойно добавил Макстен.

Неожиданно мужики разошлись в разные стороны, видимо, намереваясь проверить, как много комнат и помещений оставил обидчивый Мельхом в распоряжении жильцов.

— Но ведь стало уютнее! – крикнула я, но народ явно подбадривания не оценил.

Стоило признать, что уютнее не стало, а только теснее. Все спальни оказались перенесены на один этаж. Моя комната обмельчала, исчезла отдельная ванная. Демонический замок наказал новую жилищку общими удобствами в конце коридора. По соседству, судя по возмущенным воплям, несшимся из-за закрытой двери, был поселен Эверт. Зато сундук с вещами по-прежнему красовался посреди коридора. Столовая и кухня объединились. С одной стороны каменную стену подпирали закопченный очаг, шкаф с посудой и кухонный прилавок, а с другой, под окном, – неловко громоздился знакомый стол и изящные стулья, сохранившиеся от прежней обстановки.

Обедали в угрюмом молчании. Хинч поглядывал на меня как на сырую отбивную, ученик чернокнижника как на врага всего магического мира и его лично, и только сам хозяин замка казался непробиваемым. В принужденном молчании кусок застревал в горле. Вернее, еда не шла в принципе – черный прислужник чудовищно готовил, но после преобразования Мельхома обед как-то по-особенному не лез.

– Нет аппетита? - светским тоном спросил сидевший во главе стола Макстен. Почувствовав подвох, я поерзала на стуле и осторожно вымолвила:

– Мясо островато.

Стоявший за спиной хозяина Хинч многозначительно кашлянул и с выразительным видом отправился ставить чайник на небольшой очаг (жалкое подобие величественного монстра, украшавшего кухню поутру).

– Может, нам стоит нанять кухарку? - вдруг задумался чернокнижник. - Только у нас так стало мало места в замке, что даже не знаю, куда поселить бедную женщину.

– Хозяин, я могу переехать в кладовку, - раздался загробный голос прислужника, выказывающего удивительную жертвенность.

Макстен сделал вид, будто не услышал конструктивного предложения и продолжил рассуждать:

– Восточного крыла для прислуги сегодня не стало, спальни только на втором этаже. Пристройка еще есть. Но если в замок приедет женщина, придется все-таки выделить одну из комнат...

Эверт затравленно опустил голову, подозревая, что отселить планировали его, но я-то понимала, что в кладовку, пристройку или

просто на заднюю лужайку переселят иномирную гостью. Шантажист, а не колдун!

– Вообще я хотела сказать, что женщины в нашем мире умеют готовить, – перебила я. – Так что едой могу заняться я.

– Да неужели? – изобразил фальшивое удивление Макстен.

– И ещё вполне могу мыть посуду, – принялась я торговаться. – Хинч уже вторую сотню лет размерял, ему не стоит напрягаться.

Повисла выжидательная пауза. Чернокнижник изогнул брови и уточнил:

– И все?

– А этого мало? – намекнула я, что пакет услуг предложен и пересмотру не подлежит. Учитывая печальную судьбу предыдущих кухарок, решивших по глупости перебраться в замок на заработки, я вообще жизнью, можно сказать, рисковала.

– Учитель, пусть готовит, – громко зашептал Эверт, как будто я сидела в другой комнате, а не за одним с ним столом. – Хинч точно не повар.

Я скромно промолчала, что поваром тоже могу называться лишь отчасти, но борщ с пампушками с меня вряд ли не потребуют.

– Что ж, тогда договорились, – мягко улыбнулся колдун и с таким грохотом отодвинул стул, словно на самом деле находился в ярости. – Вставай, Эверт Ройбаш, к нам идут люди.

– Уже? – удивился ученик, моментально вскакивая из-за стола. – Вы только ведь вернулись. Как узнали?

Мне немедленно вспомнились вчерашние подвиги в таверне, сгинувший хозяин заведения и почти придушенный капитан.

– Стражи пришли? – уточнила я, как только мы с Хинчем остались наедине.

– Просители, – коротко объяснил он.

– К черному колдуну? – не поверила я.

– Хозяин – маг высшей категории, – высокомерно фыркнул прислужник и кивнул на пустую кадку: – Посуду мыть здесь. Водопровод на кухне исчез. Вода в колодце.

– А где колодец?

– У замковой стены.

– Вот уж свезло, – пробормотала я, поднимаясь из-за стола, и начала собирать тарелки. – Послушайте, Хинч, вы действительно были

готовы меня съесть?

– Да, - ошарашил прислужник, и от удивления у меня даже вилки посыпались на каменный пол.

– Прямо живьем?! – воскликнула я, но тут же махнула рукой: – Нет, не рассказывайте подробностей, я стану буйным неврастеником. Понимаю, что странно слышать просьбу от закуски, однако, даже если я кажусь вам аппетитной, можно спросить совета? Как подружиться с Мельхом? В нашем мире, знаете, дома не меняют планировки по собственному желанию.

– Когда Мельхом изводил Эверта, то он проводил ритуал, – вдруг расщедрился скряга на нормальный совет.

– Ритуал? – насторожилась я. – Типа в бубен бил, песни всякие пел... и никаких кровавых жертв. Да?

– Мельхом – демон, заточенный предками Кернами в камень, - сухо пояснил прислужник.

– То есть без крови никак?

– Почему же, вы можете попробовать ему спеть, - надменно предложил Хинч.

Он вышел из кухни, оставив меня один на один с остывшим очагом, горой немытой посуды, пустой кадкой и деревянным ведром.

После самовольной реконструкции Мельхом не отзывался и двери к просителям пришлось открывать, что называется, по-человечески. Сложив руки на груди, Макс терпеливо следил, как ученик пытался впустить визитеров. Эверт пыхтел, потел и нервничал. Он бормотал заклинание, перемещающее портал, открывал магическую дверь, но обнаруживал пустой порог. Три раза он ошибался с направлением и бесился сильнее.

Колотили в дверь из маленького городка Анселя, что находился в восточной долине королевства. На узкой мощеной щербатыми булыжниками улочке стояли секретарь градоначальника с телохранителем. Оба парились в мундирах под палящим солнцем и воровато оглядывались, чтобы никто не заметил. Макс сам мог бы открыть, но как по-другому выдрессировать в ученике умение *видеть и осознавать*? Навык был жизненно необходим магу, страдающему топографическим кретинизмом, как Эверт Ройбаш. Поэтому чернокнижник спокойно ждал, когда тот справится с заданием. А если у

просителей не хватит терпения, то еще и напрягаться не придется.

Эверт с красной физиономией затравленно оглянулся к учителю и пробормотал:

– Еще разок.

Макстен сделал приглашающий жест, мол, ни в чем себе не отказывай... паршивец, неспособный на простейшее колдовство. Ученик что-то пробормотал под нос, может, помолился или обругал девчонку из иного мира, рванул на себя дверь и попал! Вместе с ослепительным солнечным светом восточной долины в дверной проем едва не вплеснулся охранник. Секретарь испуганно попятился, будто собрался дать стрекоча.

— Нам бы чернокнижника... – пробормотал он.

Обычно Мельхом незаметно менял обстановку приемной, подстраиваясь под привычный просителям интерьер, но демон молчал. Безуспешно скрывая нервозность, визитеры поднялись по высоким каменным ступеням в простую комнату с деревянными панелями на стенах и скромной обстановкой.

Охранник незаметно озирался вокруг, видимо, выискивая смертельные артефакты, но горшок с цветком, поставленный Хинчем на подоконник, и аккуратно вычищенный камин с прокопченной решеткой опасными не выглядели. Впрочем, в замке многое только выглядело невинным. Цветок был плотоядным и питался мухами.

– Здесь нет опасной магии, – спокойно вымолвил Макстен, давая понять, что можно не напрягаться. Черные артефакты хранились в заговоренных шкатулках на втором этаже, куда вела закрученная лестница, узким винтом вонзавшаяся в низкий потолок.

Охранник моментально округлил глаза. Скорее всего, подумал, что чернокнижник умел читать мысли. Мог бы, но чужое сознание обычно походило на помойку. Читать людей легко без магии, в большинстве своем они похожи на открытую книгу. Для чего тратить силы?

Секретарь вытащил из кармана платок, обтер лицо и пискнул фальцетом:

– Господин чернокнижник... – Он откашлялся, вернув басок, и продолжил: – Я помощник...

– Я знаю, кто ты, – перебил Макстен. – Для чего мэру черная магия?

– Потому что белая магия нас скоро в гроб вгонит, - признался секретарь. – Это знаете ли очень деликатное дело...

– Уважаемый мэр Коди сходил на сторону и лишился мужской силы? – усмехнулся Макстен.

– Откуда знаете? - поменялся в лице секретарь.

О том, что перед отъездом чернокнижника в Мельхом приходила заплаканная жена мэра и просила «старого козла» уговорить, Макс предпочел умолчать.

– Я не снимаю проклятий, господа, – спокойно отказался помочь он и уже хотел выпроводить визитеров, как секретарь взмолился:

– Господин чернокнижник, мы обратились к белому колдуну Ирену Орсо! Стало еще хуже...

– В восточной долине появился белый маг? – заинтересовался Макстен. Почти полвека не находилось самоубийц, готовых колдовать в непосредственной близости от гнезда Кернов, а смотрите-ка, возник на горизонте.

– В прошлом месяце он приехал с разрешением на частную практику, - тут же отрапортовал секретарь.

– Завтра Эверт заглянет к господину мэру и разберется с его деликатной проблемой, - неожиданно даже для ученика согласился Макстен. На проблемы градоначальника ему было по-прежнему плевать, а вот с новым соседом, вернее, с его колдовством познакомиться следовало.

Но на Эверта было больно смотреть. Он побледнел в цвет полотна, ткнул себя пальцем в грудь и беззвучно спросил: «Я?!» Макстен кивнул, мол, не мне же обслуживать простых смертных.

– Оплата пятьдесят монет, – добавил он. - Деньги сейчас.

Секретарь поперхнулся на вдохе.

– Господин колдун, не считаете, что это как-то...

– Торгуетесь? - изогнул бровь чернокнижник.

– Нет-нет, - испугался тот и пробормотал, вытаскивая из-за пазухи кошель: – Как можно торговаться в такой ситуации? Но если вдруг не поможет?

– Оплата не возвращается. - Макс забрал протянутый кожаный кошель и взвесил на ладони. Ровно полсотни золотых, совсем недавно отчеканенные монеты, новенькие одна к одной. Количество монет в кармане визитеров чернокнижник всегда угадывал без ошибок.

– Господина мэра не столько деньги волнуют, сколько... как бы выразиться... здоровье, – попытался требовать гарантий секретарь.

– Все в порядке будет с его здоровьем, – уверил Макстен. – Он точно выживет.

Судя по тому, как округлились глаза Эверта, ученик за удачный исход дела вообще не ручался. Едва за визитерами закрылась дверь, как он бросился следом за чернокнижником, поднимавшимся на второй этаж.

– А если у меня не получится? – жалобно скулил щенок в спину.

– Снимешь с него печать от блуда и вернешься домой, – успокоил он ученика.

– Откуда вы знаете, что у него печать от блуда?

– Я сам ее поставил пару месяцев назад. Знал, что у мэра привлекательная супруга?

Эверт, поднимался по крутой лестнице и недовольно сопел. Его красноречивое молчание словно говорило, что чернокнижнику Макстену Керну было бы неплохо самому поставить печать от блуда.

– Зачем меня туда отправлять? – ворчал он. – Вы же сами можете снять, не выходя из замка.

– Хочу узнать о талантливом соседе, не признавшем печать чернокнижника.

На втором этаже, посреди кабинета с громоздкой мебелью, где от черных артефактов даже воздух казался темнее, стоял Хинч. Он смотрел из-под бровей и улыбался кроткой улыбкой демона-маньяка, от какой у любого нормального человека случилась бы остановка сердца.

– Хозяин? – вкрадчивым голосом вымолвил слуга и протянул руку, намекая, что чернокнижнику следовало отдать кошель.

Прислужник обладал нюхом на деньги острее, чем у охотничьего пса на подстреленных уток. Безошибочно узнавал об авансах и отбирал все до последней медяшки. Иногда казалось, лучше бы колдун брал натурой. Хотя натура мэрского секретаря могла пойти разве что на корм демоническим псам или самому камердинеру, выполняющему в жизни Макса роль сварливой тещи.

– Раз вы вернулись, то пора вспомнить об обязанностях главы рода, – мягко намекнул Хинч, что золотые придется отдать.

– Я последний в роду Кернов, – напомнил Макс.

– Поэтому ответственности на вас гораздо больше. Я не говорю о

наследниках, несчастным детям все равно достанется разоренная сокровищница и только треть замка, но о насущных проблемах стоит подумать. Погреб требует пополнения. Нам следует купить еду, мыльную пасту, свечи, бумагу, чернила...

– Послушай, Мельхом, знаю, приятель, что мы очень плохо начали, - зазвучал приятный женский голос, и Хинч заткнулся от изумления. – Давай мириться? Я буду хорошей девочкой, только верни в кухню кран с водой.

Девушка из иномира, призванная паршивцем Эвертом вместо космической силы, говорила во дворе, буквально под кабинетом чернокнижника. Обстоятельство вызывало некоторое недоумение, ведь прежде отсюда открывался вид на холмы и вековой погибший дуб.

Макстен подошел к окну и осторожно выглянул из-за занавески. Замок обмельчал настолько, что теперь вместо душевного пейзажа была видна каменная стена. Алина стояла возле круглого колодца с потемневшим от времени деревянным «журавлем» и склонялась в темную глубину. Скромная рубашка задралась, представив мужскому взору аппетитную попу и длинные стройные ноги, туго обтянутые мужскими панталонами. В этих самых панталонах она выглядела отлично, и Макс промолчал об ошибке в гардеробе, не пожелав отказаться от замечательного зрелища.

– Ладно, поняла, ты не хочешь возвращать водопровод, но хоть ведро дай поднять? – говорила Алина в колодец, а эхо усиливало голос.

– А она весьма милая, – тихо проговорил Эверт, разглядывая женские бедра.

— Находишь? – с иронией оглянулся через плечо чернокнижник к мигом смутившемуся ученику.

Алина выпрямилась, попыталась допрыгнуть до края «журавля», чтобы поднять ведро с водой, но сноровки не хватало. Она помедлила, почесала лоб, словно пытаясь выудить какую-нибудь идею, а потом возвела руки к небу и заорала дурным голосом:

– *Я свободен, словно птица в небесах! *композиция «Я свободен», В.Кипелов*

– Что она делает? - без преувеличений опешил маг.

– Кажется, поет, - осторожно подсказал Эверт.

– *Я свободен!..*

– Она поет пленному демону о свободе? – озадачился Макс, но

тут Алина махнула правой рукой, левой. - И ещё она танцует.

– Хозяин, боюсь, это моя вина, – принялся каяться Хинч. - Она спросила, как подружиться с замком...

– *Я забыл, что значит страх!..*

Неожиданно из колодца в небо вырвался гейзер ледяной воды, как пушечное ядро выскочило деревянное ведро. С визгом недоделанная комедиантка прикрыла голову и отбежала на несколько шагов. Когда гнев Мельхома утих,то она обтерла лицо, подошла к колодцу и пнула камни носком сапога:

– Плохой демон! Я тебе песни пою, а ты меня водой поливаешь?!

Из колодца вырвалась тонкая струйка и ударила в девчонку. Она задохнулась, расставила руки. С одежды и волос стекало.

– Очень плохой демон! Я хотела тебе занавески постирать и полы в холле помыть, а теперь не буду. Ходи, как поросенок!

– Она ругает Мельхом? - с изумлением в голосе спросил Эверт, хотя, судя по всему, ответа не ждал.

– Послушай, паршивец, - кашлянул в кулак Макстен, вдруг осознав, что теперь вряд ли в ближайшие лет пятьдесят замок вернет первозданный вид, - ты уверен, что призывал космическую силу, а не главного демона преисподней? Потому что такое ощущение, что именно он явился к нам в женском облиии.

– Хозяин, хотите я ее сожру? - Хинч походил на плотоядный цветок. Сдержанный и воспитанный камердинер снаружи,и кровожадный монстр – внутри. Не зря жизнь в нем поддерживал демон обжорства. Правда, почему-то прилично готовить, бес, любящий пожрать, не умел.

– Я бы и рад от нее избавиться, но потом отдача замучает, – тихо ответил чернокнижник.

Как это случилось? Макс сам до конца не верил, но странная девушка, только что пнувшая колодец, за короткий час трижды спасла его шкуру. Это было даже забавно. Дядька Идрис, при жизни обладавший странным чувством юмора, наверное, надорвался бы от хохота, что в абсурдную ситуацию попал именно Макстен, последний Керн, совершивший много хороших дел и в сотни раз больше – плохих. Он оказался должником девчонки из иного мира. Трижды!

Алина воровато огляделась вокруг и начала стаскивать мокрую рубашку. Поднять голову к окнам и проверить свидетелей раздевания ей

в эту самую голову, конечно, не пришло. Она вообще когда-нибудь думала?

– Эверт, отвернись, – приказал Макс.

– Простите, учитель, - пробормотал тот.

– И отойди от окна на три шага, – не сводя взгляда с почти обнажившейся девушки, добавил чернокнижник. Внизу оказалась надето нечто кружевное, открытое и очень соблазнительное на вид. Ежась на холодном сквозняке, Алина выжала рубашку и поспешно начала натягивать обратно, пряча хрупкие плечи и изящные изгибы.

Жаль. Она хороша, когда раздета, молчит и не пытается доставать Мельхом.

С водой мне помог Эверт. Я наткнулась на ученика, которому мысленно дала прозвище Бездарность, на лестнице. Переодевшись в сухое, я направлялась на задний двор, что бы взять колодец решительным штурмом, больше не вступая в человеческие переговоры с Мельхомом.

– Ты мне нужен! – рывкнула я, и ученик даже икнул. Видимо, обычно он был нужен, чтобы кого-нибудь заморить до смерти или воскресить – по обстоятельствам. – Добудь мне воды из колодца.

Эверт отлично справился с ролью водоноса. Солнце было в самом зените, воздух нагревался. Вспаренный Эверт таскал тяжелые ведра на кухню, а я трусила рядом и преданно заглядывала в его вспаренное лицо (очень действенный способ, практически второй после слез, если что-нибудь необходимо добиться от мужчины).

– Что ты от меня хочешь? – Он поставил ведро на дорожку, потом из него же умылся ледяной водой. Я действительно пыталась подлизаться, поэтому возмутилась о негигиеничности только мысленно.

– Как ты подружился с Мельхомом? Знаешь, очень хочется вернуть кран на кухню, иначе вы же надорветесь, пока будете таскать ведра на кухню.

– То есть ты заботаешься о нас? - удивился Эверт неожиданному повороту.

– Конечно, - состроила я удивленное лицо. – У меня-то через месяц будет снова водопровод, а вы останетесь с колодцем.

– Ладно, и что ты хочешь знать?

– Ты, правда, проводил ритуал, что бы подружиться с демоном?

Не знаю, там... кхм... жертву приносил?

– Жертвоприношение? – моргнул Эверт и завис на пару секунд, вдруг его лицо осветилось очень странной улыбкой латентного маньяка:

– Да, я проводил ритуал с жертвоприношением.

– Поможешь?

— Ну... Смотри, что ты предложишь взамен.

Проклятье! Миры разные, а все равно везде царят товарно-денежные отношения.

– Я уже не девственница, - немедленно напомнила я, что пытаться развести меня на какую-нибудь ритуальную неприличность совершенно бессмысленно. - Ладно, я выполняю любое твоё желание.

Глаза ученика блеснули в предвкушении.

– Но это не будет никак связано с ритуальным... Ну, ты понимаешь.

— Не очень, – покачал он головой.

– Никаких прелюбодеяний и блуда. Даже тантрических. Проклятье, даже мысленных!

– А что значит тантрический? - заинтересовался он, будто действительно размышлял, а не начать ли спорить.

– Объяснять долго, а тебе все равно не светит, - отговорила я, сама не вполне понимая, что это значит, ввернула-то для красного словца.

– Ладно, согласен. – Он протянул руку. Я смотрела на длинные пальцы с грязными ногтями, и пыталась отогнать подозрительную мыслишку, что заключаю сделку с мелким демоном перекрестка. На полновесного дьявола Эверт все равно не тянул.

– Только попробуй меня обмануть, – процедила я, отвечая на рукопожатие. - Выбью зубы, будешь похож на череп дядьки Идриса!

Мы сговорились, когда после ужина Макстен займется чернокнижными делами, встретиться в библиотеке и честь по чести подготовиться к ритуалу. С едой возникла заминка. Оказалось, что я сильно преувеличила собственные таланты, когда подрядилась стряпать в средневековом замке (хорошо, в огрызке от средневекового замка). Для готовки на очаге с углями, помеси печи и камина, совершенно непохожем на электроплиту, требовалась недюжинная сноровка. Единственным кулинарным изыском, на какой хватило моих навыков, была яичница с помидорами. Оставалось надеяться, что чудовищная

стряпня камердинера сделала мужчин в замке невосприимчивыми к невкусной еде.

– Приятного аппетита, – улыбнулась я.

Подозреваю, что чернокнижники восприняли мои слова как издевательство. Стол был пустым. Стоял случайно сохранившийся после перестройки трехрогий серебряный канделябр, три тарелки с приборами, глиняная миска с яичницей из двадцати яиц и шести помидоров и... все. На этом гастрономические и дизайнерские изыски заканчивались.

– В нашем мире яичницу с помидорами едят по особенным случаям, - с улыбкой жизнерадостной идиотки соврала я и принялась раскладывать угощение по тарелкам. - На большие праздники, на день рождения.

– А у нас, когда жрать совсем нечего, – задумчиво пробубнил поднос Эверт. – Тяжело же вам живется.

– Я говорил, что нам надо пополнить запасы, - с достоинством заметил Хинч, стоявший за спиной у хозяина.

От трапезы он отказался, заявив, что ел на прошлой неделе. Спорить я не стала, мало ли какой диеты придерживались разменявшие вторую сотню лет одержимые, любящие полакомиться свежатиной, как Бармалей. Может, он поймал и живьем схрумкал парочку птичек, раз меня на съедение не отдали.

– Приятного аппетита, господа, - пресек споры Макстен и, щелкнув пальцами, зажег свечи в канделябре, а заодно в масляных светильниках на каменных стенах.

Когда с ужином было покончено, со стола убрано, а посуда кое-как перемыта мыльной пастой, щиплющей руки, я сбежала из кухни в библиотеку, где меня уже дожидался Эверт. Он стоял у пюпитра с закрытым гримуаром в черной кожаной обложке, по виду очень старым.

– Что делаешь? - подняла я повыше свечу.

– Свят, свят, свят! – отшатнулся от книги Эверт и неожиданно осенил себя знамением. - До разрыва сердца доведешь.

– А что, чернокнижников не разбирает паралич, если вы креститесь?

– Типун тебе на язык, – буркнул ученик. – У меня папа был духовник.

– И как тебя занесло-то? – кивнула я на книгу явно магического

содержания.

– Чернокнижники хорошо зарабатывают, - буркнул он.

– Угу, особенно по твоему учителю богатства заметны, – ухмыльнулась я, вспомнив, с какой болью камердинер говорил про закупку продуктов. – Так с чего начнем?

– Приложи сюда руку и задай вопрос. - Эверт с подозрительной поспешностью уступил мне место перед книгой. Пристроив свечу на маленький столик, я подошла к пюпитру. На черной кожаной обложке был выдавлен след от человеческой пятерни.

– Как мне подружиться с Мельхомом? – громко спросила я и приложила руку к оттиску. Неожиданно по контуру вспыхнули красноватые всполохи, в ладонь ударило сильным электрическим разрядом, даже волосы встали дыбом, и сердце загрохотало. Одной сочной матерной фразой я выругалась на хитреца Эверта, черные гримуары, изменчивые замки и отпрянула от стойки.

– Пробудился! – с изумленным восторгом воскликнул партнер.

– Ты мог предупредить, что будет больно? - процедила я, изучая покрасневшую ладонь.

– До свадьбы заживет, - с видом жадного ребенка, нашедшего в полке пакет с килограммом шоколадных конфет, отодвинул он меня.

– Я до свадьбы не доживу, если меня всякие... книги кусать будут, - ворчала я, растирая руку. – У вас мир людоедов, куда ни плюнь, везде кусают или сожрать хотят.

– Так делай выводы.

– Какие же?

– Не плюй где ни попадя! – фыркнул Эверт и с благоговейным видом раскрыл гримуар. В полумраке, едва тронутым скудным светом тусклых свечей, от рукописных листов полилось сияние, озарившее лицо ученика. Некоторое время с зачарованным видом он переворачивал страницы, словно напрочь забыв о причине нашего свидания. Пришлось покашлять в кулак. Ноль реакции. С любопытством я встала на цыпочки и заглянула парню через плечо. Страницы у книги плотные сероватые, испещренные незнакомыми символами, непонятными, как китайские иероглифы.

Целых полгода я пыталась выучить китайский язык на тот случай, если вдруг заблужусь где-нибудь в рисовой провинции, опоздаю на самолет и начну бродяжничать по Поднебесной. К слову, о поездке в

Китай в то время я даже не помышляла. По отдельности китайские иероглифы имели смысл и даже перевод, а все вместе, собравшись в длинную живописную строку, превращались в приснопамятную абракадабру. В общем, стрекочущий язык мне не дался, и потому я, как дура, стояла на наземном переходе и не знала, где найти остановку. Сейчас я чувствовала себя так же, как на том переходе: ни черта не ясно, досадно и очень хочется спать.

– Ты ритуал с таким усердием изучаешь или читаешь рецепт превращения меди в золотые слитки? – на ухо произнесла я Эверту.

– Откуда знаешь? – испуганно икнул он.

– Чего, правда читаешь рецепт превращения золота?! – поперхнулась я на вдохе. – Seriously? Давай запишем и сделаем все вилки золотыми. Господи, мне же до конца жизни тогда не придется работать.

– Медь невозможно превратить в золото, – буркнул он и кивнул в сторону большого стола: – Садись и записывай.

Пристроив свечу, я вытащила из выдвижного мелкого ящика самое обычное перо, похожее, выдранное из зада, простите, хвоста у гуся (подозреваю, потом несчастная птица послужила обедом), помакала в ополовиненную чернильницу и кивнула:

– Диктуй.

Эверт принялся водить пальцем в гримуаре и зачитывать:

– На кладбище выкопать могилу глубиной в полтора лея.

– Это сколько? – уточнила я.

– Вот столько. – Он показал размер себе по грудь, отчего я сделала вывод, что «леями» в магическом мире именуют метры. – Пишешь?

– Пытаюсь...

Совершенно точно попавшему в средневековый мир современнику грозит сдохнуть от голода и без завещания! Умение готовить на очаге и писать перьями находилось на грани фантастики. Это не по клавишам ноутбука в середине ночи клацать, набирая электронное письмо. Тут сноровка нужна. Я вымазалась, даже не написав ни одного слова. Чернила вытекли красивой яркой кляксой. Оставалось смириться со своей полной несостоятельностью писаря.

– Ты прочитай, я запомню. Ты там что-то о могиле говорил?

– Значит, копаешь могилу в два лея.

– Полтора, – поправила я, удивляясь, что он даже по второму разу книжную абракадабру правильно прочитать не может.

– В общем, сначала выкапываешь, потом кладешь туда курицу, потом закапываешь.

– А как Мельхом поймет, что ему жертвоприношение сделали, а не похороны курицы устроили? – вдруг почувствовав себя страшно обманутой, буркнула я.

– Вот как закопаешь, так возведешь руки к звездам и громко скажешь: «Прими, Мельхом, дар и больше не гневайся».

– Курицу можно тушкой или обязательно живую?

– Хочешь вообще взбесить демона? – с осуждением протянул Эверт.

Бесить демона в мои планы не входило, а то лишит последних удобств на этаже и тогда точно придется переехать в пристройку. Видела я этот сарай: рухлядь с дырой в черепичной крыше! Как представила, что лежу на топчане, укрытая пахнущей кошками рогожей, голодная, холодная и несчастная, а сверху сыплет град, так сразу возникло желание закопать целый курятник. Конечно, ужас как кровожадно, но что случилось в магическом мире, навсегда останется в магическом мире. Вернусь домой и пожертвую денег на приют для бездомных куриц!

– Кладбище у нас есть, лопату тоже найдем, – продолжить рассуждать Эверт. – Тебе осталось только черную курицу раздобыть.

На некоторое время мы примолкли. Ученик чернокнижника продолжал листать страницы, водить пальцем и бесшумно шевелить губами, а я соображала, где купить бедную квохчущую жертву. За ужином Макстен с Эвертом обсуждали поездку в город.

– Ты завтра из замка выезжаешь? – моментально придумала я выход из положения.

– Да, – осторожно отозвался ученик.

– Возьмешь меня с собой?

– Нет! – последовал категоричный отказ.

На следующий день я стояла за спиной у Эверта и ждала, когда он наконец откроет входную дверь в правильное место. Бормоча под нос проклятья, ученик дергал за ручку снова и снова. В дверном проеме появлялись то цветущее гречишное поле (кстати, очень живописное), то темный лес, то рыночная площадь. Бездарь злобно покосился на меня

через плечо, видимо, назначив главной причиной топографических неудач.

– Что? – фыркнула я.

– Ничего, - процедил он с красной физиономией, снова хватаясь за ручку.

Он отчаянно не хотел меня брать в город, но не знал силу правильного женского слова, вовремя обороненного рядом с хозяином замка. Подавая на завтрак подгоревшие с одной стороны оладьи, я с грустью уронила, что подыхаю от скуки. Трапеза была очень поздней, с тем расчетом, что от голода мужики будут готовы грызть даже камни, а значит, проглотят непривлекательную еду, не глядя и желательно не жуя. Видимо, Макстен живо оценил, к каким печальным последствиям может привести скука деятельной девушки в демоническом замке, если ещё даже не успев заскучать, она заставила Мельхом отхватить больше половины комнат, и – вуаля – я принаряжаюсь в цветочное платье для вылазки в город.

– Пойдите, - заставил нас притормозить Макстен, когда Эверт снова взялся за ручку и с решительным видом собирался потянуть на себя дверь. – Возьми.

Чернокнижник отдал мне позвякивающий кожаный кошель, завязанный на черный шнурок. Приятно удивленная, я не стала отказываться от денег. План был развести на покупку курицы Эверта, а тут такая оказия!

– Возьми себе ниток для вышивания, – с серьезным видом велел Макс.

– Я не умею вышивать, - заметила я, высыпая монеты на ладонь. В местной валюте я не разбиралась, но судя по тому, как икнул ученик, выданной суммы хватит и на нитки всех цветов радуги, и на пальцы еще останется.

– Грифелей для рисования, – предложил чернокнижник.

– И рисовать.

– В таком случае, самое время научиться, – вкрадчивым голосом высказал чернокнижник и, спустившись по ступеням, сам открыл дверь к узкой нисходящей улочке, вымощенной нагретыми солнцем булыжниками. - Счастливого пути. Вернетесь только вдвоем!

Последнее наставление адресовалось Эверту.

Не успела я перешагнуть через порог, как за спиной категорично

закрылась дверь, словно хозяин намекнул, что иномирным гостям без неразрушительного, но антистрессового хобби лучше в замке не появляться. Подозреваю, ритуальное закапывание курицы к таким не относилось.

С интересом я оглянулась на Мельхом. Со стороны маленькой улочки он выглядел двухэтажным домиком, оплетенным зеленым плющом. Из-под густой растительности светлели кляксы облупленных стен. Окна были закрыты ставнями, на крыше лежала рыжая выгоревшая от солнца черепица. На окованной дубовой двери висел медный молоточек.

– Ходячий замок, - припомнила я известную сказку английской писательницы.

– Поторопись! – прикрикнул припустивший под горку Эверт.

В рекордное время мы добрались до рыночной площади. Солнце припекало, народ толпился, пахло отвратительно. Над деревянными прилавками висели грязные, измусоленные тенты. Торговцы отгоняли мух от потемневших от жары кусков мяса, по мере сил старались прикрыть тканью. От прилавка с рыбой, упаренной в духоте, несло, кажется, за версту, и отчаянно хотелось прикрыть нос платком. Корнеплоды и овощи лежали в больших плетеных корзинах, отдавали их не по весу, а по штукам.

Средневековые меня шокировало только в первый раз. Впрочем, я, одетая в скромное платье, тоже его не шокировала. Если в сутолоке кто-то поворачивал голову, то только чтобы поглазеть на Эверта в черных одеждах. Похоже, ученика чернокнижника в городе неплохо знали.

– Встретимся в пять на этом самом месте, – для наглядности маг ткнул пальцем по направлению своих пыльных сапог.

– У меня часов нет.

Эверт пробормотал под нос какое-то ругательство, нервной рукой выудил из кармана круглые мужские часы на цепочке. Вцепившись в поцарапанный корпус, с первого раза он не дал их забрать и предупредил сквозь зубы:

– Потеряешь – прокляну.

– Пожалуюсь Макстену.

– Победила, - отдал часы противник и жалобно проследил, как «драгоценность» исчезает в моей напоясной сумочке.

– Скажи, что написано на той лавке? - указала я на торговую лавку, выбрав ее в качестве ориентира.

– Ткани, - буркнул Эверт.

– Спасибо.

Придерживая юбку, я потрусила к торговым рядам, надеясь отыскать птичника.

– Следи за кошельком! – истеричным голосом прикрикнул ученик мне в спину. - И хронометр не потеряй!

Он дает наставления человеку, который дважды в день ездит на метро в час пик? Я только фыркнула и, не оглядываясь, помахала рукой, мол, иди уже по своим важным делам, не мешай девушке тратить чужие деньги.

Торговец домашней птицей нашелся в углу рынка. Из клеток на меня шипели злобные утки, несчастными глазами таращились курицы, словно чувствующие приближение неизбежного конца в супнице какого-нибудь гурмана, недовольно зыркал облезлый петух и косил красным глазом большой недовольный индюк. Кажется, в контактном зоопарке, открытым недавно в ближайшем к моему дому торговом центре, демонстрировали меньше живности.

Несмотря на разнообразие, черных куриц не было. Возможно, цвет оперения имел сакраментальное значение, но я рассудила, что Мельхом вряд ли разбирался в окрасах. Выбрала на заклятие демону самую общипанную, по виду смертельно больную курицу.

Мысленно я окрестила птичку Жертвой. Хотелось дать какое-нибудь красивое имя типа Дунечки, но закапывать на кладбище Жертву было морально легче, чем Дунечку. Хотя я с трудом представляла, как решусь убить невинное живое существо, пусть и стоящее одной лапой на том свете.

– Отличный выбор, госпожа! - принялся нахваливать птичник. – Выйдет превосходный супчик.

– Не набивайте цену, – отмахнулась я и добавила: – Я покупаю не для еды, а закапывать .

Скорость, с какой торговец усаживал бедную, слабо трепыхавшуюся курицу в легкую плетеную клетку, точно намекала , что он побаивался, как бы его самого не прикопали.

Народ вдруг заволновался, засуетился, а рыночные ряды начали стремительно пустеть. Домохозяйки с корзинками снеди, взмокшие под

солнцем мужчины, оборванцы, даже некоторые лавочники – коллективно бросились наутек. На мой взгляд, только нашествие стражников на стихийный рынок могло обратить людей в бегство. Испугавшись, что покупка общипанной курицы окажется подсудным делом, я остановила оловянного от жары мужичка:

– Стражи пришли?

– Колдун сейчас будет дождь призывать! – махнул он рукой и с выпученными глазами бросился следом за остальными.

– Колдун? – нахмурилась я. Бездарь Ройбаш решил людей талантом поразить?

Далеко идти не пришлось: толпа собралась на лобном месте в самом начале рынка, где сохранялся нетронутый прилавками свободный пятючок. В душном, горячем воздухе ощущалось людское волнение. Похоже, в мире, куда меня вытащил Эверт, магов разных мастей было как бродячих псов, на любой вкус и цвет: черные, белые, недоделанные, как он сам. Черную курицу на заклинание найти тяжелее, чем ведьмака, готового это самое заклинание провести!

Прижав к боку клетку с притихшей Жертвой, я пробилась в первый ряд. В центре людской толпы стоял патлатый похожий на каланчу мужчина, наряженный в подпоясанный балахон (точно в парадные одежды облачился по случаю публичного выступления). До пояса спускалась жиденькая бороденка, чуждая вытянутому худому лицу с красными солнечными ожогами под прикрытыми глазами. Мысленно я окрестила белого мага – внуком Гэндальфа. Стыдно сказать, но легендарный роман я не осилила, а с фильмами была знакома только по коротким роликам из Интернета, но некое сходство с актером просматривалось.

Колдун старательно изображал отрешенность от внешнего мира, будто до взволнованного зрительного зала ему не было никакого дела. В руках он держал посох деда Мороза – для полного сходства только блестящей мишуры не хватало. Живо представилась драка внука Гэндальфа и полнотелого добродушного старика за волшебный посох. От хулиганской фантазии я прыснула издевательским смешком. Маг резко открыл желтые глаза и, сведя на переносице брови, уставился ровнехонько на курицу в клетке, словно догадывался, что ее собирались прикончить.

Народ мгновенно отхлынул.

– Извините, - пробормотала я и на всякий случай попятилась.

Испугалась не магии – несколько дней в демоническом замке наглядно показали, что колдуны берегли энергию для серьезных дел. Вдруг грянет общемировой апокалипсис, а вся силушка окажется истраченной на паршивую левитацию вилок по кухне? Просто посох был длинный. Если колдун – буйный неврастеник, то взбесится да и огреет обидчицу до сотрясения мозга (между прочим, у меня есть что сотрясать, хотя с первого взгляда, может, незаметно). Тогда я точно «добрым словом» вспомню и Гэндальфа, и дедушку Мороза, и всех Кернов вместе взятых, включая учеников, прислужников и беззубого Егорку.

– Засуха, – тихим голосом вымолвил маг, уставившись мне в лицо страшным немигающим взглядом. – Поля стонут и просят о помощи.

– Какое несчастье, - проблеяла я и ещё немножко потеснилась назад. Оказалось, что народ отошел недостаточно далеко. Спиной я уперлась в чей-то круглый живот и отпружинила обратно.

– Я, белый маг Ирен Орсо, ученик великого Дигора! – провозгласил колдун.

Люди зашушукались, пытаясь выяснить, знаком ли кто-нибудь с «великим», и не приходился ли он кровным родственником градоправителям. Хотелось верить, что учитель из Дигора вышел лучше, чем из Макстена Керна, и его воспитанники никогда не воровали из других миров приличных девушек.

– Я несу добро в светлый мир! – провыл внук Гэндальфа, представившийся Иреном.

На мой взгляд, громкое обещание осыпать Ансель добром настораживало. Во всех книгах бесплатные добрые дела, щедро причиненные дарителем, приводили к плачевным последствиям. Я бы на месте горожан бросилась наутек со страшными криками, но народ глазел, благоговел и внимал с затаенным дыханием. Простаки, право слово!

– Жители Анселя, я здесь, чтобы призвать дождь! – объявил он и ударил посохом, выбив сноп голубоватых искр. Они проскакали по горячим булыжникам, прожгли подол моего опрятного платья и царапнули по голым ногам. Градус симпатии к магу понизился до отметки, на которой люди обычно не выживали.

– Сто золотых монет взял за вызов, шельма, - раздалось за спиной

недовольное бормотание сплетников.

– Да-да, – прошипела тетушка почти мне на ухо. - За эти деньги он нам должен собственную реку через город пустить .

Маг оставался глух к ворчанию.

– Отступите! – грозным голосом вымолвил он и махнул посохом вокруг себя, расчищая пространство. Конец палки промелькнул практически перед носом, и я испугано отпрянула, покрепче прижав клетку со взволнованной курицей.

Наконец он начал колдовать. Ирен выписывал посохом кренделя, и в воздухе вспыхивали голубоватые всполохи, словно от размазанных в световые линии огней. На каждый пасс он выкрикивал новое резкое слово на языке, напоминавшем латынь, а потом завопил, прикрыв глаза:

– Благослови дождь иссушенную землю!

Над площадью повисла странная, напряженная тишина. Никто не шевелился – люди ждали чуда, но благословение не наступало. Солнце шпарило, как ошалелое. Небо оставалось девственно-чистым, ни одно облачко не запятнало синевы. На рынке жалобно заблеяла утомленная жарой овца.

Внук Гендальфа приоткрыл один глаз, кашлянул и снова возвел руки к небу:

– Очнись, животворящая сила!

Сила очнулась! Под восхищенные вздохи и ахи к площади стягивались дождевые тучи. Сильный ветер трепал одежды, срывал с голов шляпы и чепчики. У внука Гэндальфа развевались жиденькая борода и полы балахона. В загустевших тучах сверкнула настоящая молния. Сверху на разогретые булыжники сорвались тяжелые дождевые капли.

И все закончилось. Ветер утих, дождь закончился, толком не начавшись, разве что синее небо по-прежнему заслоняли свинцовые тучи, да пару раз вхолостую свернули молнии. Колдун огляделся по сторонам и снова потряс посохом:

– Очнись! Приди ко мне!

Неожиданно над сконфуженной площадью, погруженной в предгрозовую сумрак, пролетел истеричный женский визг:

– Старый Брок очнулся!

– Старый Брок? - заволновался народ. – Разве ж его не собирались

с рассветом похоронить?

В следующую секунду толпа пришла в движение. С истеричными воплями люди кинулись в разные стороны. Я растерялась и немедленно оказалась наказанной: сильный удар в спину отбросил меня вперед. Полет был стремительным, как у пробки из бутылки с шампанским. До хруста стискивая клетку с шокированной предсмертными приключениями Жертвой, я всем телом навалилась на колдуна и, не глядя, вцепилась в первое, что попало под руку. Попалась борода. Ирен возопил и резко согнулся пополам, стараясь сохранить растительность. Мы едва не тыркнулись носами. На ощупь борода оказалась как пакля, и похоже ею же и являлась.

– У вас борода отваливается, – для чего-то объявила я и резко разжала пальцы. – Прошу прощения, но можно мне...

Пыхтя, под изумленным взглядом онемевшего мага, я схватилась за посох и по нему кое-как выпрямилась.

– Благодарю, – кивнула, отряхивая руки.

Восставший покойник, распугавший толпу народа, стоял перед нами и таращил мертвые глаза. Надо было бежать, но от страха на меня напал паралич. Глядя на оживленное тело, я поймала себя на истеричной мысли, что у всех хороших колдунов выходили очень нехорошие ученики. Один девчонок ворует, а другой – вместо дождя покойников призывает.

– Замри, исчадие ада! – завопил у меня над макушкой колдун и выставил посох. Из деревянного конца вырвался голубоватый луч, разрезавший пространство. Однако меткости магу явно не хватало – молния прошла в полуметре от зомби и врезалась в растерянного толстяка. Бедняга закатил глаза и парализованный рухнул на брусчатку.

– А у вас талант, – не удержалась я.

– Я не призывал демона! – вдруг совсем по-детски начал отпираться серьезный, зрелый маг.

– Так он ко мне, что ли, направляется?

Зомби, глухой к учиненному переполоху, надвигался на нас, словно потерявшая управление вагонетка. От ужаса в голове помутилось, я выставила вперед клетку с курицей и заорала страшным голосом:

– Сим-салабим! Ахалай-махалай! Ляськи-масыськи! Жри курицу, нелюдь!!

Господи, что? Сим-салабим? Ляськи-масыськи?! Откуда я вообще такие странные вещи знаю?! Да меня сейчас саму отдадут на корм зомби, чтобы не терять время и не складывать инквизиторский костер!

Опешили все, в том числе оживший покойник. Он остолбенел, вытянув руки по бокам. Секундой позже на площадь обрушилась стена дождя. Ливень, плотный и беспросветный, скрывавший видимость. Одежда моментально вымокла и прилипла к телу. С трудом я различила, что восставший Брок упал на булыжники. Вокруг тела гудела, бурлила и лилась яростная вода. И раз покойник снова упокоился, было пора делать ноги. Далеко убежать не рассчитывала, но, по крайней мере, в место посуше, где не будет хлестать в физиономию.

– Стой, ведьма! – сквозь грохот ливня проорал воспрянувший от удачи с дождем маг и перекрыл мне путь посохом.

Не вступая в переговоры, я развернулась и понеслась в противоположную сторону, мысленно молясь, чтобы маг не послал мне в спину волшебную голубую молнию. Завернув за угол, я спряталась под козырьком у чужого крылечка и решила дождаться, когда дождь растеряет ярость, а, возможно, полностью выльется. Время шло. Часы Эверта в напоясной сумке намокли и перестали ходить, под стеклом набухли капли. Ливень не думал умирять гнев.

На окошке возле входной двери зашевелились занавески, и стало ясно, что хозяева не рады неожиданной гостье.

– Тебя же не пугает прогулка под дождем? - Я поймала себя на том, что улыбнулась курице жизнерадостной улыбкой пессимистки, пытавшейся думать позитивно. Дошла, господи, до ручки: с курами разговариваю! Стерев с лица идиотскую улыбку, я покрутила головой, пытаюсь вспомнить направление к дому.

Если мне не изменяла память и чутье, а как показал случай в Китае и с тем, и с другим у меня имелись основательные проблемы, до входа в Мельхом было четыре поворота. Все время направо. Или налево? Проклятье, куда мы поворачивали?

– Вот ты где! – услышала я голос Эверта. Ученик стоял на брусчатке, и вода немыслимым образом огибала его ноги, не намочив сапог. Высокую фигуру словно окружал невидимый, непроницаемый для дождя пузырь. Глядя на недовольного и очень, просто неприлично сухого соседа по замку, я почувствовала глухую ненависть.

- Пойдем? – кивнул он в сторону переулка.
- А мне не хочешь магический зонт наколдовать? - возмутилась я.
- Ты все равно уже мокрая, – беспечно отозвался Эверт.
- Вот как?

Перехватив клетку с поникшей курицей, видимо, предчувствовавшей, что по дороге к замку мы утонем, я вздернула подбородок и шагнула под проливной дождь.

– Ты что, обиделась? – догнал меня ведьмовской поганец, пока я с гордо выпрямленной спиной и по щиколотку в воде неслась в... кажется, правильном направлении.

– Что ты, какие могут быть обиды? - ласково отозвалась я. - Но я бы на твоём месте, с сегодняшнего дня начала очень внимательно следить за тем, что лежит в тарелке. Мало ли, что может случайно упасть в кашу.

Через пару улиц дождь закончился, тучи неожиданно развеялись, и снова засияло солнце. Видимо, магия белого колдуна иссякла. Возле знакомого домика, оплетенного плющом, по-прежнему царили жара и летняя засуха. Казалось, что ливень, достойный прерий Амазонки, вообще не затронул утыканный домишками холм, словно назло подставленный беспощадным солнечным лучам.

Когда на стук молоточка Макстен открыл дверь, то без преувеличений онемел. Обнаружить иномирную гостью с курицей в клетке и мокрую, как эта самая курица, оказалось большим сюрпризом. Удивленный взгляд переместился с меня на полностью сухого опрятного ученика. Макстен развел руками, мол, госпожа пожелали искупаться в местных термальных СПА источниках?

– Только посмей что-нибудь сказать, - процедила я, хотя было очевидно, что от изумления колдуна покинул дар речи. Он открыл рот, чтобы выдать какую-нибудь издевательскую шутку, и бессильно закрыл обратно. Видимо, ничего уничижительно-ироничного в голову не пришло, или же у мужика был отлично развит инстинкт самосохранения.

– И в колодец я не падала, - многозначительно добавила я, подвигая Макса в дверях.

– Она попала под дождь и теперь в дурном настроении, – заходя следом, пробубнил Эверт.

– К слову, ты в курсе, что часы пропускают воду? - хмыкнула я.

– У меня сломались часы?! – охнул подлец. (4419)

– Вы красиво грызетесь, но я хочу уточнить, - у чернокнижника прорезался голос, – курица – это ужин, или ты решила завести птичник вместо палец?

– Это жертва, – с достоинством бросила я через плечо.

– Жертва... – озадаченно повторил чернокнижник мне в спину. – Конечно! Это же очевидно. И как я сам не догадался?

ГЛАВА 3. Ритуалы черной магии и прочие недоразумения

После большого колдовства Ирен Орсо пребывал в приподнятом настроении, и письмо к учителю Дигору выходило светлым, радостным. Как же ученику было приятно рассказывать о том, что его магия несет добро, справедливость и счастье. Засуха в Анселе побеждена!

О том, что по какой-то совершенно непонятной причине в соседнем с рыночной площадью доме встал покойник, Ирен умолчал. В белом колдовстве, несущем на землю благодать, тоже иногда случались недоразумения: от всей души призовешь стихию, а вместе с нею приходит... кто-нибудь. Трупы вообще хорошо слышали магический зов. Подлецы совершенно не умели разбираться в голосах зовущих, за просто путали приличного белого мага с паршивым чернокнижником.

Подняв от тонкого пергамента остро наточенное перо, Ирен посмотрел в открытое окно. Дождь закончился, тучи растаяли, и на город лег теплый вечер. Пахло ужином, чей сладкий аромат проникал в кабинет из кухни. В животе забулькало, громко и неподходяще умиротворенной тишине. После стихийной магии всегда просыпался волчий голод, но слуга Реззо все не звал к столу.

Неожиданно мысли о еде самым непостижимым образом переместились к больной, общипанной курице, сидевшей в клетке. Разве лучший ученик великого Дигора не узнает под птичьей личной одержимую демоном прислужницу? Или не почувствует в толпе присутствие черной ведьмы? В голове вдруг всплыло воспоминание о лице ведьмы. Внешность ее казалась кричаще чужеродной восточной долине. Точно пришлая колдунья! Выхолена, проклятым знаком помечена, а прическа – бесстыдна, не будет добропорядочная горожанка кромсать волосы до подбородка.

– Хозяин! – в кабинет без стука вломился прислужник. – Хозяин, люди пришли! Вас зовут.

Реззо был невысоким, краснолицым и кругленьким, как шарик. Поспешный подъем на второй этаж сбил слуге дыхание.

– Люди? – оживился Ирен. – Дары принесли?

– Ну... – замялся тот. – Они принесли вилы и мотыги...

У колдуна поползли на лоб брови. Может, добрые горожане решили помочь в хозяйстве? Неужели заметили, как одичал сад? Неясно, какого дем... светлого духа они не дождались утра. Кто в сумерках сеет грядки и выкорчевывает одуванчики? Впрочем, с дарами к нему приходили впервые с тех пор, как он открыл практику. Если хотят сейчас отблагодарить белого мага за добро, кто он такой, чтобы запрещать .

Ирен поспешно встал из-за стола и уже направился к дверям, как его окликнул Реззо:

– Хозяин, борода!

Борода, как назло, вместе с балахоном сушилась на заднем дворе. Колдовством вышло бы быстрее, но вещи приобретали неприятный душок влажной лежалости, а Ирен любил благовонные ароматы.

В растерянности он подошел к зеркалу и потер гладкий подбородок. Безбородое, моложавое лицо страшно печалило. Что за несправедливость? Двадцать пять лет стукнуло, а ни разу не брился! Даже Реззо каждый вечер скреб щеки наточенным лезвием, а учитель вообще два раза на день.

Несколько пассов руками, и с острого подбородка свесилась длинная борода. Иллюзии у него выходили паршивенькие, не то что у Дигора. Морок не развевался на ветру, да и схватиться за него было невозможно. С другой стороны, зачем кому-то хвататься за чужую бороду? Неожиданно на ум снова пришла ведьма, без зазрения совести отодравшая приклеенную на особую вязкую смолу высококачественную паклю. Тьфу, мерзкая баба! А глазищи – синие, нездешние.

Приведя себя в порядок, маг спустился на первый этаж.

– Сейчас, сейчас, хозяин, - пробормотал Реззо и суетливо открыл дверь.

Возле крыльца домика, превращенного в приемную белого мага, толпился возбужденный народ. Люди держали вилы, мотыги... камни.

– Здравствуйте, добрые горожане! – переступил через порог Ирен.

– Бей, подлеца! – злобно проорали из толпы.

В мага полетел гнилой помидор. Вернее, он потом понял, что это гнилой помидор, когда снаряд размазался по инстинктивно выставленному невидимому щиту. На улочке, объятый вечерним сумраком, наступила ошеломленная тишина. Народ следил, как

помидорная каша стекала по воздуху, как по стеклу, и боялся пошевелиться.

– Что ж вы делаете? – возмутился Реззо из-за спины хозяина. – Совсем страх потеряли?!

Судя по всему люди не только страх, но и разум потеряли.

Вперед вышел невысокий осанистый мужичок:

– Мы за справедливостью пришли! Верни нам деньги, разрушитель.

– Кто разрушитель? – нешуточно удивился Ирен. – Я же несу добро и справедливость в Ансель.

– С таким добром нам и зла не надо! – взвизгнул кто-то.

Очередной помидор заставил магический щит содрогнулся. Следом полетела картошка, и она пробила брешь. Гниль с чмокающим звуком врезалась в притолоку, и ошметки отлетели на макушку колдуна. Тут он понял, что не отобьется от ополоумевших горожан даже с помощью магии. Резерв иссушится, и его прикончат.

– Стойте, люди! – Он специально усилил голос магией, чтобы грозный бас прокатился по улице, долетел до мэрии и испугал всех градоправителей, отчего-то наславших на доброго волшебника толпу озверевших фермеров.

Народ действительно притих.

– Скажите, что у вас случилось? – продолжил Ирен.

– Ты у нас случился! – заявил державший слово мужичок. – В полях засуха, а в центре города – потоп! Верни деньги, а еще лучше доплати. За аморальный...

– Моральный, – шикнули ему.

– Да! Моральный ущерб, – поправился он.

Сто золотых, заплаченных за призыв стихии, уже были потрачены на долг за купленное в рассрочку разрешение на открытие магической практики. Денег не осталось, а местные дикари, привыкшие к гнету чернокнижников, наотрез отказывались приобщаться к благодати светлого колдовства.

– Я иссушу город совершенно бесплатно! – немедленно предложил Ирен. Толпа зашушукалась. Дураку было ясно, что бесплатное белое колдовство гораздо выгоднее оплаченного втридорога черного. Не дожидаясь согласия поутихших горожан, на свой страх и риск маг спустился по ступенькам. Но непроницаемым коконом от

тухлых помидоров и острых зубцов вил себя все-таки окружил.

– Хозяин! – сдавленный голосом позвал Реззо, заставив Ирена оглянуться. – А посох! Посох-то забыли!

С опаской озираясь на вооруженную толпу, слуга притащил магический посох, столь же необходимый для белых магов, как ритуальный кинжал – для чернокнижников. Реззо не стал дожидаться хозяина на крылечке и моментально спрятался в доме. Если Ирену не изменял слух, то даже засов на дверь повесил.

Помогая себе посохом, широкими шагами белый маг направился в сторону центра. Народ двинулся следом. Казалось, что по улицам шла похоронная процессия. Он не оглядывался, но словно чувствовал, как в спину направляются острые зубья пятнадцати вил. Или их шестнадцать? На второй десятке он запутался.

С приближением к центру Анселя становилось ясно, что доброе дело Ирена каким-то немыслимым образом превратилось в дело злое. Рынок был затоплен. Вода доходила до щиколотки, и люди перемещались по мосткам, камням, ящикам – в общем, по всему чему придется, только не по земле. По поверхности разливанного озера (конечно, Ирену нравилось называть рыночную площадь лужей, но стоило посмотреть правде в глаза) плыли пустые корзины, печально продрейфовал чей-то домашний туфель.

Кое-как добравшись до центра, колдун утвердился на ящике и сосредоточился на силе, обычно циркулировавшей в крови, но после призыва дождя и покойника (нечаянно) магия молчала. Размяв плечи, Ирен размахнулся посохом в воздухе. Один пас, другой, третий. Ничего.

– Приди! – прокричал он, стараясь привлечь магию голосом, но немедленно осекся, вспомнив о трупe, и прикусил язык. Вдруг опять вместе с колдовством отзовется?

Вдруг ящик под ногами затрясся, и Ирен едва не сверзился в воду. Он резко наклонился, расставив руки для равновесия, и замер в странной скрученной позе. Довольно улыбнулся... От посоха отвалилось навершие и с тихим плеском утонуло в воде. Это был полный провал!

Из-за провалов белые маги теряли авторитет, а значит клиентов, деньги, разрешение. Да и вообще много чего теряли.

– Жители Анселя! – выкрикнул он. – В нашей долине поселилась черная ведьма! Ее проклятый глаз не дал снизойти благодати на город и

свершиться добру, поэтому ваши тапки плавают по рынку.

Народ испуганно зашептался, пытаясь выяснить, что за ведьма поселилась в городке, и почему о ней никто не слышал.

– Макстен Керн, демоны его раздери! – вдруг выкрикнул кто-то. – Она точно у Керна! Накажем ведьму!

Никогда в жизни Ирен не испытывал большего облегчения, чем тем странным вечером, когда людской гнев оказался направлен на другого человека.

За окнами смеркалось, и в крошечном замке Мельхом воцарилась особенная пронзительная тишина. Соседи закрылись в кабинете чернокнижника, а без свидетелей изображать оскорбленную невинность было не комильфо, да и есть хотелось совсем не по-женски. В почти пустой кладовой нашлись овощи, на дне ледяной коробки, обросшей снежным налетом и заменявшей в замке цивилизованный холодильник, лежала замороженная куриная тушка. Синюшный трупик наводил на мысль, что птица померла собственной смертью – не дождалась жертвоприношения Мельхому.

Я разложила будущий ужин на разделочной доске и, повернувшись за ножом, чуть концы со страху не отдала. За спиной, растягивая губы в нездоровой улыбке киношного маньяка, застыл Хинч.

– Что? – прошептала я, внезапно потеряв голос.

– Хозяин дал вам с утра значительную сумму, – тихо, быстро и четко протараторил прислужник. – Вы купили только это существо...

Выставленный указательный палец был направлен на Жертву в клетке.

– Это домашний питомец, – подсказала я.

– Шесть монет, – назвал точную стоимость Хинч, как будто на шее у курицы висел ценник.

– Вообще-то, шесть с половиной, – исключительно из вредности заспорила я и хотя прекрасно понимала, к чему вел скряга, все равно спросила: – Что вы хотели, Хинч?

Он ловко раскрыл ладонь и протянул ко мне, будто на паперти, честное слово.

– Верните. Я запишу остаток в счетную книгу на ваше имя и буду выдавать по мере необходимости.

Кто назначал эту самую меру, слуга не упомянул. Вероятнее

всего он сам. Хинч напоминал мне бухгалтера из нашего агентства, тот тоже отсчитывал деньги на офисные нужды, как будто из своего кармана.

– У попа сдачи не бывает, - выпалила я любимую отцовскую фразу.

Вдруг повезет выбраться в город еще разок и прикупить приличные ботинки до того, как очередной гениальный маг затопит рынок или найдет армию зомби? Не могу же я носить чужие сапоги или растоптанные босоножки, случайно найденные на дне вещевого сундука.

Хинч моргнул, а потом с выражением глубоко растерянного человека направился к выходу. Подозреваю, заторопился в библиотеку за словарем иномирных слов, что бы выяснить, кто такой «поп», почему он отказывается возвращать сдачу, и при чем вообще бухгалтерия демонического замка. До завтрашнего вечера хлопот хватит.

– Господин Хинч, - позвала я прислужника, а когда он оглянулся в дверях, то указала на разделочную доску: – как бы мне курицу разморозить?

– Магией? - изогнул он брови.

– Боюсь, что в этом деле мне вряд ли помогут волшебные слова «кипятильник» или «батарея», – светским тоном заметила я.

– Я плохо разбираюсь в магическом языке вашего мира, но звучит неплохо, – отшил меня одержимый, а потом решил добить лежащего на двух лопатках: – Но зачем вам магия? У вас уже есть одна размороженная курица.

Он кивнул в сторону клетки, и мы с Жертвой одинаково обалдели. Думаю, что даже Мельхом, уже приготовившийся к ритуальному закапыванию живой птицы, икнул от наглости прислужника.

– Побойтесь бога, Хинч, это же будущая мать всех куриц Мельхома, - фальшиво возмутилась я. - Просто помогите разморозить ту, которая уже мертва.

– Возвращаясь к разговору об оставшихся деньгах... – немедленно принялся шантажировать он.

– Идите с богом или с чем вы там ходите, – указала я на дверь. - С сегодняшнего дня мы будем вегетарианцами.

– Кхм... - задумался прислужник. – Вегетарианец – это живой

человек или мертвый?

– Живой, но боюсь, что рядом с живым чернокнижником-вегетарианцем все остальные очень быстро станут мертвыми. Понимаете, вегетарианцы не едят мясо.

– Вообще?

– Ни кусочка, - уверила я. – Подозреваю, что когда чернокнижник хочет куриную ножку, а вынужден жевать травку, то его сразу тянет на гнусные дела.

Видимо, Хинч умел не только вести бухгалтерию, но и просчитывать риски, связанные со злобным настроением хозяина.

– Я помогу разморозить. - Он немедленно направился к кухонному столу.

– Буду премного благодарна, - с фальшиво-благодарной улыбкой подвинулась я.

Думала, что слуга покажет, каким образом в очаге, как в микроволновой печи, разморозить тушку, но он просто ткнул в ледяшку пальцем, и по желобкам разделочной доски потекла талая вода.

– Здесь хотя бы кто-нибудь не умеет колдовать? – пробормотала я.

– Вы, – съехидничал Хинч и вышел из кухни.

Только я схватилась за нож, как взгляд упал на клетку с несчастной будущей жертвой, и сердце как-то странно защемило.

– Не смотри, дорогуша, - вздохнула я и вынесла птицу на порог.

Рагу было практически нарезано, когда с улицы вдруг донеслось истеричное куриное кудахтанье. Кто-то пытался стащить мою жертву! Я выскочила за порог и увидела, что клетка поломана, а в вечерних сумерках за ополоумевшей курицей носится крупный полосатый кот.

– Брысь! – крикнула я и, недолго думая, швырнула в вора то, что осталось от плетеной клетки, но промахнулась .

Хвостатый охотник даже ухом не повел и, поднимая пыль, продолжал гонять несчастную Жертву по двору. Для полудохлого существа, ещё пять минут назад готового отдать душу птичьему богу, квочка носилась очень резво. Заскочив обратно в кухню, я рванула в чулан, где хранился садовый инвентарь, схватила метелку и кинулась на помощь жаждавшей жить курице.

– Пошел вон! – рявкнула я, замахиваясь на кота, и даже успела махнуть метлой по полосатому хвосту.

Мохнатый воришка подозрительно, вовсе не по-кошачьи, подскочил на два метра вверх. Гибкое тело развернулось в воздухе, завихлял длинный хвост. Когда существо приземлилось на землю, мягко встав на четыре лапы, то я оцепенела от страха. На меня щерилось клыками потустороннее создание с глазами-углями, раздвоенным языком и костяными наростами, вздыбленными на холке. С вороватой кисой страшилище перепутал бы только слепец. Или иномирная дура, полезшая на местного демона с никчемным дворовым инвентарем. Проклятье, что мне помешало взять топор?!

Зомби-кот зашипел и бросился в мою сторону, намереваясь перегрызть глотку. Я завизжала и, размахнувшись метлой, отбросила чудовище на несколько метров. Как ни странно этого хватило. Кот, каким бы демоническим он не выглядел, бросился наутек.

– Вот тебе! – победоносно потрясла я метелкой.

Неожиданно оружие против зомби-кота зажило собственной жизнью и подскочило вверх, заставив меня нелепо вытянуть руки. От резкого движения подмышкой треснуло платье. Охнув, я попыталась отпустить древко, но разжать пальцы не выходило. Они словно прилипли.

Метла принялась трепать меня, как тряпку. Протащила влево, потом вправо. Ногами я упиралась в землю, но подошвы скользили. На одной босоножке порвался ремешок, и ноги пришлось поджать. Теперь я натуральным образом летала как недоделанная Баба Яга и оглашала окрестности ругательствами вперемешку с криками о помощи.

– Кто-нибудь! СОС! Снимите меня! Я тут на заднем дворе на метле летаю...

Становилось ясно, что ни одна сволочь мужского пола не собирается помогать несчастной девушке и ей всенепременно вырвет из суставов руки.

– Пусть вам пусто станет, глухие негодяи!

Стараясь спастись, я исхитрилась закинуть ноги и повисла на взбесившейся метелке, как обезьяна на ветке. Жаль, хвоста не имела, что бы наверняка закрепиться.

– Остановись, бешеная швабра! – завопила я.

Метла неожиданно замерла, а с лысого дуба, разразившись возмущенным карканьем, сорвалась стая ворон. Двор погрузился в молчание. Я висела в двух метрах над землей вниз головой. Подо мной

со степенным видом прохаживалась общипанная Жертва и легкомысленно, как положено безмозглой курице, выклевывала в пыли только ей видимые зернышки.

– Неблагодарное создание, – буркнула я. – Теперь точно закопаю. Готовься! Как только слезу, сразу пойду закапывать .

В глазах темнело, в ушах шумела кровь. Ноги прилипли к метле, как и руки, словно древко обмазали суперстойким клеем.

– Макстен Керн, спаси меня! – предприняла я очередную отчаянную попытку слезть с ведьмовского транспорта и не заработать кровоизлияния в мозг. Мгновением позже вечерние сумерки рассекла ослепительная вспышка. Я даже успела подумать, что свет в конце тоннеля в иной мир больно резал глаза.

В сумраке кабинета горел магический знак. Воздух, пропахший сладковатым запахом черных чар, дрожал жарким маревом. Колдовское пламя отражалось в широко раскрытых глазах Эверта, и со стороны выглядело, будто в ученика вселился огненный демон. От всполохов на стенах, полу и громоздкой мебели танцевали неровные тени. Шипели, скреблись и волновались плененные в заговоренных шкатулках черные артефакты.

Пылающий слепок знака, аккуратно снятый с энергетической оболочки мэра Ансея, был четким, выполненным с ученической скрупулезностью – все по канону. Одного этот канонический белый маг не учел – ни один настоящий чёрнокнижник не станет работать по учебникам. Зачем облегчать жизнь конкурентам?

– О чем думаете, учитель? - шепотом спросил Эверт.

Об Ирис Керн, злобной ведьме, выхлебавшей столько настойки молодости, сколько не каждый пьянчуга – дешевого вина. Полгода назад Макстен выкапывал тетку, чтобы задать кое-какие вопросы, так стерва даже в земле сохранилась так, будто умерла не пятьдесят лет назад, а только вчера. Молоденькая, беленькая, ни пятнышка тлена.

Всю земную (и как выяснилось потустороннюю) жизнь она считала , что стоит хозяину покинуть демонический замок, то рядом с магической дверью обязательно поселится какой-нибудь «белый» увалень, примется от всей светлой души щедро причинять людям добро и недоумевать, почему народ тошнит от переизбытка этой самой доброты. Сама Ирис покидала Мельхом всего раз десять за почти

полтора века по случаю похорон злейших врагов. Макса всегда восхищало умение тетки нажить врагов, не высывая носа из дома.

– У нас забавный сосед, – усмехнулся он и потер колючий подбородок. – Очень старательный. Как, говоришь, его зовут?

– Ирен Орсо, – подсказал Эверт. – Ученик какого-то Дигора. Вы знаете, кто такой Дигор?

– В первый раз слышу.

Белых в королевстве развелось как грязи. Ирен, ученик не пойми кого, обладал дьявольской силой, неумехе Ройбашу такая и не снилась...

Неожиданно Макс услышал на улице со стороны Анселя топот десятков ног. Перед мысленным взором появились размытые тени. К магической двери шли люди. Постепенно картинка прояснялась. Вбегаящая на холм улица была узка и темна, ее озаряли факелы, зажатые в руках фермеров. Толпа несла мотыги, вилы, корзину с раскисшими на жаре помидорами, а в карманах прятала крупную речную гальку.

– Что случилось? – возглас Эверта вернул Макса в реальность.

– К нам гости, – ухмыльнулся он. Удивительное дело, горожан тошнило от белой магии, а претензии они отправились предъявлять Керну? Совсем страх потеряли?

– Опять? – испугался ученик. – Клянусь, я не допустил ошибки! Аура мэра чистенькая, как у новорожденного!

– Забудь о мэре, – покачал головой Макс. Резким взмахом ритуального кинжала он рассек горевший в воздухе знак. На мгновение кабинет озарила яркая, слепящая вспышка, оставившая круги перед глазами. Магический символ потух, и на пол осыпался пепел.

Дверь в Ансель, окутанный влажной жаркой ночью, Макстен открыл сам и переступил через порог ровно в тот момент, когда появилась толпа. Завидев чернокнижника, люди остановились. В воцарившейся тишине отчаянно и зло стрекотали кузнечики. В темноте горели факелы, и тусклый свет рисовал на хмурых хмельных лицах фермеров глубокие тени.

– Что надо? – не повышая голоса, спросил Макс.

Вперед вышел коренастый мужичок и прикрикнул:

– Отдай ведьму! Мы судить ее будем.

– Кого? – вкрадчиво уточнил чернокнижник. Грешным делом он

решил, что после вызова силы вселенной Эверт недоуспокоил тетку Ирис. Ведьма выбралась из могилы и пошла стращать народ по Анселю – к этому маленькому городку, полному пуритан, она испытывала особую слабость .

– Днем по городу ходила черная ведьма с курицей. Мы–то знаем, что это была не курица, а ручной демон! – заявил фермер. - Из-за нее случился потоп.

– И покойник встал! – прикрикнул кто-то из толпы.

– Из-за курицы? - уточнил Макс.

– Из-за ведьмы!

Какая к демоническим псам ведьма? Алина, что ли?! Пока Макс пытался переварить обвинение, народ осмелел: разошелся и разорался, перепугав всех сверчков, местных собак, а заодно и нахальных кошек, вечно гадивших под дверь Мельхома. Ни одно заклятье не помогало, ведь черное колдовство на демоническое хвостатое отродье не действовало.

– Пусть снимет проклятье! Пусть убирается из долины! Пусть...

Мнения, что именно должна сделать ведьма резко разделились, и толпа яростно заспорила, пока кто–то не крикнул:

– На костер!

– Что? - вкрадчиво переспросил Макс, и народ зашикал на сумасшедшего, мол, нашел тоже темные времена, чтобы честных черных ведьм, города затопляющих, на костер отправлять . Пусть сначала потоп иссушит, а потом уже на сожжение отправляется.

– Господа горожане, - тихо вымолвил чернокнижник, заставляя ополоумевших фермеров замолкнуть, – что вас навело на свежую мысль, что обычная девушка – ведьма?

– Ирен Орсо сказал, что из-за нее стихия разрушила город! Она сглазила! И покойника подняла! – возмущалась толпа. – В чем сапожник провинился? Как его теперь похоронить без ведьмовской печати?

А добро-то, похоже, начало портиться на воцарившейся в королевстве жаре и творить пакости.

– Моя гостя – простая женщина, - объявил Макс, – и уж точно не летает на метле...

Мгновением позже пространство рассекла яркая вспышка, и с визгом из ослепительного свечения вылетела девица, висящая вверх

тормашками на метле. Юбка была неприлично задрана, волосы свешивались, в темноте мелькали белесые бедра и длинные голые ноги. Оглашая окрестности истеричным воплем и иномирными ругательствами, судя по всему, крепкими и цветистыми, Алина сделала на загляденье красивый круг на уровне крыш. Открыв рот, шокированный народ задрал голову и следил за стремительным кружением.

– Снимите меня кто-нибудь! – орала «самая обычная девица», нарезая петли. – Меня тошнит!

– Держи ведьму! – проорал кто-то.

– Го-го-господи! – завопила в ответ девчонка. – Не надо меня держать! Просто поймайте и спустите на землю! Я больше не хочу летать!

У Макса задергалось нижнее веко. Нет-нет, не поймите неправильно, он вовсе не бесился, чернокнижники Керны обладали спокойствием, самообладанием и умением сохранять холодную голову в любой ситуации. Макстен Керн просто испытывал легкое раздражение. Ведь это обычное дело, желать свернуть шею вертлявой девке, когда чуточку раздражен? Нормальное желание абсолютно спокойного мужчины...

Он резко свистнул. Метла сделала умопомрачительный вираж, накренилась, идя на снижение. Девчонка истошно завизжала. Длинный подол, подхваченный ветром, вздыбился и закрыл взлохмаченную голову, окончательно оголив зад.

– Хватай! – воскликнул очередной муд... чудака, и метла немедленно взмыла вверх. Веник переросток! Уже сто лет летает, а норы будто только-только собрали и заговорили.

– Ма-акс! – несло сверху. – Спаси меня ради всех святых демонов!!

Святые демоны? Свернуть шею, воскресить, а потом еще раз свернуть! Какой филигранно четкий план! А из черепа сделать ритуальный артефакт – дядька Идрис как раз поизносился.

Неожиданно из толпы в Алину полетел камень, быстро, почти незаметно. Перед глазами Макса вспыхнула красная пелена. Резкое движение рукой, и речной голыш врезался в невидимую перегородку, натянул ее и отпружинил обратно, возвращаясь к чокнутому, посчитавшему, что может причинить вред женщине чернокнижника.

Раненый заорал, толпа отхлынула. В пыли и грязи катался молоденький парень, прижимавший к лицу окровавленные ладони.

– Трику глаз выбило!

Испуганный народ кинулся наутек, роняя по дороге оружие и факела.

Пока случилась сумятица, Макс свистнул, приказывая кружившей метле возвращаться домой, и открыл дверь в Мельхом. Наездница влетела в дверной проем, но неудачно: задела головой порожек и сочно, совсем неженственно выругалась, поминая чернокнижников и указав точное место, в каком она всех видела.

Следить за побегом паникующей толпы Макс не собирался. Он вернулся в замок и с такой яростью шарахнул дверью, что в светильниках на каменных стенах задрожало колдовское пламя.

Нет-нет, он вовсе не разозлен. Гроыхать дверьми, когда испытываешь легкое раздражение – вполне нормально. Так ведь?

При виде *чутьку раздосадованного* учителя у Эверта, следившего за расправой с высоты винтовой лестницы, подломились колени. Он плюхнулся на кованую ступеньку и оцепенел. В отличие от иномирной гостьи, парень знал, каким страшным в *легком раздражении* бывал чернокнижник.

Широким шагом Макстен подошел к Алине, нагнулся и отдернул подол, прикрывая неприлично оголенные бедра. Заглянул в побагровевшее лицо девчонки. Она висела зажмуренная, тяжело дышала через нос. Губы крепко сжаты.

– Меня мутит, - хрипловато пробормотала она.

– Тогда что тебя держит на метле? – вкрадчиво поинтересовался Макс.

– Сила притяжения, черт возьми! – рявкнула она, вытаращившись на чернокнижника с такой яростью, будто это он нарезал круги над крышами и страдал обнаглевших фермеров.

Он щелкнул пальцами. Алина кулем свалилась на пол и, ударившись о доски, глухо застонала:

– Господи, я чуть не скончалась...

Макс присел рядом с ней на корточки и вкрадчивым тоном объявил:

– Второе предупреждение.

– За что?! – мигом пришла в себя летунья. - Какое, к чертям

собачим, предупреждение?! Я же не виновата, что у вас негостеприимный мир. Народ чуть что – сразу на костер тащит, по дворам – демонические кошки таскаются, метелки – летают. У нас, знаешь ли, метла – это инвентарь для уборки!

Она встретила с Максом глазами. Видимо, все-таки заметила, что черный маг несколько раздосадован и немедленно сменила тон:

– Прости меня, пожалуйста. Я больше не буду трогать метлы, топоры, тяпки и... Что у вас тут ещё способно летать? Только не объявляй третье предупреждение, а то мы с Хинчем устроим кровавое побоище, а я не хочу его убивать. Он мне по-настоящему нравится.

У чернокнижника очень неприятно дернулся глаз. Алина замолчала. Обманывать себя, что просто чуточку раздражен, не имело смысла – Макс был готов насмерть проклясть первого, кто обронит хотя бы одно неосторожное слово.

С трудом сдерживая ярость, он выпрямился и направился к винтовой лестнице. Эверт мгновенно исчез. Похоже, растворился в недрах кабинета, даже дыхания не было слышно. Наверняка сейчас пытался слиться со стеной или с занавеской, а может, прикидывал, как сбежать во двор через окно. Он-то давно научился вовремя прикусывать язык и изображать предмет мебели.

– Может, тебе что-нибудь вкусненькое на ужин приготовить? – послышался в спину виноватый голосок Алины.

– Демоны тебя раздери, женщина!! – рыкнул Макс, оглядываясь к девчонке, все ещё сидевшей на полу. – Ты вообще не знаешь, в какой момент следует закрыть рот?! Еще одно слово и, клянусь, ты заработаешь заклятье немоты.

– Молчу.

– Одно слово!

С понимающим видом она кивнула и изобразила пальцами, будто запирает крепко сжатые губы на невидимый замок. Вид такой невинный... Может, черный гримуар ради шутки обманул Эверта и выдал заклятье призыва демонов, а не силы вселенной? Ведь это же не женщина, а натуральное исчадие ада!

Комната плыла перед глазами. Он схватил со стола ритуальный кинжал и немедленно услышал испуганный голос ученика:

– Учитель! Не убивайте дуру! Она все равно не девственница, от ее смерти никакого толка!

Макс резко оглянулся, в потемках кабинета вперившись в Эверта злобным взглядом.

– Не то чтобы я проверял лично... – проблеял бедняга, вжимаясь в стену, и зажмурился, притворившись подставкой под собственную голову.

Когда чернокнижник, грохоча подкованными сапогами по винтовой лестнице, спустился на первый этаж, то наткнулся на Алину, с самым примерным видом ожидавшую выговора.

– Ты что? – попятилась она, увидев в руках Макстена кинжал. На лице отразился страх.

Скрипнув зубами, чернокнижник направился к магической двери.

– Макс, ты куда? – кажется, еще сильнее испугалась она. – Ты надолго? Когда ты вернешься?

Он бросил через плечо нехороший взгляд, и девчонка зачастила:

– Просто возвращайся. Желательно трезвым. И не под утро, а то в замке сделались очень тонкие стены... Ладно, хотя бы не спи в незнакомых местах. Пусть тебя просто до полуночи на заборках демоны притащат, или с кем ты там решил стресс снять... Стресс – это не проклятье, клянусь честное слово!

Макстен многозначительным кашлянул. Мол, восторженная дева, совсем инстинкт самосохранения атрофирован?

– Помню-помню, что должна молчать, чтобы тебя не бесить, но от нервов я всегда начинаю чирикать. Извини, – замахала она руками. – Счастливой дороги. Адью! Кстати, у тебя зрачки сейчас горят, как в фильме ужасов...

Одарив исчадие ада выразительным взглядом, Макс резко открыл дверь, громко произнес колдовские слова и рубанул кинжалом воздух. Проем затянула черная пелена.

– Лишнего не пей! – полетело в спину. – А то утром будет голова болеть.

Нет, надо было этой чирикающей птице свернуть шею!

Он шагнул в открытый портал, оставляя за собой самое раздражающее существо, какое когда-либо поселялась в замке. От перемещения в животе привычно завязался крепкий узел, загорелась выбитая на груди пентаграмма перемещений, и мгновение спустя он вышел перед домом Ирена Орсо.

Улица была погружена в темноту. На втором этаже светилось

одинокое окошко, а дом окружал голубоватый пузырь – защита от темных чар. На стене светился особый знак, нарисованный с ученическим старанием и заговоренный с педантичностью отличника. Никакого творчества.

Разрушать защиту, что бы не привлекать внимания, Макс не стал. Кто знает, какими ловушками наспиговал белый маг охранный контур. Вдруг взорвется и половину Ансея разнесет? Он заставил железный засов отодвинуться, а дверь раскрыться. Изнутри кухни на неожиданного гостя, стоявшего за порогом, таращился испуганный прислужник, взлохмаченный и сонный. Несколько долгих секунд мужчины разглядывали друг друга, а потом слуга отрыл рот и завопил тонким голосом:

– Хозяин!! Зло пришло!

Макс рубанул ритуальным кинжалом магическую паутину, скрывавшую дверной проем. Она была призвана опутать и обездвигить любое проявление черной магии – лезвие утопало в заклинании, как смоле, но силы родового кинжала Кернов, конечно, ученическое заклятье не выдержало – лопнуло и повисло лохмотьями на притолоке, облепило дверной косяк. Чернокнижник переступил через порог и остановился, следя за тем, как со второго этажа скатывался высокий, худой парень с белыми, как перо, волосами. В потемках мелькали торчавшие из-под длинной, наскоро натянутой рубахи худые ноги с острыми коленями.

– Как посмел ты... – возопил он, но немедленно заткнулся, вдруг осознав, что перед ним стоит матерый чернокнижник, умеющий закрывать людям рот одним взглядом.

– Сам иссушишь город или заставить? - тихо вымолвил Макс.

– Я ученик великого Дигора и никогда не подчинюсь нечестивому...

– Понятия не имею, кто такой Дигор, – перебил колдун и медленными шагами начал приближаться к Ирену, – но *ты* меня чуточку раздражаешь.

Тот попятился, ударился о ступеньки и едва не рухнул на лестницу.

– Я вообще не очень люблю щенков, перекладывающих на женские плечи собственную несостоятельность. Зачем обвинил девушку в том, что она ведьма?

– Что я ведьм никогда не видел?

– Похоже, что – нет.

Внутри klokотало от злой радости, что прямо сейчас можно было спустить пар и излить гнев на голову юнца, фактически безоружного перед потомственным черным колдуном.

– Так сам уберешь потоп или заставить? – изогнул брови Макс.

– С-с-сам, - пробормотал он. - Источник восстановится, и сам все исправлю. Поля полью, город иссушу. Клянусь, силой! Только покойнику не смогу печать поставить.

– Почему? – мягко уточнил чернокнижник.

– Н-н-не успокаиваются.

– Знаешь, что тебе следует сделать? - Он был совсем рядом с трясущимся школяром, нагнулся и заглянул в светлые влажные глаза.

– Что?

– Очень сильно постараться. Иначе, не думаю, что мы сживемся в одном городе. Ясно?

– Угу.

– Хорошо. - Макс похлопал парня по худому плечу. – Привет Дигору, кем бы он там ни был.

Чернокнижник уже выпрямился и направился к двери, но резко развернулся.

– Кстати...

Он глянул на слугу, пытавшегося притвориться тенью, и бедняга оторопел от ужаса. Красивый пасс рукой, сжатый кулак. В очаге злобно взметнулась пламя, окрасив кухню красноватыми всполохами. Бледный прислужник схватился за горло, пытаясь выдавить из себя хотя бы сиплое шипение, открывал рот, пучил глаза.

– Заговорит, когда ты все исправишь, – кивнул Макстен и вышел в теплую влажную ночь Анселя. Он думал, что мальчишка хотя бы из гордости пошлет ему в спину боевое заклятье, световой шар или хотя бы молнию, какими славились все белые колдуны, и развяжет руки для настоящей драки, но он – струсил. Сопляк.

Гнев вовсе не стих, но немного убавился. Огненное кольцо, сдавливающее грудь, ослабло. Ирис Керн была не права, когда считала, что нельзя допускать белых на земли клана. Совершенно неправа! По крайней мере, теперь есть на кого сорвать гнев, когда хладнокровного, спокойного и непроницаемого Макстена достанет исчадие ада в

женском облиии.

Он посмотрел на черное небо. Ночная звезда светилась ярко и дерзко, слепила мелкие светляки. Через три седмицы на две ночи она нальется полным кругом и окрасится в черный свет. Из могил встанут покойники, оборотни поменяют личины, а иномирная гостья отправится домой и в Мельхоме снова наступит тишина.

А ведь она подкинула отличную идею: Макс у явно не помешает выпить. Резким движением чернокнижник рассек пространство и шагнул в открытый портал.

Утром в Мельхоме царила подозрительная тишина. Заниматься в замке было решительно нечем, так что легла спать я как никогда рано, но и вставала ни свет ни заря, чувствуя себя прекрасно отдохнувшей. Умылась ледяной водой, попутно обругав демона за то, что не сдавался и отказывался пустить из крана хотя бы тоненькую тепленькую струйку, натянула одежду. Босоножки оказались порванными, так что пришлось обуться в растоптанные сапоги. На ходу завязывая волосы в обгрызенный хвостик, я спустилась на кухню. В тот момент во мне цвело искренне желание подлизаться к Максену и, как положено сильно проштрафившейся женщине, приготовить вкусный завтрак. Но всегда найдется кто-нибудь, готовый смешать планы и на корню подрубить светлые порывы!

В воздухе витал острый, пряный аромат, словно в маленьком индийском ресторанчике. У раскаленного очага обнаружился Хинч в отглаженном черном костюме. Длинной деревянной ложкой он что-то с азартом помешивал в котелке.

– Доброе утро? – осторожно уточнила я.

– Вы рано, - с непроницаемым видом отозвался Хинч.

– Хотела Максену приготовить каких-нибудь вкусняшек. После вчерашнего... кхм... недоразумения он выглядел чуточку раздраженным. Подскажите, что он любит по утрам?

– Хозяин ещё не вернулся, - с индифферентным видом отозвался прислужник и кивнул: – Помешаете?

– Конечно, – согласилась я, забирая ложку.

В котелке пыхтел и сочно плюхал густой красноватый соус с ароматом карри и чего-то еще сугубо восточного.

– Вы варите острый соус? - любопытствовала я, размешивая

варево.

– Да, он варится дольше кисло-сладкого. Его я оставил на вечер, придется не спать всю ночь и следить.

– И часто вы стряпаете соусы?

– В этом году уже пятый раз.

Хинч вытащил из деревянной шайки замоченный в воде наждачный камень, а следом и большой поварской тесак. Кухня наполнилась неприятным скребущим звуком. Вжик, вжик. Прислужник приложил к лезвию подушечку большого пальца и, проверив остроту кромки, недовольный результатом продолжил заточку.

– Соус выглядит аппетитным, но выходит многовато, - прочирикала я, пытаюсь втянуть Хинча в легкую светскую беседу и выяснить, когда появится Макстен. Вопрос страшно волновал, ведь надеяться, что Эверт вернет меня домой, а не попытается отправить на другой конец магического мира, была слабая.

– Я люблю сырое мясо щедро сдабривать соусом, а мяса будет много.

Хинч окинул меня ужасно странным взглядом, как повар, который оценивает размер туши, привезенной для разделки, и в душе шевельнулось нехорошее чувство.

– Говоря «много мяса», Хинч, что вы имеете в виду?

– Вчера вам сделали второе предупреждение, – невпопад заметил он и добавил: – Следует заранее подготовиться.

– Подготовиться к чему? - недоуменно нахмурилась я, и тут до меня дошло: – Проклятье, Хинч! Поверить не могу! Вы заставили меня мешать соус, с которым планируете меня же и сожрать?!

В ярости я отшвырнула ложку в котелок, и та мгновенно пошла на дно.

– Считаете вашу помощь неуместной? – не понял одержимый.

– Помощь?! Да вы издеваетесь! Это как попросить курицу саму себя общипать перед готовкой. Вы даже ножи уже точите! Отвратительно!

– Почему отвратительно? Отлично наточились. Пока можете использовать для приготовления пищи, – щедрой рукой протянул мне тесак прислужник.

– П-п-пока...

Неожиданно я почувствовала себя задыхавшимся от ярости

Макстеном Керном и осознала, почему он свалил из замка – побоялся кому-нибудь (мне) свернуть шею.

– У меня нет слов, одни непечатные буквы! – призналась я. – Вы действительно полагаете, что учитывая природу наших... плотоядных отношений, я буду жарить для вас праздничную яичницу?! Умрите с голоду, неблагодарный маньяк!

– Я бы с радостью, но демон не позволит уйти на тот свет с миром, – совершенно серьезно объяснил Хинч, будто мы секунду назад обсуждали проблемы социальной адаптации демонов в магическом мире, а не новость, что кровожадный людоед собирался превратить меня саму в рагу и даже соусы начал варить. Главное блюдо Мельхома: сырая Алина под соусом «Табаско».

Кипя от злости, я ринулась вон из кухни, но полпути вернулась:

– Я передумала – отдайте нож! По крайней мере, смогу вас прирезать, если попытаетесь попробовать меня на зуб.

В ярости я выдрала тесак из ледяных пальцев прислужника и с достоинством заявила:

– Чтобы вы знали, во мне не так много мяса, как кажется! Одни жилы. Я всю жизнь занимаюсь спортом и слежу за питанием.

– А по виду не скажешь, – вытянул губы Хинч.

Едва не зарывав, с ножом в руках я вылетела из кухни. На втором этаже столкнулась с растрепанным только-только пробудившимся Эвертом. В одном полотенчике он тишком на цыпочках трусил к общей ванной комнате. Учитывая, что мы сталкивались во время этих отчаянных марш-бросков каждое утро и парень неизменно находился в разной степени оголенности, ему стоило не замирать посреди коридора с видом оленя, попавшего под свет автомобильных фар, а просто заранее натягивать портки.

При виде девушки с тесаком в руках сосед прижался голой спиной к стене и проблеял:

– Завтрак готов?

– *Ху из он дьютитудей? Ю из он дьютитудей!* – рявкнула я, ткнув трясущимся пальцем в сторону полубожаженного ученика.

– А?!

– Олень!

– Ты меня сейчас обозвала, что ли?

– Точно олень.

Я с такой злостью гроыхнула дверь, что Мельхом, походивший на крошечный старый особнячок, сотрясся. Надеюсь, что Хинч услышал. Пусть бессовестный людоед знает, как сильно возмущена иномирная гостя странными гастрономическими пристрастиями!

Стоило продемонстрировать протест и закрыться в спальне на целый день, но выражать этот самый протест без свидетелей было глупо. И скучно. Вообще за неделю в замке я поняла, почему благородные девицы отлично умели вышивать – если читать не научили, то свихнешься от тоски. Зря не купила пялец и ниток или спиц с мотком шерсти. В детстве мне нравилось вязать полосатые шарфики длиной в два метра и дарить их домашним... Мама до сих пор дергает глазом при воспоминании о полосатых уродцах.

Садоводством, что ли, от скуки заняться?

Начинать решила немедленно, а заодно с высокомерным видом продефилировать по кухне, что бы каждая демоническая скотина увидела, насколько гордая девушка из другого мира оскорблена. Поджав губы, с независимым видом вошла в кухню. Запахи витали умопомрачительные. Эверт завтракал: что-то прихлебывал из тарелки и макал в плоску с соусом ломать хлеба.

Официально заявляю, что сегодня Олень стал мне худшим врагом!

– Присоединяйся? – щедро предложил он, пока прислужник, даже не оглянувшийся при появлении оскорбленной «закуски», продолжал что-то кашеварить в котле. – Соусы у Хинча – пальчики оближешь.

– Облизывать пальцы – негигиенично, – сухо отозвалась я и специально прошествовала в чулан к садовому инвентарю, поближе к слуге, что бы разогнать горячий кухонный воздух и напомнить, что хожу оскорбленная, а он ухом не ведет. Конечно, умом я понимала, что гастрономические пристрастия одержимых в магическом мире простым протестом не исправишь, но продемонстрировать степень несогласия было святым делом.

Открыв дверь в чулан, где со вчерашнего дня царил страшный бардак, я с сомнением осмотрела садовые инструменты. Хотелось надеяться, что ни грабли, ни тяпка в Мельхоме не летали. С грохотом принялась вытягивать из беспорядочной кучи лопату полегче.

– Ты уборку с утра пораньше затеяла? – прикрикнул Эверт.

– Да! – рыкнула я, отплюнув непослушную прядь волос. – Топор прячу! Слышите, Хинч? Топора больше нет!

Прислужник с достоинством проигнорировал выпад, что не удивляло.

С пыльным ведром и лопатой, облепленной комьями засохшей земли, я выбралась из чулана и пересекла кухню. Оба соседа с недоумением повернули ко мне головы.

– Ты чего собралась делать? – уточнил Эверт.

– Могилу пойду себе рыть! – рыкнула я.

– А ведро зачем?

– Цветочки сразу посажу, что бы красивее было.

В пыли нагретого солнца двора, нахохлившись, дремала Жертва. С голого дуба, стоявшего у каменной стены мертвым исполином, на безмозглую курицу нехорошо поглядывала стая ворон. Только я собралась вонзить в землю под забором лопату, как из дома вышел Хинч.

– Госпожа Алина, идемте завтракать.

– Нет уж, - фыркнула я, пытаясь подковырнуть заросший на жаре жесткий от сорняков грунт. - С вами я за один стол не сяду.

– Я сыт, – спокойно объяснил он, - и стол в вашем полном распоряжении. Полагаю, я понимаю волнение в связи с соусами.

– Неужели? - изобразила я интерес и облокотилась на лопату.

– Глупо варить соусы к блюду, которого, возможно, никогда не будет.

– Признаете, что глупо? – усмехнулась я.

– Конечно! Они же испортятся. Лучше готовить по факту.

У меня вытянулось лицо.

– Хинч, вы... вы...

– Одержимый демоном? - услужливо подсказал он.

– На всю голову, – едва слышно добавила я и приставила лопату к забору. - Что-то я уже наработалась в огороде, пойдемте завтракать.

За столом Эверт макал в миску с соусом ломоть хлеба и причмокивал от удовольствия. Когда с видом королевы, подписавшей указ о помиловании слуги, я уселась за стол, то ученик тут же подвинул ко мне миску и пробормотал:

– Закрой глаза и просто наслаждайся.

– Он собирался с этим соусом съесть меня, - брезгливо

отодвинула я угощение и положила в тарелку сваренное вкрутую яйцо и картофелину в мундире – форменный завтрак холостяка.

– Ой, да брось, - легкомысленно отмахнулся Эверт. – Он столько раз их варил, что уже не вспомню. Как учитель задаст мне новое заклятье разобрать, так Хинч сразу встает к очагу. Потом седмицу пируем. С этим соусом даже его стряпня пищей богов покажется.

– У вас два с половиной предупреждения, – индифферентно заметил Хинч.

– Макс еще и половинки выдает? - поперхнулась я. - Дурдом, а не демонический замок.

– Кстати, когда ты собираешься с Мельхомом мириться? – любопытствовал Эверт. – Знаешь, очень хочется горячей воды и вернуть оранжерею, без нее пришлось потушить атанор.

– Чего?

– Алхимическую печь, которую ни в коем случае нельзя тушить.

– Ну... – Я с тоской посмотрела через открытую дверь на Жертву, по-прежнему сладко дремавшую в пыли.

– Твоя курица уже, смотрю, забегалась.

– Не тронь Жертву! – предупредила я.

Только монстр способен закопать смелую птицу, выжившую в гонке с демонической кошкой! Я собиралась выловить из вчерашнего рагу, недоваренного и припрятанного в холодильном ларе, куски курицы и просто закопать. Мама всегда говорит, что главное – не подарок, а внимание. Какая Мельхому разница – целенькая жертва или по кускам, свежая или подпорченная? Вряд ли демон способен мучиться несварением. Возьму Егорку, станцую ритуальный танец под заводные песни. Пусть попробует не проникнуться симпатией и не вернуть в кухню кран, а в ванную комнату – горячую воду! Тогда перед отлетом домой напишу на стене матерное слово.

– Сегодня самое лучшее время, – подначивал меня Эверт. – Когда учитель из замка уходит, то несколько дней не появляется.

– Вы собираетесь проводить ритуал? - прислушался к нашему разговору Хинч.

– Не то чтобы совсем ритуал... – промычала я.

– Ага, - кивнул прислужник и неожиданно убрал со стола ополовиненную чашку с соусом. С удивлением ученик проследил, как он заботливо перелил остатки обратно в котелок.

– Хинч, что вы делаете? – не удержалась я.

– Боюсь, потом не хватит...

– В смысле, не хватит?

– Но вы же хотите проводить ритуал, – изогнул он брови. – Совершенно точно мне надо быть готовым.

Впервые в жизни я не нашлась, чем ответить. Оставалось только швырнуть в одержимого ложку, но, боюсь, даже точный удар в лоб не перепрограммирует демона-людоеда, сидящего в прислужнике, на человеколюбивую программу. В смысле, ни коем образом не связанную с гастрономической любовью.

К вечеру случилась неожиданность – в замок постучались, и у Эверта началась паника. Я решила, что пьяного Керна наконец принесли на закорках бесы, а ученик бормотал нечто вроде: «Лишь бы не раненный». Он так нервничал, что только с шестой попытки сумел правильно открыть смотровое окошко на магической двери. Как оказалось, гости пожаловали из Ансея, где меня хотели посадить на костер.

– Что надо? – хмуро спросил Эверт.

– Господин ученик! – донеслось с улицы. – Мы принесли дары для госпожи ведьмы. Просим ее не гневаться. Нас вчера бес попутал!

– Да какой ещё бес... – зашикал кто-то.

– Колдун белый, – исправился парламентар. – Белый колдун попутал, прострел ему в ребро! Пусть госпожа ведьма благословит нас на здоровье.

Эверт многозначительно оглянулся ко мне. Я стояла ни жива ни мертва. Было страшно представить, чтобы пустить нежданных дарителей в Мельхом.

Мысль, крутившаяся в голове, безусловно, являлась полной ахинеей, но, как показывала практика, обычно самые странные идеи становились реальностью. Вдруг горожане решат объединить усилия с Хинчем? В смысле, одни на костре жарят, а другой с радостью ест.

Я окончательно испугалась и замахала руками:

– Передай, что всех к чертовой матери благословляю на здоровье, размножение и хороший урожай!

– Я тебе секретарь? Скажи лично, – возмутился ученик и попытался дернуть кольцо на двери, заменявшее ручку.

– Сбрендил?! – горячо зашептала я. – Вдруг они просто пытаются

меня выманить, а потом скрутят и на костер потащат? Всю жизнь не доверяю неожиданной щедрости. Пусть сначала отойдут на безопасное расстояние, а лучше вообще уйдут!

Словно не слыша истеричного бормотания, он открыл дверь. К счастью, не в Ансаль, а на огромную праздничную площадь, заполненную развеселой толпой. Олень, одним словом. Снаружи на нас изумленно вытаращился пьянчуга. Видимо, он не ожидал, что дом жилой и только-только прилег на пороге.

– Проклятье! – рявкнул Эверт, захлопнув дверь у него под носом.

Пока он пытался отворить портал в нужную долину, фермеры действительно ушли, оставив на солнце корзинки, полные снеди. Прежде чем мы принялись затаскивать щедрые подношения в Мельхом, ученик огляделся, даже почитал какое-то заклинание, вероятно, проверяя ловушки. Убедившись, что улица пуста, только в жарком воздухе над едой кружат мухи, да в густых зарослях плюща, облепившего стены домика, гудят шмели, он дал добро:

– Переносим, пока не испортилось.

– Господи, неужели у тебя нет какого-нибудь заклятья для левитации предметов? – надрываясь проскрипела я, втаскивая ношу в замок.

– Есть, – прокряхтел Эверт (вообще жует за троих, а худой и слабый), – но бывают неожиданности.

– Например?

– В стены бьются, – коротко пояснил он.

– И кто тебя надоумил пойти в колдуны? – покачала я головой. – Другого ремесла не нашел?

– Матушка надоумила, – буркнул Эверт. – Сказала, что колдунам хорошо платят. Всю жизнь буду кататься, как сыр в масле.

– А ты всегда маму слушаешь? – хмыкнула я, выходя на улицу за следующей корзиной.

– Ты просто мою маму не знаешь... Проще послушаться, чем объяснить, почему не хочется.

Когда мы волоком втащили огромные корзины в кухню, то Хинч с непроницаемым видом заметил:

– Госпожа Алина, думаю, вам стоит освоить полеты на метле. Глядишь, нам не придется тратить деньги на продукты.

Он как раз успел перелить треклятый соус в глиняный горшок,

обмотать горловину тряпицей и поставить на самое видное место, словно намекая, что над нами с Оленем висит дамоклов меч.

– Хинч, если вы не заметили, - пропыхтела я, обтирая рукавом взмокший лоб, – я вас активно игнорирую, поэтому не надо со мной разговаривать. Это пугает.

– Почему? - непонимающе посмотрел прислужник на ученика, словно спрашивал именно у Эверта.

– Вы всегда разговариваете с картошкой, которую собираетесь сварить? – фыркнула я. – Могли бы и помочь, пока мы тут не надорвались.

– У меня после первой сотни лет простреливает поясницу, - с оскорбленным видом заявил он. - Физические нагрузки хороши только для молодежи.

– Верно, - фальшиво улыбнулась я, – и мясо пожестче станет. Жилы жевать никаких старческих зубов не хватит. Так ведь?

Солнце плавно уплывало за горизонт, а Макстен не появился. Видимо, знатно его прихватило. Оставалась надежда, что к черной звезде он все-таки решит появиться, чтобы лично убедиться, что я умотала в собственный мир.

Постепенно за окнами замка смеркалось, в углах ложились глубокие тени. Они наливались силой, густели, а потом заполнили каждый уголок. По просьбе прислужника Эверт с помощью заклинания зажег светильники, в помещениях сделалось светлее и чуточку уютнее. Окрестности окутывали глубокие сумерки, стоявшие на разделе темных деревенских ночей и тихих светлых вечеров, а я начала готовиться к ритуалу.

Конечно, по словам Оленя с Мельхомом следовало мириться в полночь, но перспектива оказаться на кладбище в потемках вызывала панический ужас. Горшок с несколько подкисшим рагу и тишком стащенный череп Егорка отправились в корзину. В небольшом фонаре загорелась ровным пламенем свеча. Кое-как справляясь со светом, лопатой и корзиной, я поковыляла к калитке в замковой стене. На улице постепенно темнело. Тишина стояла, как в склепе, даже сверчки не стрекотали, хотя днем окрестности замка плавилась от жары. До семейного кладбища Кернов было рукой подать, но пока тащилась по узкой тропке, успела три раза перечитать молитву.

Погост оказался маленьким, с подозрительно свеженькими

могилками и покосившимся надгробьями (определенно от перекапывания).

– Не дрейфь, Алина! – произнесла я громко, готовая в любой момент швырнуть некроманский скарб и с визгом броситься наутек. – Мертвые – не живые. Ходить и кусаться не умеют.

Как назло, моментально вспомнился зомби, бессмысленно шагающий в ливень по рыночной площади Ансея.

– Но вы-то точно не встанете, правда, товарищи Керны?

Товарищи Керны, к счастью, не ответили, иначе у меня случился бы инфаркт миокарда. Отгоняя страшный образ, я пристроила фонарь на низкую каменную ограду, отделявшую кладбище от чистого поля, и примерилась лопатой к земле.

– Достопочтенные чернокнижники и ведьмы, вы не волнуйтесь. Я быстренько ямку в уголке проковыряю. Мне рагу очень надо похоронить. Песни и пляски устрою позже. Не буду волновать, так сказать, ваш вечный сон...

Лопата неожиданно легко вошла в грунт, словно кто-то до меня вскапывал грядки. Откинув землицу, я бодренько вымолвила:

– Видишь, Алина, совсем нестрашно! На кладбище так тихо, как... в склепе.

Согласна, странное сравнение.

В тишине ухнул филин. Я, конечно, слышала филинов только в фильмах, но надеялась, что это именно ночная птица, а не зомби созывал собратьев на пир, коль ужин пришел собственными ноженьками. Только соуса Хинча не хватало.

Я с опаской огляделась. Темнота начала сгущаться, следовало поторопиться с закапыванием жертвы. Стараясь отогнать суеверный страх, тихонечко запела:

– Я на солнышке лежу и на солнышко гляжу. Все лежу и лежу...

Неожиданно подумалось, что покойники тоже лежат на солнышке... и под дождем лежат, под снегом и сугробами. Не песня, а плевков в лицо кладбищенским жителям.

– Черный ворон, что ж ты вьешься над моей головой?

Мигом представилось, как недавняя стая ворон кружится над маленьким погостом уважаемых чернокнижников, и слова застряли в глотке. Определенно, с пением, копанием и ритуалом было пора заканчивать, пока у меня не развилась паранойя и в каждой детской

потешке не увиделся гимн некромантов.

Прислонив лопату к ограде, я взяла в руки Егорку и горшок с рагу.

– Взываю к тебе Мельхом! – провозгласила громко, потом испуганно оглянулась к могилам, но погост оставался тихим. – Давай мириться. Обещаю, что не буду обзывать тебя лачугой, а ты вернешь в кухню кран и горячую воду в ванную комнату. Прими подношение!

Неловко пристроив череп рядом с фонарем, я вылила рагу в ямку.

– Да будет так!

Только я взялась за лопату, что бы засыпать орошенное едой углубление, как из рыхлой земли, резко и неожиданно, высунулась костлявая рука. Не помня себя от ужаса, я истошно завопила и наверняка разбудила всех окрестных покойников. В ответ где-то залаяли собаки.

Могу официально заявить: в фильмах ужасов безбожно врут! Ожившие мертвецы выкапываются с такой проворностью, что дали бы фору любому скоростному кроту. Пока я визжала от паники, предок Керн, щеря на удивление хорошо сохранившиеся зубы с длинными верхними клыками, вылез из могилы наполовину.

В глазах потемнело. Страх множил силы. Я размахивала лопатой с такой проворностью, словно она не весила ни грамма. От удара со звоном слетел фонарь и потух. Егорка укатился за забор. Наконец лопата встретилась с мертвецом, практически выбравшимся из земли. Череп зомби отлетел за пределы кладбища, как теннисный мяч.

– Простите, дедушка Керн!

Лопата отправилась в обезглавленный скелет, а я, высоко задрав юбки, галопом выскочила из ворот кладбища. Под ноги случайно попался Егорка и отскочил на пару метров.

– Егорушка, друг мой! Ты уцелел! – не сбавляя хода, я догнала катившийся по земле артефакт и подхватила под мышку.

В компании отполированного артефакта, не разбирая дороги, я скакала к Мельхому. Задыхаясь, ворвалась на кухню. Грохнула тяжелая дверь, со стуком в пазы сдвинулся железный засов. Перед глазами плыло, бок кололо. От адреналина меня трясло крупной дрожью.

– Алина? - раздался вкрадчивый хриловатый голос.

С опаской, осторожно я оглянулась. Оказалось, что в кухне мирно горел очаг, а за столом спокойно ужинал хозяин замка,

вернувшийся домой целеньким, здоровеньким и на своих ногах, а не на закорках демонов. Выглядел, к слову, свеженьким и опрятным. Волосы были аккуратно подстрижены, словно, сутки Макс не кутил, а отдыхал в СПА-салоне: делал грязевые маски, принимал солевые ванны и старался изгнать из головы идею свернуть шею женщине, поселившейся в Мельхоме. Надеюсь, удачно. Хотя прямо сейчас он казался чрезвычайно напряженным, будто мы убегали от зомби-скелета на пару.

Впрочем, Эверт тоже сидел с ошеломленно физиономией – даже ложку до рта не донес. А Хинч в милом кухонном фартуке поверх отглаженного костюма замер посреди кухни с плоской соуса в руках. В нерешительности, словно просчитывал в уме, не пора ли припрятать приправу, прислужник переводил взгляд с меня на миску.

– У тебя такой вид, как будто ты от мертвеца убегала, – заметил Макстен.

– Ага... убегала, – медленно кивнула я. – Дядьку вот... спасла.

Я протянула череп. В напряженной тишине из ослабевшей руки ученика выпала ложка и со звоном упала в тарелку. Макстен изогнул брови и вкрадчиво заметил:

– Это не дядька Идрис.

– Не он? – Я перевернула головешку и посмотрела в целенькие, прекрасно сохранившиеся зубы. И вдруг челюсти щелкнули! С воплем я отбросила приبلудный череп на пол и поддала ногой. Ожившая головешка отлетела к ногам Хинча и вцепилась в штанину, словно агрессивная болонка.

– Хозяин, – с индифферентным видом вымолвил прислужник, – вам следует поставить печать на пробужденного предка.

– Я заметил.

Словно в дурной черной комедии Хинч подошел к хозяину, с превеликой осторожностью пристроил на столе миску с соусом, а потом попытался отодрать череп. Голова зомби-скелета решительно не желала выпускать штанину из идеальных зубов.

– Снять брюки? – любезно уточнил Хинч.

– Не стоит, – хмуро покосившись в мою сторону, отозвался Макс.

Странное дело: меня едва не превратил в зомби-монстра пробудившийся предок Керн, я имела полное право на злость, страх и обиду, но почему-то под укоряющим взглядом чернокнижника испытывала вину. Удивительный человек! Хуже моей бабушки. А она-

то уж знает толк, как на пустом месте заставить всех домашних чувствовать себя преступниками.

Макстен приложил ладонь к перепачканной землей головешке. Прозвучали резкие колдовские слова. Из-под пальцев брызнула алая вспышка, и омертвевший череп с черной круглой печатью во лбу покатился по полу.

– Госпожа Алина, насколько понимаю, ваш ритуал удался, – если бы не знала, что Хинч всегда издевался с каменной физиономией, решила, будто он мне сочувствовал.

– Ритуал? – изогнул брови Макс.

На пару секунд на кухню опустилась гробовая тишина, хуже царила только на кладбище перед пробуждением деда Керна.

– Я хотела помириться с Мельхомом, – выпалила я. – Живую курицу закопать совесть не позволила...

– Тихо! – перебил меня Макстен, выставив руку. – Для начала ответь на вопрос: кто тебя надоумил заявиться в темноте на кладбище Кернов и закапывать там... Кстати, а что ты закопала?

– Скисшее рагу.

На лице у мага дернулся мускул.

– Ты полила кладбище чернокнижников помоями?

– Ну что сразу помоями? – даже возмутилась я. – Рагу было почти свежим. Конечно, этот ваш черный гримуар утверждал, что надо живую курицу...

– Ты открывала родовой гримуар?! – Глаза Макса снова вспыхнули, как угольки (ужас как страшно!). – Ты в своем уме?!

– Так Эверт сказал, что не может сам.

Все дружно мы вперились в ученика вопрошающими взглядами, и тот начал медленно стекать под стол. Он так старался спрятаться, что длинные ноги высунулись с противоположной стороны.

– Учитель, – жалобно пролепетал он, – только не объявляйте третье предупреждение, а то Хинч уже соус сварил.

Разбор полетов чернокнижник устроил в кабинете. Подозреваю, что бы Хинч от счастья не грохнулся в обморок, когда нам выставят по третьему предупреждению, и мы бы не уколошили прислужника, пока он, совершенно беззащитный, в отключке. Клянусь, меня даже в детстве так не отчитывали. Скрестив руки на груди, Макс сидел в глубоком кресле, вокруг дрожал колдовской огонь, со всех сторон что-то

скреблось и шепталось, а мы стояли посреди комнаты, как арестанты перед судьей.

– Вместо того чтобы учить заклятье, ты девчонку травишь?! – хрипловатым, сексуальным голосом чихвостил чернокнижник ученика.

Тихо и очень жутко, лучше бы наорал.

Вообще я слышала, что если долго сдерживать гнев, то рано или поздно можно схватиться за топор или ритуальный кинжал. На всякий случай пошарила взглядом по письменному столу в завалах непонятных колдовских приспособлений пытаюсь разглядеть кинжал с костяной ручкой, каким Макстен вечно размахивал во время колдовства.

– Я заклятье отрабатывал! – между тем жалобным голосом оправдывался Эверт. – Кто знал, что скелет на зов поднимется...

– Отрабатывал?! – охнула я. – Так покойник встал неслучайно?

– Побочный эффект, – буркнул Эверт, стараясь не смотреть на меня. – Как осложнение после простуды.

– Ты хоть понимаешь, что я чуть концы не отдала. Меня, может, до конца жизни кошмары будут мучить – ни один психолог не справится! Олень!

– Исчадие ада! – огрызнулся Эверт.

– Тихо оба! – громыхнул кулаком по столу Макстен. – К тебе, Алина, отдельный разговор. Месяц. Твое тело должно было оставаться в покое всего месяц, но ты умудрилась уменьшить мой замок до размера пряничного домика, устроить гоңку на метле бабки Ирис, а в завершение перекопать кладбище.

– Я же не нарочно!

– Мне страшно представить, что случится, когда ты захочешь что-нибудь сделать специально. Спровоцируешь конец света?

– Я научусь вышивать крестиком, свяжу всем шарфики и носочки, только не объявляй третье предупреждение, – протараторила я. Стоило для пущей убедительности пустить слезу, но плакать категорически не хотелось.

– И я! – поддакнул Эверт.

– Научишься вышивать крестиком? – уточнил Макс.

– Ну, если надо... – замялся он. – Так-то я хотел сказать, что просто заклятье выучу.

Только-только в кабинете, казалось, пикиал огромный оркестр, а ему неслаженно подпевал церковный хор, и вдруг воцарилась мертвая

тишина. Лицо Макса походило на застывшую маску. На щеке выразительно сократился мускул.

– Идите. Просто оба убирайтесь с глаз моих, пока не проклял, - тихо процедил он и вдруг позвал меня: – Алина, никогда не трогай родовой гримуар черных магов!

– Ясно. – Я для чего-то сделала книксен.

Мы сбежали из кабинета, как будто преступники – с эшафота. Быстро, тихо и страшно боясь, что решат вернуть обратно. Плечо к плечу, отказываясь уступать дорогу или тесниться, шагали по коридору к спальням, двери которых горестно смотрели друг на дружку.

– Так не надо было никакого ритуала? Значит, ты просто новое заклятье отрабатывал? - сквозь зубы процедила я прежде, чем зайти в спальню.

– Извиняться не буду! – фыркнул Эверт. - Не знала? Никогда не доверяй чернокнижникам.

– Олень!

– Исчадие ада!

Мы одновременно шибанули дверьми, прячась в комнатах. Мельхом неожиданно зажег абсолютно все ночники на стенах и не тушил их до самого рассвета. Впервые я была благодарна замку, ведь после столкновения с ожившим кошмаром вряд ли смогла бы заснуть в темноте. Надеюсь, Эверт тоже спал при полной иллюминации и всю ночь мучился от невозможности ее погасить.

ГЛАВА 4. Полет в стратосферу

Ранним утром замок содрогнулся от истошного вопля, словно кого-то убивали. Может, правда убивали? Плохо соображая, я скатилась с кровати и в предрассветных сумерках выглянула из спальни. С другой стороны коридора появился небритый заспанный Макс. Намедни меня посещала чудаковатая мысль, каким он вывалится из комнаты, если в замке среди ночи неожиданно объявят пожарную тревогу. Например, в ночном колпаке, с голыми ногами, торчащими из-под длинной широкой сорочки, или почти обнаженным... Сегодня он заснул в одежде.

– Если не ты, то кто кричал? – пробормотал он и направился к лестнице. Стараясь не отставать, я посеменила следом. Перед нами сами собой вспыхивали ночники, словно реагировали на датчики движения. Макстен шел стремительно, не заботясь о бесшумности, на кончиках пальцев плясали голубоватые искры, похожие на разряды статического электричества.

Когда мы достигли лестницы, то на стене, неожиданно обросшей золотистой блестящей тканью с красивым рисунком, веером загорелись изящные бра. Вчера светильников в помине не было, а стены красовались местами облупленной известкой.

– Оставайся наверху, – оглянулся Макстен через плечо.

– Он вернул оранжерею! – разлетелся очередной вопль, и теперь мы оба узнали голос Оленя, в смысле, Эверта.

Оранжерею Мельхом пристроил к единственной сохранившейся гостиной, в которую мы почти не заглядывали. Вместо окна появилась прозрачная стена, выходящая в тропический сад, и открытая высокая дверь. Рассветный воздух пах влажно и сладко, тонким цветочным ароматом.

– Учитель! – выскочил всклокоченный ошалевший от радости Олень из оранжереи. – Можно снова атанар топить!

– А кран? – пробормотала я и опрометью бросилась в кухню.

Крана не было. Квадратная каменная раковина, красиво выложенная мелкими разноцветными плитками, по-прежнему радовала глубиной и бесполезностью. Впрочем, я приноровилась ставить на дно деревянную шайку и изображать бурное мытье посуды.

Уперев руки в бока, я запрокинула голову и с претензией высказала невидимому демону:

– То есть, им ты цветочки вернул, а мне водички дать не хочешь? Кто тебя рагу накормил, неблагодарное создание? Или ты решил, что огурцы с помидорами лучше не на улице выращивать, а в теплице, и вытащил из закровов оранжерею? Чтобы ты знал, я ненавижу садоводство. У меня даже кактус Толик выжил, потому что он кактус.

Вдруг по стене пробежала рябь, камни пришли в странное движение, и изнутри замка резко выдвинулся длинный кран с настоящим металлическим вентилем. В тишине зашипела вода, а потом в раковину с брызгами ударила сильная стремительная струя.

– С ума сойти! – приятно удивленная, улыбнулась я. – Спасибо, Мельхом. Ты знаешь, как с утра поднять девушке настроение.

Вода оказалась ледяная, будто подавалась в дом напрямую из колодца.

– А потеплее нельзя? – проворчала я. – Ты же демон, должен в подогревании понимать...

В ответ кран на глазах начал втягиваться в стену.

– Стоп! – схватилась я за вентиль, останавливая отъем. – Лучше с холодной водой, чем совсем без воды. Сердечно благодарю, товарищ демон! Ты бест. А на втором этаже горячей воды тоже нет?

Наверное, если бы он мне вдруг ответил человеческим языком, я бы дала дуба.

Возвращаясь в комнату, в холле (в том, что от него осталось после перестройки) я наткнулась на троих жителей демонического замка. Мужчины тихо переговаривались и немедленно замолкли, стоило появиться на горизонте. Складывалось ощущение, что они обсуждали меня. Нашлись тоже подъездные бабушки.

– Товарищи маги, – улыбнулась я и кивнула Хинчу с умильной спальной сеточкой а-ля двадцатые годы на волосах, – и один товарищ одержимый, все еще утверждает, что возмутительно поливать кладбище человеческой едой? Знаете, как в моем родном мире говорят: победителей не судят.

С видом королевы, поддерживая длинный подол ночной сорочки, я начала подниматься по лестнице, совершенно незаметно покрывшейся мягкой ковровой дорожкой, хотя ещё пять минут назад в холл пришлось

спускаться по холодным каменным ступенькам.

– Спасибо, – пробормотала я.

За спиной раздался странный смешок. С грозным видом я сощурилась через плечо и обнаружила, что Макстен провожал меня смеющимся взглядом. Решила сделать вид, что не заметила, ведь грозные чернокнижники не имели права строить глазки иномирным гостям, едва не отданным на съедение людоеду.

Сердце, однако, подозрительно екнуло.

Горячую воду Мельхом не дал. Я попыталась настоять: выпрямилась голая в каменной ванне, расставила руки и провозгласила:

– Согрей меня!

Кран выплюнул поток ржавой воды, окатив брызгами стену. Складывалось впечатление, что демон подавился: мол, ты в своем уме, жадная до удобств женщина, еще на улицу в неглиже выйди.

– Эй, Исчадие ада, - заколотил в дверь Эверт, - хорош вопить, не задерживай очередь.

– Рой окоп, Олень! – рывкнула я и принялась тереться тряпочкой. По кусочкам, особенно неторопливо, со вкусом. А как еще в мужиках воспитывать терпение?

Появление оранжереи внесло в жизнь обитателей замка разнообразие. Хинч немедленно принялся копать в земле, а господа чернокнижники закрылись в подвале. Они по частям перенесли в погреб алхимическую печь. Ту самую, что походила на самогонный аппарат. Из-за тяжелой закрытой двери неслись неразборчивые ругательства и грохот. А я спряталась в библиотеке, где устроила собственную алхимическую лабораторию.

В центре письменного стола на разделочной доске лежал бедняжка Егорка. Тряпочкой, смоченной ароматным маслом, я полировала его покрытую сеточкой мелких трещин макушку.

– Надо было у деда Керна тебе зубов добыть, – вздохнула я и принялась маслом полировать голову, покрытую трещинками. - В следующий раз так и поступлю.

– Выбьешь кому-нибудь зубы? – раздался насмешливый хриловатый голос Макса. От неожиданности я вздрогнула. На стол упала густая масляная капля, и я демонстративно цыкнула.

Незаметно появившийся Макстен уселся в кресло, скрестил руки на груди. Он не произносил ни слова. Обычно обоюдное молчание не

смущало: на работе приходилось много общаться с клиентами, и в свободное время в кабинете стояла тишина, как в склепе, но при этом коллеги не буравили меня внимательными взглядами, словно гадали, когда я сотру размазанную на пол-лица помаду. Неуютно, честно говоря.

– Что? - хмуро зыркнула я на гостя.

– Чем занимаются девушки в твоём мире?

– Работают.

– В свободное время.

– А-а-а, - протянула я с ехидством, – ты имеешь в виду время, когда мы не откапываем покойников и не расписываем под хохлому черепа?

– Вы занимаетесь разграблением могил и раскрашиваете черепа?

– Нет!

Он выглядел серьёзным и заинтересованным, хотя была у меня подленькая мыслишка, что на самом деле издевался.

– Тогда чем?

Действительно, а что я делала по вечерам, когда заканчивался рабочий день? Полумертвая в час-пик добиралась до дома, вяло ужинала под ток-шоу, звонила маме с отчетом, разглядывала чужие радостные фото в соцсетях, размещала свои, чтобы ни одна собака не подумала, будто у меня ничего не происходит... Стоило признать, что после института моя жизнь в большом городе была скудной и ограниченной.

– Ну... Мы встречаемся с друзьями. Вместе ужинаем... во всяких мексиканских ресторанах. В смысле, экзотических местах. Ходим на выставки, в кино.

– Кино?

– Это сложно объяснить, - тут же отказалась я от лекции по кинематографу. - О! Ещё я занимаюсь фитнесом и йогой.

С ума сойти, как талантливо приукрасила единственную попытку сходить с подружкой в спортзал, закончившуюся вывихом коленной чашечки!

– Что такое...

– Спорт.

– Что значит спорт?

– Бег по утрам и растяжки вечером в компании таких же... кхм...

спортивных девушек, как я. Каждый день в любую погоду.

– Ты не бегаешь по утрам, - уличил меня во лжи Макс.

– Вчера я убегала от твоего деда, – быстро напомнила я, хотя аргумент прозвучал невпопад. К чести чернокнижника он не стал указывать на явную нестыковку фактов, а только спросил:

– Помимо бега от покойников, чем ещё увлекаются девушки в вашем мире?

Да что ж он прицепился-то?

– Учим иностранные языки, читаем книжки... всякие. Ты знаешь, государство, откуда я родом, признано одним из самых читающих в нашем мире.

Макс, заканчивай с вопросами, я и сама уже поняла, что представляю собой серость. Вернусь домой, тут же запишусь на йогу, пойду в языковую школу на французский, а лучше на китайский, и заведу кошку – нет – черепаху, за ними уход проще. Еще найду новую работу. Конечно, не от большого желания – наверняка внезапное исчезновение поставило жирный крест на моей не особенно удачной карьере менеджера по туризму.

– И сколько свободного времени у тебя отнимает чтение? – не унимался Макс.

– Много, – не моргнув глазом, соврала я. – Книги – моя страсть. Я даже поставила себе ограничение – не больше десяти романов в неделю.

Боже, что я несу? Единственное, что я читала в последнее время – это мотивационную чушь о том, как озолотиться, не вставая с дивана: раскрутить страницу в «Инстаграмме» или стать звездой «Ютьюба», но при этом не получить черную депрессию, когда ни один практический совет не работает. Один буклет так и назывался: «Как не впасть в депрессию». Вряд ли эти издания причислялись к шедеврам мировой литературы. Самой революционной оказалась книжка, где говорилось, что если каждый день в четыре утра бегать по семь верст, то богатство буквально упадет тебе на голову во время этой самой пробежки. Я не решилась попробовать. Вдруг оно свалится с такой силой, то сломает мне позвоночник?

– Десять книг в седмицу? В нашем мире, конечно, подобная страсть считается чудачеством, у нас женщины замуж выходят и детей рожают, но от тебя никто нормальности не ждет...

Стоп-стоп. Я что-то не поняла: он мне комплимент сделал или

оскорбил? Следует смутиться или обидеться?

– В общем, если чтение у тебя отнимает все свободное время, то давай учиться читать! – лицо чернокнижника неожиданно озарилось приветливой улыбкой, как у психотерапевта, наконец, придумавшего способ надеть смирительную рубашку на буйно-помешенного.

– А? – словно вышла я из-под гипноза и немедленно почувствовала себя полной дурой. На секунду решила, что Макс хотел узнать меня получше, а он просто пытался отыскать хобби, способное занять деятельную девицу и оградить родовое кладбище от самопальных ритуалов. Очень романтично, что говорить. Некромантский любовный роман.

– Учиться читать, значит? – повторила я. – С азбукой?

– С магией.

– Что ж, так точно получится быстрее, – сухо заметила я.

– И алфавит зубрить не придется, – поддакнул Макс, поднимаясь с кресла.

– Где ты был, когда в детстве я рыдала над букварем, – проворчала я, следя за тем, как он приблизился к черному гримуару, мирно возлежащему на деревянном пюпитре.

Мужская ладонь легла на кожаный талмуд, вырвались в воздух острые красноватые лучи, и Макс раскрыл книгу. Судя по всему, никакой боли чернокнижник не почувствовал. Он пролистал страницы, остановился на нужной главе и быстро прочел.

– Почему ты сказал, что мне нельзя прикасаться к гримуару.

Он не поднял взгляда от текста, но объяснил:

– Родовые гримуары передаются по наследству и подчиняются только хозяину. У чужих людей он забирает время в качестве платы.

– Если меня ударило чем-то вроде электрического, в смысле, магического разряда? – осторожно уточнила я. – Это оно самое? Гримуар забрал у меня пару дней?

– Точнее – пару месяцев.

Олень, ты труп!

Макс бросил на меня быстрый взгляд:

– Но есть отличная новость: ты все ещё жива.

– Спорная манера поддерживать хороших людей, обманутых твоим учеником, – прямо заявила я.

– Я попытался. – Чернокнижник с трудом сдерживал улыбку.

– Лучше бы вообще промолчал.

Он решительно закрыл опасную книгу и кивнул:

– Начнем?

– Ты тоже берешь плату месяцами жизни? – съехидничала я.

– Мне своих хватает, – хмыкнул он.

Макстен принялся раздвигать мебель, освобождая пространство перед камином. На вопрос, чем помочь, я получила однозначный ответ – поместить тело в состояние покоя, постоять в сторонке и постараться ничего не испортить. Я осталась сидеть за столом. Спокойная, как табуретка. Даже не отреагировала, как он закатал рукава рубахи, продемонстрировав исключительно сексапильные предплечья с вытатуированными оккультными знаками. Макс отставил к книжным шкафам кресла, осторожно подвинул кофейный столик и начал сворачивать ковер, открывая взору выжженную на паркете пентаграмму.

– Может, с ковром помочь? – предложила я.

– Лучше достань свечи, – кивнул он на деревянный сундучок, стоявший на полке одного из шкафов. Внутри действительно лежали оплавленные свечи.

– Часто проводишь в библиотеке ритуалы? – усмехнулась я.

– Когда Хинч не видит. Он любит ворчать, что я пытаюсь спалить семейное наследие. Расставляй свечи в вершинах звезды.

С приготовлениями было покончено, а библиотека надежно заперта на ключ. Чернильным пером Макстен начал рисовать непонятный знак у меня на ладони. Острый конец царапал кожу, чернила растекались. Он чертил, а я смотрела в загорелое аккуратно выбритое лицо. Неидеальное, со старыми шрамами: на щеке, над бровью. Видимо, он был ловок, если за карьеру чернокнижника заработал всего парочку отметин.

– На теле больше, – словно прочел он мои мысли и осторожно подул на рисунок. Коже стало щекотно, в животе вдруг завязался крепкий узел, щеки вспыхнули. Давно я не чувствовала такого смущения, как в тот момент, когда привлекательный мужчина со шрамами, татуировками, живущий в страшной сказке, дул мне на ладонь. Интересно, он мог почувствовать, что мое сердце пустилось вскачь?

– Сколько тебе лет? – тихо спросила я и вдруг обнаружила, что

голос сел.

– Ты точно не захочешь знать, – покачал он головой.

– И все-таки, - настаивала я. - Двадцать восемь? Я не эксперт в мужчинах вашего мира, но по виду больше не дашь.

– Я хорошо сохранился.

– Тридцать?

– Семьдесят четыре, – огорошил Макса.

– Ты был прав, зря спросила, - поскучилась я, вызвав у мужчины улыбку.

– Маги живут дольше обычных людей, - пояснил он , подрисовывая маленький хвостик на рисунке. - Правда, до моих лет дотягивают немногие. Не с нашим ремеслом.

– Ты старше моего деда.

– Мне оскорбиться?

– Я ребенок по сравнению с тобой, – буркнула я.

Он резко поднял глаза, темные, с расширенным зрачком. Взгляд – странный, вызывавший желание съежиться. Или раздеться? Господи, я сама не понимаю, какое желание он во мне вызывает.

– Ты не ребенок и не позволяешь об этом забыть ни на мгновение, - вымолвил Макстен. Нет, все-таки желание – раздеться.

– Ты о ритуале и метле? - Я почему-то шептала.

– Нет. – Он кивнул: – Готово.

В отличие от Эверта-Оленя чернокнижнику шпаргалки не требовались. Он вручил мне в руки какой-то томик и, прежде чем произнести заклинание, велел:

– Смотри в книгу, как только поймешь, что там написано, дай мне знать.

– Хорошо.

Я ожидала, что сейчас в библиотеке поднимется ветер, сорвет портьеры с окон, свалит книги с открытых полок и засыплет помещение выдранными страницами, но ничего подобного не произошло. Видимо, умение управлять силой приходило с опытом. Макс спокойно, без крика и надрыва, читал заклятье , а я пялилась в рукописный текст. Даже скучно, никаких спецэффектов.

Неожиданно незнакомые символы, похожие на китайскую азбуку, дрогнули и начали преобразоваться. На странице сначала зарябила неудобоваримая смесь из латиницы и русского алфавита. Буквы

прыгали в такт магическому речитативу, оборачивались, изменялись. Наконец, проявился полностью русский текст.

– Подожди! – немедленно скомандовала я, пока строчки снова не изменились и не предложили мне какой-нибудь французский, вместо русского языка. Я быстро пробежала взглядом по коротенькому абзацу...

– Макс, ты всучил мне порно!

– «По», что? – не понял он.

– Молочные бедра, упругий зад... Поза собаки?! – рыкнула я, потрясая книжечкой. – Роман для взрослых!

– Поздравляю, теперь ты умеешь читать, – без капли раскаянья резюмировал Макс. – Библиотека в твоём распоряжении в любое время суток. И книжку верни. По ней Эверт учится обольщать женщин.

– «Похождение шальной вдовицы»? – фыркнула я, проверяя обложку, и воскликнула: – Мать честная. Тут написано, что автор отшельник Ерим. У меня нет слов.

– Что тебя возмущает? – развел руками чернокнижник. – Отшельники тоже бывают разными. Хорошо, что сочиняют романы, а не гримуары.

– Хозяин! Вставайте! – Реззо ворвался в спальню белого мага.

Мучимый страшнейшим похмельем Ирен не слышал верного слугу. Невидящим взором он разглядывал трещину на потолке и пытался вспомнить, каких хороших дел натворил накануне в кабаке «Два кабана и козочка», что находился в другом конце королевства, на горной тропе, подальше от глаз пуритан. Вспоминалось плохо, образы путались и размывались. Голова трещала, во рту стояла неприятная сухость.

Неожиданно перед мысленным взором вспыхнула весьма подозрительная сценка, где он со звериным рыком тискал хохочущую подавальщицу. Срам-то какой!

– Хозяин, вставайте же! – сипел Реззо.

После проклятья немоты, слетевшего только после иссушения Анселя, голос у слуги звучал хрипло, как у горького пропойцы, выходил изо рта с присвистом, ни на мгновение не давая Ирену забыть о том, как он подчинился проклятому чернокнижнику и на веки вечные покрыл свое имя несмываемым позором. Да если бы не это голосовое

дребезжание, то белый маг никогда бы не захотел сбежать из дома в притон!

– Хозяин, к вам люди пришли!

– Люди?! Много? – Ирен резко сел. В ушах зашумело, перед глазами поплыли круги, а к горлу подкатил тошнотворный комок.

– Отец и сын.

– Целых двое просителей! Настоящих?

– Настоящих, как мы с вами, – уверил Реззо.

Забыв о похмелье, Ирен вскочил с кровати, но его моментально повело в сторону.

– Аккуратнее, хозяин, – подхватил его под локоть слуга.

– Неси парадные одеяния, встретим просителей с почестями, – велел тот, ковыляя к тазу с кувшином ледяной воды. – Где моя борода?

Никогда в похмелье Ирен не собирался с такой проворностью. Стрелки на часах не показали и десяти минут, а он уже стоял в полном облачении: в рясе с золотым поясом и с колдовским посохом в руках. Роба... кхм... лицо, правда, выглядело слегка опухшим, рядом с кадыком светился знатный засос, но длинная борода, прилепленная на подбородок, прикрывала непотребство.

Реззо закончил заплетать в тугую косу длинные белоснежные волосы и объявил:

– От вас перегаром немножечко разит. – Жестом фокусника он вытащил из большого кармана фартука флакон с распылителем: – Давайте-ка в ротик для свежести дыхания попирикаем.

Ирен послушно открыл рот и немедленно получил струю настоя в правый глаз. В воздухе резко запахло мятой, мелиссой и чем-то еще неопознанным. Глаз защипало, по лицу покатились слезы.

– Смерти моей хочешь? – рявкнул Ирен, пытаясь проморгаться.

– Простите, хозяин, – пробормотал слуга. – Промахнулся.

Наконец, настой попал в рот, обжег небо, пересушил язык.

– Что это? – прохрипел маг, решив, будто помирает.

– Настойка мяты перечной, – объявил с довольным видом Реззо. – Намедни приобрел в лавке травника... А что вы делаете?

Ирен дохлебывал из жестяного кувшина ледяную воду для умывания. Вода лилась по бороде, капала на парадную мантию.

– Тушу адское пламя, – прохрипел маг, обтирая рукавом губы.

Было пора поторопиться к посетителям, пока они не передумали

и не сбежали из обители белого мага. С величественной осанкой он вышел из голубого пламени в центре приемной. Магический ветер эффектно взметнул полы парадной мантии, дунул в лицо посетителям, при появлении колдуна моментально соскочившим с лавки (специально узенькой, чтобы не расслаживались, а ждали появление мага-избавителя с искренним нетерпением). Коренастый простецки одетый отец с вихрастым постреленком лет шести с почтением таращились на колдуна.

– Чем могу служить хорошим людям? - подкрашенным магией голосом спросил он.

– Господин, колдун... тут такое дело... – замялся горожанин.

– Не бойся, говори, сын мой... – ласково велел колдун, но решил, что сам годится мужику в сыновья, и оговорился: – добрый друг.

– В прошлом месяце вы исправляли моему младшему косоглазие, - сделал мужичок шаг вперед.

Прошлый месяц, когда народ толпился в доме белого мага, словно случился в другой жизни. Золотое время, когда не существовало в судьбе Ирена ни беспринципного чернокнижника, подмывавшего под себя город, ни его бессовестной глазастой девки, ни демонов, маскирующихся курами.

– Так вот, господин белый маг, - посетитель нервно обтер рот, – я пришел предъявить, так сказать, претензию и забрать деньги.

А добрый-то друг оказался злым. Колдун сощурился и вкрадчиво уточнил:

– Какую ещё претензию?

– Не помогло ваше колдовство.

– Быть не может! – возмутился Ирен.

Не вступая в споры, мужичок выдвинул вперед чад. Колдун присмотрелся. Отрицать очевидное было глупо: мальчишка чудовищно косил. Один зрачок смотрел на нос, другой на ухо.

– Раньше был болящим только один глаз, а теперь вот два разошлись, - сыпал претензиями недовольный отец.

Под приклеенной бородой страшно зачесалось.

– Я могу исправить, – попытался предложить Ирен.

– Нет! – воскликнул испуганный отец. – Просто верните деньги.

– Конечно, – коротко улыбнулся маг. - Сколько я с вас взял?

– Три золотых.

Или мужик врал, или Ирен совсем свихнулся: за простейшее колдовство такие деньжищи требовал! Их же теперь отдавать надо... Жизнь на территории Макстена Керна – боль!

– Реззо! – Он стукнул посохом, и по полу рассыпались затухающие искры. Пусть «злой друг» думает, будто слугу маг вызывал из лучшего мира с помощью силы, а не из соседней комнаты просто прикрикнув.

Прислужник мгновенно сунул нос в приемную.

– Звали, хозяин? – с подобострастной улыбкой спросил он. Глаза так и бегали. Видимо, пытался обнаружить дары от благодарных почитателей.

– Верни господину три золотых, – указал Ирен посохом в сторону мужика.

– А?! – изумился прислужник, но добавил: – Когда вернуть?

– Прямо сейчас.

На лице Реззо появилось выражение черного горя:

– Конечно, хозяин.

В рекордное время (мог бы и повременить) прислужник вернулся с кошельком.

– С разменом, – печально молвил он, протягивая последние деньги белого колдуна. С тоской Ирен проследил, как проситель-грабитель привязал позвякивающий кошелек на пояс. Внутри клокотала задетая гордость.

– И все же я готов исправить зрение. Давай-ка, уважаемый, твое чадо, – приветливо предложил он. – Подправим ему глаза еще разок. Совершенно бесплатно.

– Вот спасибо, но мы как-нибудь сами, – посетитель немедленно засунул испуганно моргающее чадо за спину. – Лучше по старинке, привычно – у Кернов.

– Черное колдовство – страшный грех! – задохнулся от возмущения Ирен.

– Грех, господин колдун, это когда один глаз у мальчика на запад смотрит, а другой – тебе в карман, – пропыхтел мужик.

– Поплатишься, друг мой, – пригрозил колдун исключительно ради устрашения и, три раза со злостью шарахнув посохом по полу, растворился в синем пламени.

Он переместился обратно в комнату и в ярости рванул на шее

завязку мантии. Надоевшие одежды полетели на кровать. Взбешенный Ирен дернул за бороду и взвыл от боли: из-за жары пакля намертво прилипла к подбородку, оперенному жиденькой щетинкой. Оставшись в измятой мирской одежде, колдун схватил посох и, грохоча сапогами по полу, так что наверняка на первом этаже казалось, будто дом ходил ходуном, вырвался из крохотной спальни.

Ирен Орсо – не простак, а лучший выпускник магической школы великого Дигора за последние сто лет. Он даже жалование получал за то, что творил добро с особым усердием и нес людям справедливость в непосредственной близости от родового гнезда известного темного рода. На такое не каждый белый маг согласится!

Когда с посохом наперевес по лестнице он скатился в кухню, то обнаружил, что за колченогим столом Реззо с печальным видом изучал счетную книгу.

– Хозяин, я знаю, что нам делать! – воскликнул он. – Напишите учителю Дигору, что попали в затруднительное положение и попросите прислать жалование пораньше, не ждать ночи черной звезды. Школа богатая, от нее не убудет.

Ирен резко остановился.

Проклятье... В смысле, благословите, светлые боги... Хотя, какое к демонам благословение? Проклятье. Если еще пять минут назад, когда фермер требовал деньги, он думал, будто упал на самое дно, то прямо сейчас прислужник постучался снизу. Не такой он себе представлял личную магическую практику. Думал, его будут любить, холить, лелеять, и что? «Отдайте мне три золотых»?!

– Принесу я тебе деньги, – буркнул он.

– Куда вы, хозяин? – вдруг испугался Реззо. – Помните, что отнимать монеты у косого мальчика – это бесчеловечно.

– Реззо! – резко притормозил Ирен. – Я готов наложить заклятье немоты.

– Я просто прикушу язык, – моментально перестал причитать верный слуга.

Белый маг и сам не до конца понимал, что именно рассчитывал обнаружить возле гнезда чернокнижника. Очереди из просителей во всю улицу? Со стороны Ансея обитель выглядела простым деревенским домиком, заросшим темно-зеленым плющом. Перед дверьми было пусто, только на солнце грелся полосатый кот.

В чудовищном раздражении Ирен подергал за ручку, но дверь оказалась заперта. Недолго думая, он прочел заклятье, отпирившее абсолютно все замки. На всей улочке, а ещё на двадцати пяти соседних, с дверей слетели замки, соскользнули засовы, открылись щеколды. Ирен беспрепятственно вошел в домик и обнаружил внутри пыльную абсолютно пустую комнату с облезлыми стенами. Гнездо чернокнижников находилось не в долине...

— Думаешь, дурная кровь, что сумеешь обмануть лучшего ученика великого Дигора? - процедил он и рубанул посохом. Воздух задрожал, словно начал плавиться, к низкому потолку взметнулась пыль. В пространстве вспыхнул ослепительный огонек, величиной с горошину. Он стремительно вырос, расширился и вытянулся, образовав светящийся овал размером в человеческий рост.

Ирен уверенно шагнул в серебристый портал, даже не пригибая головы, но перемещение прошло не так ловко, как он рассчитывал. Выходя с другой стороны, маг споткнулся. Лужайка резко приблизилась к глазам, и он едва не пропахал носом вражескую пыль.

Но посоха не выронил!

Замерев на секунду в униженной позе, он облегченно выдохнул, и тут заметил край женской юбки... С опаской он поднял голову. Взгляд заскользил по худощавой женской фигуре в светлом платье в мелкий цветочек, а потом остановился на (так сказать) верхней половине тела и словно прилип. Дешевая тряпка, какую Ирен обманно принял за одежду, держалась на тонких бретельках, открывавших хрупкие, покрасневшие от жаркого солнца девичьи плечи.

— Господин маг, какая неожиданная встреча, - ехидно хмыкнула ведьма, разглядывая его сверху вниз. - Потерпели крушение, когда мимо на посохе пролетали? Или же просто шпионили?

Немедленно бежать! Он резко выпрямился, взмахнул посохом, раскалывая пространство. И тут что-то пошло опять не так... Рядом с нахальной ведьмой у него все время происходили осечки. Портал открылся за ее спиной. Воронка взлохматила пыль, поднялся ветер, и визжащую девку утянуло в неизвестность. Словно насытившись, дыра схлопнулась.

Наступила удивительная тишь и чарующая благодать, какие царили исключительно на стыке миров. По двору прогуливалась облезлая курица, светило солнышко, а замок, супротив ожиданиям,

походил на хорошенький ладный особнячок с синими ставнями и раскрытой настежь задней дверью. Было видно большую кухню с каменным полом и горящий очаг.

– Исчадие ада! – заорали из дома. – Ты куда улетела?

Действительно, куда? Не дожидаясь, пока его накроют, Ирен взмахнул посохом и нырнул в открывшийся проход.

В пространственную дыру меня затянуло, как песчинку в пылесос. По инерции визжа, я вывалилась наружу спиной вперед и исключительно удачно рухнула на чью-то возмущенно затрещавшую кровать. Из старого матраса в воздух выбилось облако пыли. В носу мгновенно засвербело, и я звонко чихнула. После неожиданно перемещения в голове царил хаос. Наученная опытом перемещения в чужие постели, я скатилась на пол и немедленно бросилась к окну. Не для того, чтобы проверить, не выглядывает ли с балкона голый мужик, а понять, куда меня перенесло. Судя по паутине в углах и скудному интерьеру а-ля «седая старина», мир оставался прежним...

В общем, официально заявляю: случись так, что во время неспешной прогулки по двору вы случайно наткнетесь на неадекватного мага с посохом в руках, то хватайте лопату и бейте гада наотмашь, а потом зовите чернокнижника. Не исключая, что ни лопаты, ни чернокнижника в наличие может не оказаться, тогда просто драпайте со всех ног, подхватив юбки (или в чем вы там будете одеты). Если вам удалось хоть разок убежать от зомби-скелета, то от свихнувшегося Деда Мороза на каникулах – точно уйдете. Главное, чтобы он этим самым посохом не принялся размахивать, иначе обнаружите, что окна нового пристанища выходят в сторону отвесного обрыва, в воздухе кружат снежинки, а низкое зимнее небо протыкают горные белые пики.

Что за чертово двойное попаданство?

Неожиданно дверь распахнулась и на пороге появилась высокая женщина во фривольном костюме средневековой подавальщицы. В смысле, грудь вываливалась из декольте, а поверху рубашки был затянут твердый корсет.

– Ты что здесь делаешь? – рывкнула тетка голосом генеральши.

– Убиралась, – немедленно ляпнула я.

Недовольно поджав губы, грозным взглядом она окинула комнату со смятой постелью.

– Сходи с погреб за вишневым шикером, а то в зале закончился, – кивнула она вглубь коридора.

Опустив голову, я ринулась вон из комнаты, кое-как протиснувшись в двери мимо тетки. Вдруг она меня остановила:

– Что-то лицо у тебя незнакомое? Когда тебя взяли?

– Ну... – замялась я. – Недавно... Буквально только что.

– Неместная, что ли? – сощурилась она.

– Приезжая, – кивнула я.

– Платье мне твое нравится, как раз по погоде, – фыркнула тетка, неожиданно выказав чувство юмора.

Узкий коридор с темно-зелеными стенами закончился деревянной лестницей. Держась за перила, я начала спускаться, а сама поглядывала на обеденный зал. Народа оказалась немного, была занята половина столов. Над входной дверью была приколочена деревянная табличка «Маг, отсюда выходящий, не забудь свой посох!» Самое удивительно, что длинные белые палки, отличавшиеся разве что навершиями, стояли в пустой бочке, точно зонты.

– Боже, что за чертов слет Дедов Морозов? – пробормотала я.

В углу стояла рогатая одноногая вешалка с наброшенными кое-как плащами. Я тихонечко пробралась к одежде, но не успела даже дотянуться до вожаемых вещей, как дверь распахнулась. С потоком ледяного холодного воздуха в кабак ввалилась компания юнцов с посохами.

– Господа маги, колдовские причиндалы оставляем у двери! – прогудел замечательный бас. Из-за замызанной занавески, видимо, скрывавшей подсобное помещение, выглядывал усатый здоровяк. Не споря, но страшно недовольные необходимостью разоружиться, мальчишки совали палки в бочку и снимали плащи.

– Повесь, – приказал мне блондинчик и швырнул холодную от мороза одежду. Не успела я оглянуться, как сама превратилась в вешалку, закиданную плащами. Знаете, моя бабушка любит повторять, что нет худа без добра. Хотела своровать один плащ, а тут целая коллекция на любой вкус. Главное, выбрать тот, что пахнет одеколоном, а не застарелым потом.

– Кло, нам кувшинчик темного бира! – велел блондинистый нахал. В туристическом агентстве я встречала подобных раздражающих типов, похоже, существующих в любом мире независимо от наличия магии.

Они считают, будто люди должны им по гроб жизни, и зачастую раскидываются деньгами обеспеченных родителей.

– Хотя бы три кувшинчика! – взмолился один из парней.

– А платить ты будешь? – фыркнул блондин.

В голову немедленно пришел бородатый анекдот про студентов в университетской столовой: «Дайте нам одну сосиску, и десять вилок».

– Четыре с половиной кувшина темного бира! – объявил мужчина, названный Кло, видимо, хозяин питейной.

– Кло, у тебя бир по цене шикера, – протянул один из парней.

– Половинка – за счет заведения. Одну секунду, господа маги! – Он немедленно набросился на меня: – Ты чего застыла как малахольная. Не видишь, что ли? Господа дигоровцы хотят выпить.

– А где бир?

– Ты давно тут работаешь? – прищурился мужик.

– С сегодняшнего дня.

– Драм взяла?

– Она, – с готовностью кивнула я.

Как показывала практика, в любой непонятной ситуации следовало прикусывать язык и ждать, когда люди вокруг сами за тебя все скажут. Жаль, что я всегда забывала о столь простом способе избегать приключений на пятую точку.

– Вечно наберет всяких... – фыркнул Кло и вышел из-за занавески. С изумлением я задрала голову, разглядывая гиганта, на фоне которого любой атлет почувствовал бы себя дистрофиком.

– А одежда? – ему в спину жалобно уточнила я.

– Брось, – не оглянувшись, коротко велел он.

– Ладно, – пожала я плечами и опустила руки. Плащи бесформенной кучей свалились под вешалку на грязный пол. Наверное, если бы Кло заметил, то как-нибудь прокомментировал демарш, но он направлялся в другой угол трактира, где стояли дубовые бочки с кранами.

– Показываю один раз, – объявил он.

Напитки следовало наливать в жестяные сосуды. Хозяин повернул вентиль, и на дно кувшина полился темный напиток. Шипя, над горлышком поднималась пенная шапка, густая и крепкая, какой ни одно пиво нашего мира не давало.

– Держи. – Он всучил мне полную посудину. Я схватила кувшин

двумя руками и крикнула от тяжести.

– Возьми поднос, - велел Кло, и когда водрузил тару, то я решила, что надорвусь и отброшу коньки в проходе между столами. – А ты, я смотрю, помеченная черным...

Я замерла, не сразу догадываясь, что он имел в виду татуировки: одна на внешней стороне кисти, другая на ладони. Макстен рисовал четко, ярко и крупно, чтобы каждая сволочь могла слету оценить художественный талант.

Не произнося ни слова, я развернулась и трясущимися от натуги руками потащила поднос к столу со студентами. Кувшины звенели, напиток расплескивался. Подавальщицы, следившие за моим осторожным перемещением по залу, ехидно ухмылялись. Лихорадочно соображая, что делать, куда бежать и кого попросить о помощи, я принялась расставлять кувшины, а сама поглядывала на входную дверь, подсознательно ожидая, что сейчас она снова откроется и на пороге заведения для белых магов появится Макстен.

– Гляньте-ка, парни, у нее печать Кернов! – вдруг воскликнул блондинчик и тут же цапко схватил меня за запястье.

– Руку отпусти, – с угрозой приказала я.

Бесцеремонно он ткнул в рисунок пальцем. Кожу словно кольнуло статическим электричеством, и плавные, четкие линии знака вспыхнули алым пламенем.

– Мать честная, живая печать! – охнул за столом один из мальчишек. - В жизни не видел действующей печати Кернов...

– Спий с черными, подавальщица? – ухмыльнулся блондинчик.

– Интересуешься из любопытства или тоже хочешь попробовать с ними спать? - готовая в любой момент под волшебное «абракадабра» огреть наглеца кувшином с пивом, процедила я.

Парень дернул уголком рта и спросил:

– Он тебя вышвырнул из замка, да? Сколько стоит потискать девку Керна? - продолжал издеваться дигоровец. – Я дам денег, просто назови цену.

– Боюсь, твои родители, недоносок, потом не расплатятся... – ответили ему.

Сначала я решила, что хрипловатый голос Макстена мне слышался от отчаянья и прозвучал исключительно в голове. Но зал оцепенел. Кло замер возле бочки, и пиво щедро полилось через край

подставленного к крану кувшинчика. Все еще не веря, я оглянулась через плечо. Макс живой, а не галлюцинация, стоял на расстоянии полушага.

– Привет, - промычала я. – Мы в притоне белых магов, и ещё он очень больно сжимает мне руку.

– Хочешь, чтобы я оставил его без пальцев? – любезно предложил чернокнижник.

– Нет, но мизинец можно отчекрывать.

Мальчишка мгновенно выпустил мое запястье и спрятал ладошки под стол. Подозреваю, что он на них сел, чтобы наверняка сохранить все пальцы.

– Господа белые маги, не суетитесь, - спокойно вымолвил Макстен, бросив быстрый взгляд в ошарашенный зрительный зал. Неожиданно стало ясно, что народ нервно, молча и очень медленно, словно боясь спровоцировать дикого зверя, поднимался со своих мест и явно намеревался наперегонки кинуться к бочке с посохами.

– Я только заберу свою подругу, которая попала в ваше мирное заведение совершенно случайно, и мы немедленно уйдем...

Он словно прочел заклинание, заставившее пространство прийти в движение. Я опомниться не успела, как, по-прежнему обнимая кувшин с биром, оказалась спрятанной за спиной Макса. Над нашими головами рассыпалась искрами ослепительная шаровая молния.

– Почему твои уговоры никогда не действуют? - выдохнула я.

– Сам не понимаю, – отозвался он. - Выкрикни что-нибудь.

Клянусь, я не собиралась ругаться матом, но стресс и все такое... Подсознание дало сбой. На самом сочном словечке через меня словно прошла горячая волна, и от нас с Макстеном разошелся круг черного дыма.

– Я, конечно, имел в виду твою «абракадабру», или что ты обычно кричишь, но так даже лучше, - высказался чернокнижник, хватая меня за руку. – На улицу!

– Думаешь, сможем спрятаться в сугробе? – Он тянул меня, а я с изумлением крутила головой, рассматривая дезориентированных магов, которые бессмысленно тыркались в разные стороны, словно пытаются отыскать невидимок.

– Ты сурикат? – рявкнул Макс.

– Чего?

– Тогда прекрати крутить головой и двигай ногами.

Однако мы были вовсе не в обычной таверне и убегали не от отряда олухов-стражей, даже не прихвативших на арест военного мага. Под действием чужого колдовства черный дам развеялся. Мы не успели добраться до дверей, как на нас со всех сторон посыпались заклятья.

– Пригнись! – выкрикнул Макс, и я машинально плюхнулась на пол, прикрыв голову руками.

Чернокнижника отбросило магическим ударом, но он немедленно поднялся. Из уголка рта шла кровь. Следующий невидимый удар пришел в челюсть. Противник находился на расстоянии пяти метров, но на скуле у Макстена появилась синяк.

– Гад ползучий! – в ярости выкрикнула я.

Маг издевательски загоготал и захлебнулся этим самым противным хохотом, когда в лоб врезался жестяной кувшин, в полете расплескавший весь бир. Понятия не имею, почему я держала его в руках и не швырнула кому-нибудь в физиономию раньше. Мужик рухнул, как подкошенный, только в воздухе мелькнули две тоненькие косички, похожие на крысиные хвостики.

– Авада Кедавра, козлина! – страшным голосом выкрикнула я и немедленно почувствовала, как горячая ладонь Макса, ложится мне затылок.

– На пол!

Я послушно плюхнулась на коленки. Надо мной происходил настоящий магический бой. Вспыхивали молнии, летели черные сгустки, похожие на стремительные тени. Разрывались огненные снаряды, покрывая потолок копотью. Удивительно, как ещё не начался пожар!

Макс обивался, но дураку было ясно, что против целой своры белых гадов не выдержит даже живая легенда. А в том, что имя Макстена Керна в магических кругах являлось легендарным, не оставалось сомнений. Подозреваю, что им пугали первокурсников: мол, будете плохо учиться, отправим вас поближе к замку Мельхом. Может, наш недоумок с приклеенной бородой в Анселе срок отбывал? Сеятель добра недоделанный.

На карачках я доползла до перевернутой бочки с десятком посохов. Видимо, хозяева или не смогли прорваться к магическому оружию, или отсиживались во время драки рядом с запасами спиртного

и запивали бир вишневым шикером. Едва поднялась с пола, как на меня, словно взбесившийся медведь, пошел хозяин таверны Кло. Мы оба понимали, что против тяжелого здоровяка хрупкая девушка не выстоит. Он зарычал...

– Заранее простите! – выкрикнула я.

Колдовской посох врезался между расставленных ног противника. Болезненный вопль, похожий на хрип умирающего динозавра (не то чтобы я знала, с каким рыком дохли динозавры), заставил стены таверны содрогнуться. Маг не просто рухнул на колени, а свалился лицом в пол и, тихо поскуливая, свернулся клубком.

На занятиях по самообороне учили, что удар в пах совершенно точно обезвредит обидчика и позволит убежать. Просто проверить никак случая не выпадало. Я, правда, не специально – сработал условный рефлекс, как у собаки Павлова.

– Стерва ведьмовская, – застонал Кло.

– Трах-тибидох! – победоносно провозгласила я и шарахнула хозяина заведения посохом по хребтине. Мужик хрюкнул и затих. Конечно, бить лежащего нечестно, но шел бой, а на стороне противника было численное превосходство.

Макс оказался рядом и потеснил меня в сторону двери:

– Уходим!

Конечно, уходим! Я согласна! Толкнула дверь, но она не сдвинулась с места.

– Быстро, Алина! – рявкнул чернокнижник, выплетая пальцами заклятье.

– Заперто... – охнула я и немедленно поняла, что открывалось не наружу, а внутрь.

Из таверны на расчищенный до ледяной корки двор я вывалилась первой. В высоких сугробах искрами рассыпалось ослепительное солнце. В кристально-чистом воздухе кружились и мерцали сухие снежинки. От трескучего мороза перехватывало дыхание.

Макс выскочил следом, поскользнулся, но ловко удержал равновесие. Он развернулся и рубанул воздух кинжалом. Невооруженным глазом было видно, как дверной проем закрыла блеснувшая на солнце, но невидимая изнутри темного трактира, прозрачная преграда. Свора магов вывалилась наружу, удивительно, как друг друга своими чертовыми палками не забили. Однако далеко уйти

не получилось, они врезались прозрачную стену. Она тянулась, тянулась и резко отпружинила стаю обратно. Словно вишневые косточки, сорвавшиеся с рогатки, мужики влетели обратно в утробу кабака.

– Надо перемещаться. - Макс тяжело дышал, из разбитого рта вырвался пар.

– Тебя избили.

– Да наплевать. Почему ты не пробудила печать сразу, как только перенеслась в притон?

Конечно, он на меня злился.

– Извини, супермен, я не знала, что надо дать себя облапать белому магу, чтобы ты появился! – огрызнулась я.

Он не заметил, ведь глаз на затылке не было даже у сильного чернокнижника, но в нашу сторону стремительно, в разбеге набирая силу, катилась воздушная волна.

– Осторожно! – выкрикнула я, отталкивая Макса.

Чернокнижник не упал – только отпрянул, а меня чудовищной волной отбросило в сугроб. От удара из груди выбило воздух. Кислород отказывался поступать в легкие. Словно выброшенная на берег рыбина, я открывала рот и пыталась дышать. Неожиданно в голову пришло, что я никогда не обтиралась снегом, не обливалась холодной водой, даже контрастный душ не принимала, но валяюсь полуголая в сугробе, как на пляже с белым песочком. Точно заработаю воспаление легких! Мысль была совершенно несвоевременной, учитывая, что мне, скорее всего, раздробило половину ребер, разорвало селезенку, отбило аппендицит (его ведь можно отбить?), и вообще я помирала во цвете лет от магического удара. Неправа оказалась бабушка, когда каркала, будто я умру из-за любви к кока-коле...

Впрочем, на тот свет я уходила вместе с притоном. Кабак затрясся, словно в нервическом припадке. С крыши полетели куски черепицы, из окон со звоном вылетели стекла, а со стен посыпалась каменная крошка. Казалось, что заведение сейчас сложится, словно картонный домик.

Наплевав, что я вообще-то уходила на тот свет от переломов всего тела, Макс плюхнулся рядом и бесцеремонно сгреб меня в охапку. Мгновением позже мы провалились в пустоту, словно неожиданно нырнули в воздушную яму. Дорога в ад была гладенькая и очень

стремительная, однако что-то в магической преисподней теплее не становилось. Оказалось, что мы просто поменяли один сугроб на другой.

– Идиотка! – рявкнул Макс мне в лицо, сверкая горящими глазами-углями. Клянусь, я думала, что он никогда не кричал, а только цедил слова фирменным вкрадчивым тоном, пробирающим до мурашек. Глядите-ка, когда он вопил, становилось страшнее.

Раскаленная ладонь легла мне на грудь, через тонкое платье заструилось тепло.

– Тебе не стыдно орать на умирающую? – прокряхтела я, положив руку на сердце, почувствовав, что уже дышу, да и боль из ребер постепенно уходит. Правда, пальцы на ногах перестали ощущаться.

– Какого рожна ты меня закрыла собой?!

Демон во плоти из аниме, разве что клыков не хватало и фиолетовой шевелюры. Физиономия тоже могла быть благообразнее. Мультишные демоны не щеголяли недельной щетиной.

– В тебя чуть не попало заклинание, – объяснила я геройство, к слову, совершенное не по доброте душевной, а инстинктивно.

– А так оно попало в тебя, но я-то чернокнижник.

– Но ты тоже не бессмертный.

Макстен сжал побелевшие от злости губы. Некоторое время он смотрел мне в лицо, а потом тихо спросил хриплым голосом:

– Идти сможешь?

– Наверное...

Оказалось, что я своровала посох. Со странным выражением Макс следил, как я выбиралась из сугроба на накатанную дорогу, опираясь на оружие белых колдунов. Кстати, очень удобно. Наверное, его еще можно использовать в качестве шеста для проверки глубины топи на болоте (надеюсь, что до Черной звезды не доведется, но в магическом мире ни на что нельзя было рассчитывать).

– Господи, как же я замерзла. Лучше бы плащ своровала, а не посох! – простучала я зубами. – Далеко до цивилизации?

Учитывая, что мы стояли на горной дороге, огибавшей скалистый выступ с покореженным ветрами голым деревцем, вопрос являлся насущным.

– За поворотом постоянный двор. Остановись .

Я послушно встала. Макс положил мне на открытую грудь

горячую ладонь, словно пытался прослушать, не останавливается сердце, и прикрыл глаза. Было так холодно, что я даже не отреагировала, когда длинные пальцы невольно прикоснулись к напряженному от морозу соску. Неожиданно я почувствовала, что по телу заструилось тепло, ледяной холод отступил. Чернокнижник открыл глаза. Зрачок расширился настолько, что практически заполнил радужку. Красиво и одновременно жутко.

– Как теперь?

– Тепло, - кивнула я.

– До постоянного двора хватит. – Он нагнулся, черпнул пригоршню снега и обтер лицо.

– Ты в порядке? – заволновалась я.

– Скоро буду, – пообещал он.

– Хочешь, возьми посох – на него очень удобно опираться. Честное слово, я даже начинаю понимать, почему эти сектанты их за собой таскают. – Под выразительным взглядом Макстена, я прикусила язык, но волочиться по заснеженной дороге в молчании было невыносимо: – Тебе не холодно?

– Холодно.

– Очень?

– В горах мороз, – с индифферентным видом заметил Макс.

– Почему?

– Горы находятся на севере королевства...

– Почему ты и себя не согреешь с помощью магии?

– Печать тепла сейчас греет тебя.

– А она у тебя одна? Извини, конечно, ты не делаешь печати прозапас, - смутилась я. – Хочешь, мы постоим в обнимку, погреешься?

Господи, что я несу?

Показалось, что Макстен даже задумался над привлекательностью перспективы, но потом развернулся и пошагал дальше по заснеженной дороге, расправив плечи и высоко подняв голову.

– Подожди меня! – прикрикнула я и рванула следом, но едва не навернулась на льдистой тропинке, припорошенной снежком. – А лед-то тут откуда? Почему все люди как люди, и только я такая... умная, блондинка, и красивая.

– Знаешь, что самое интересное? - вдруг охотно поддержал мое

ворчание Макс. - Тебе даже не приходится прилагать никаких усилий, чтобы попасть в неприятности.

– На самом деле я никогда не попадаю в неприятности, понимаешь? - заспорила я. – У меня очень тихий образ жизни.

– Помню, – согласился чернокнижник, не скрывая ехидства, - по утрам пробежки, по вечерам – книжки.

– Почему ты злишься на меня? – огрызнулась я.

Нет, понять мужика было легко – попал в магическую заваруху, замерз до отмирания совершенно нелишних конечностей да ещё приходится опекать внезапную, как городской голубь, девицу. Честное слово, я сама от себя в шоке, но принимать чужую вину не собиралась.

– Клянусь, мое тело находилось в абсолютном покое, как ты и велел. Полностью спокойная я вышла во двор, чтобы покормить Дунечку...

– Кого?

– Мать твоего будущего курятника. Она выжила в честном бою и заслужила истинное имя!

Макс посмотрел на меня, как чокнутую. Я предпочла проигнорировать.

– В общем, мое тело находилось в полном покое и кормило Дунечку, но из воздуха выпал колдун из Анселя. Как его зовут?

– Ирен Орсо, - нахмурился Макс.

– Он выпал, распсиховался, что я его накрыла за слежкой, и открыл портал.

– В притон.

– Может, он накануне гулял в этом кабаке, а меня туда отправил по инерции? Он, конечно, странный, но все-таки молодой мужчина. Все мужчины любят снять стресс. Стресс – это не проклятье, а то, что с нами сейчас происходит...

– Я помню.

– Макс.

– Что?

– Ты же его не убьешь?

Почему прозвучало так, будто я уговариваю чернокнижника прикончить чудаковатого соседа? Он промолчал, что не добавляло оптимизма. Впрочем, о каком оптимизме могла идти речь на трескучем морозе?

Постоялый двор прятался за поворотом. Двухэтажное строение с черепичной крышей одной стеной жалось к скале, отчего со стороны казалось, будто оно пыталась уступить место дороге. Из трубы коромыслом шел сизый дым. Не сговариваясь, мы прибавили ходу.

Думаю, что наше появление станет притчей во языцех, историю начнут передавать детям, а те в свою очередь рассказывать своим детям. Ведь меньше всего немногочисленные постояльцы, хозяин и слуги ожидали, что когда раскроется парадная дверь, то в общую залу войдет девица в летнем сарафане и с посохом белого мага в руках и замерзший до мертвецкой синевы чернокнижник. Странно, что от задубелой одежды Макса не пошел пар, когда мы оказались в жарко натопленном помещении с огромным весело горящим камином.

– Господин черный маг! – кинулся к нам хозяин, высокий худой человек в переднике, повязанном на поясе. – Госпожа... белая колдунья?

– Ой, не пугайтесь. Я не колдунья, и посох – не мой. Случайно своровала... в смысле, обменяла у белого мага на метлу... Макс, заставь меня заткнуться.

– Проклятье немоты? – любезно предложил он.

– Спасибо, сама справилась.

Хозяин смотрел на нас с вящим ужасом. Видимо, появление одновременно чернокнижника и белой колдуньи, притворявшейся колдуньей черной, снилось ему только в кошмарах.

– Еды, питья и комнату, – велел Макс.

– Конечно, господин чернокнижник, – чрезвычайно низко поклонился хозяин.

Нежданный гость уверенно направился к столу напротив камина, напрочь проигнорировав, что он занят. На грязном полу оставались влажные следы от сапог, но через секунду испарялись эффектным дымком. При приближении мага семейство, мирно вкушающее похлебку под тихое потрескивание горящих в камине поленьев, вкушать перестало и дружно схватило тарелки (сразу видно слаженную командную работу), а отец династии, не сводя с Макса опасливого взгляда, стряхнул со столешницы в пятерню хлебные крошки.

Когда чернокнижник усаживался, то даже вытирать не пришлось.

– Можно посох постоит в уголочке? – вежливо уточнила я у хозяина, прикидывая, куда бы притулить осточертевшую палку, чтобы

она не мешала посетителям.

– Как пожелаете, – испуганно попятился владелец.

Пока я шлепала по обеденному залу к камину, он следовал за мной по пятам. Наверное, даже стул бы отодвинул, как вышколенный официант, но стояли скамьи.

– Какого питья принести, господа маги? – уточнил он.

– Хочу вишневого шикера, – объявила я. – Не знаю, что это такое, но его почему-то все заказывают.

– А вишневого нет, – испугался хозяин, – только травяной.

– Несите, какой есть, – согласился Макс.

Скорости, с какой нас обслужили, позавидовала бы самая известная в мире бургерная, где вообще-то бутерброды готовили в мгновение ока. Вместе с миской рагу и кусками хлеба грубого помола принесли глиняную бутылку с длинным горлышком.

– Наш лучший шикер, – объявил хозяин, вытаскивая пробку.

Напиток оказался темного цвета с густым пряным ароматом, отчаянно похожим на запах «Рижского бальзама», обожаемого моей бабушкой. Жуткое питье, да простят меня ценители. Пригубив шикер, я так и заявила, мол, какая же гадость эти ваши напитки магического мира. От того, с какой жадностью Макс опрокинул стаканчик, меня передернуло.

– Хороший шикер, – просипел он, прихлебнув ложкой рагу прямо из общей миски.

– Если захотите бира или машкэ, то зовите, – кажется, хозяин мысленно перекрестился, что сумел удовлетворить вкус странных клиентов (откуда ему знать, что вкус у нас невзыскательный).

– Уважаемый, – остановил его чернокнижник. На глазах у почти опустевшего за несколько минут зала он протянул руку. От раскрытой ладони заструился алый свет, в воздухе запахло паленым, а на краю деревянной столешницы начал проявляться выжженный знак Кернов. У хозяина алчно блеснули глаза.

– Вместо платы, – кивнул Макс, сжимая кулак, но я заметила, что по рисунку на ладони скользили красноватые искры.

– Благодарю, господин чернокнижник, – отвесил очередной поклон «уважаемый».

Едва мы остались вдвоем, я спросила:

– Что означает этот знак?

– За помощь он сможет рассчитывать на любую услугу от меня, – пояснил Макс и снова опрокинул стопку шикера.

– А если он захочет кого-нибудь проклясть насмерть?

– Так тому и быть.

Я не нашлась чем ответить. Глянула на стаканчик. В глянцевой поверхности отражалось мое крошечное искривленное лицо.

– Я пью «Рижский бальзам», оплаченный человеческими душами, но от этого он не становится вкуснее.

Залпом я проглотила напиток и крякнула от крепости.

– Шикер – коварный, – заметил Макс. – От него легко опьянеть.

– Да, брось, – высокомерно отмахнулась я. – Ты никогда не жил в студенческих общежитиях нашего мира. Поверь, мне этот ваш шикер как лимонад.

В следующий момент зал постоянного двора поплыл. Перед глазами потемнело. Раздался громкий стук, и только спустя пару секунд я осознала, что просто ударилась лбом о столешницу, отрубаясь от местного алкоголя. Шикер оказался гораздо крепче лимонада.

Я проснулась от холода и попыталась натянуть одеяло. Оно оказалось очень мягким, подбитым изнутри мехом. Закрытыми глазами пошарила по гладкой ткани, с трудом продрала один глаз и немедленно выяснила, что закутана в чужой плащ. Слава богу, что хотя бы на платье, а не на голое тело. Потом обнаружилась еще одна странность: на другой половине кровати (не сказать, чтобы очень широкой) спокойно спал Макс, а между нами лежал... посох.

Предполагаю, что с чернокнижником мы по-братски поделили матрац из-за отсутствия свободных номеров на постоялом дворе. Обычно во хмелю во мне просыпалось крайне вредное и опасное человеколюбие, так что я наверняка посчитала жестокостью укладывать мужика на ледяной пол, когда изо всех щелей, особенно из щели под дверь, страшно сквозило. Но что, черт возьми, в кровати делал посох? Я его прихватила вместо плюшевого зайки? Или на тот случай, если вдруг придется отбиваться от пьяных поползновений сексуального черного мага? Что за неожиданное проявление девичьей скромности?

– Своим деятельным сопением ты разбудишь даже мертвого, – сиплым ото сна голосом, не открывая глаз, пробормотал он.

– Почему у нас в кровати посох? – немедленно спросила я, пока от догадок не лопнула похмельная голова. Господи, из чего они делают

свой шикер , если после единственной рюмки меня мучило похмелье, как от половины бутылки виски.

Макс повернулся набок, подпер взлохмаченную голову рукой и усмехнулся:

– Все-таки ты очень странная женщина. Почему ты не спросишь, что в этой кровати делаю я?

– Это очевидно – ты спишь, - закатила я глаза, - но почему с нами еще и посох спит?

– Ты решила, что хозяин его хочет своровать и взяла с собой в постель.

Очень на меня похоже! Однажды после очередной студенческой вечеринки я проснулась в комнате тремя этажами выше, обнимая два зимних сапога из разных пар. Сапоги, к слову, были чужие.

– Какое счастье, что я не решила, будто кто-то хочет украсть хозяина! – простонала я, закрывая лицо ладонями, а потом глянула на Макса сквозь расставленные пальцы: – Чей на мне плащ?

– Его же, – издевательски ухмыльнулся подлец. Не помню, сколько он вчера принял на грудь треклятого шикера, но, похоже, все похмелье досталось мне.

– Я решила, что плащ тоже хотят стащить?

– Тебе он просто понравился. Не переживай, наш хозяин был счастлив его подарить. Даже больше : после того как ты благословила всю его семью до десятого колена на урожай, плодovitость и богатство, он настаивал.

– Из благодарности, что ли?

– Он решил, что ты его прокляла, - покачал головой чернокнижник. - Еще вопросы?

– До комнаты ты меня донес?

– Нет, что ты, – ухмыльнулся Макс. – Ты проявила крайнюю настойчивость в желании самостоятельно покорить лестницу. Помогала себе посохом и ползла, никогда не видел такой целеустремленности. Но не переживай, к этому времени народ уже попрятался в комнатах.

Лучше бы я вчера закопалась в сугробе и тихо-мирно умерла от переохлаждения.

– Так спустимся на завтрак или сразу вернемся в Мельхом? – одним плавным движением вставая с кровати, спросил Макс.

– В замок, – покачала я головой. - Как можно скорее!

Прежде чем вернуться в Мельхом, я аккуратно заправила кровать и сложила складочка к складочке плащ. Трофейный посох прихватила с собой, чтобы было чем отбивать Дунечку от демонических кошек.

Ночь Белой звезды, предвестницы звезды Черной, была темна и дождлива. Побелевшее ночное светило скрывали плотные облака. Масляные уличные фонари едва горели, и фигуру чернокнижника, стоявшего напротив дома Ирена Орсо, прятали глубокие тени.

Обычно в ночь Белой звезды светлые уходили в леса, проводили ритуалы, чтобы напиться холодной энергией светила. Макстену пришлось ждать почти две седмицы, пока трусливый щенок, опутавший жилище десятком мощных заклятий, решится покинуть стены опечатанного логова. Понимал, недоносок, в чей огород залез и чью женщину едва не заморозил до смерти. Алина простудилась, а потому ненавидела магический мир какой-то особенной извращенной ненавистью, отравлявшей существование мужчин демонического замка.

В окне на первом этаже блеснула одинокая свеча – никак белый прислужник ждал возвращения хозяина. Вторжение чернокнижника кое-чему научила жильца, и теперь строение переливалось многослойными, запутанными контурами, способными сдержать даже озлобленного демона.

Макс любовался стройностью магического плетения. Силы и таланта недоноску было не занимать. Доживи он до полувека, стал бы хранителем восточной долины, и тогда Мельхом, признав сильного конкурента, возможно, закрыл бы магическую дверь. Жаль, Ирен Орсо совершенно не умел ладить с соседями, что никак не способствовало долголетию.

Некоторое время понадобилось, чтобы начертать ритуальным кинжалом четыре пентаграммы. Макс закрыл глаза, расставил руки. В ночной тишине колдовская речь звучала громко и отрывисто. С каждым новым словом голос чернокнижника набирал силу и хрипоту, наполнялся звериным рыком. Устами колдуна заговорил демон Мельхом, существо из ада, веками служившее угасшему роду Кернов. Он скучал, заключенный в стенах замка, требовал развлечений, хотел крови, жертв, войны. Пусть кровь в ночь Белой звезды и не прольется, но Макстен ощущал злую радость демона в предчувствии злой шутки.

На улице поднялся ветер. Бешеными спиралями он закручивал

редкие дождевые капли, трепал кроны деревьев, срывая листья, ломая ветви. Ночь наполнилась гулом и треском. Неожиданно на кухонном окне в доме шевельнулась занавеска – слуга захотел проверить силу неожиданно поднявшейся бури. Тут он увидел Макстена, лицо вытянулось и немедленно исчезло. Раскрылась входная дверь.

– Что творишь ты, адское зло?! – вскричал прислужник, не выходя за порог.

Последнее слово заклятья разрубило пространство. Макс опустил руки, и ветер мгновенно стих. Воцарилась невозможная тишина.

– Ты не забереешь мою душу, так и знай! – потрясал кулаком прислужник, не в состоянии заметить, что дом накрыл красноватый светящийся купол. – Я призван служить добру и справедливости.

– Ладно.

– Чего? – не расслышал приспешник белого недоноска.

– Адью, – вдруг вспомнил чернокнижник иномирное слово, однажды брошенное Алиной. Каким же ехидным оно тогда показалось!

Он щелкнул пальцами. Дом исчез. Вместо него остался лысый клоч сухой земли и неопрятный сад.

ГЛАВА 5. В гостях хорошо, а дома лучше

– Карлсон! Кис-кис, тварюшка, – позвала я демонического крылатого кота. – Куда ты делся?

Высматривая зверя, с миской молока в руке, я пересекла двор. Обычно зверь пробирался через разрушенную кладку за дубом, где высота стены доходила мне едва до груди. Мельхом мог бы починить ограждение без вмешательства каменщика, но, подозреваю, ему было до жути интересно, сожрет ли крылато-хвостатая тварь курицу. Подозреваю, что демон болел за своих.

Кровожадного зверя приходилось отгонять от Дунечки по пять раз на дню. Я попыталась курицу поселить в кухонном чулане. Когда она не пожелала затаиться на полчаса и с глупым видом продефилировала по кухне во время ужина, то хозяин замка коротко объяснил, что или птица живет на заднем дворе, или мы обе. Выбор был скуден и очевиден.

Ночью после выдворения Дунечки из замка, мне вдруг вспомнилось, что в случае с котами слова «сытый» и «ленивый» практически синонимы. Расчет оказался верным: даже магическая животи́на с крыльями, клыками и глазами, вспыхивающими, как два бесовских светильника, потеряла интерес к охоте, едва появилась дармовая кормежка. Более того, Карлсон оказался слабаком! Хватило всего одной недели, чтобы демонический кот получил истинное имя, научился тереться о мои ноги, басовито мурчать и страшно шипеть на ворон, недобро поглядывающих на Дунечку с лысого дуба. Вчера крылатый бес распугал надоедливых шпионок и, довольно щурясь с толстой ветки, сторожил счастливо гуляющую по двору курицу.

Деревенская идиллия пасторалью!

В голову даже пришла мыслишка забрать обоих с собой и поселить у бабули на даче. Могу поспорить, что во всем поселке очень быстро исчезнут мыши, кроты, соседский визгливый пес Тузик, круглогодично живущий в будке, а если сильно повезет, то и сами соседи, из года в год ворующие из теплицы помидоры. Я не намекаю, что Карлсон попытается их сожрать, как когда-то меня, просто испугать. До частичной амнезии. Они бы забыли дорогу в наш дачный

поселок и перестали тырить чужой урожай.

Пристроив миску с молоком между толстыми корнями дуба, я встала на цыпочки и посмотрела за ограду. Показалось, что в высокой некошенной траве за пределами замка мелькнул длинный хвост.

– Карлсон, кис-кис! Иди молочком заправься, а то через часок захочешь сожрать Дунечку!

Он хриловато мяукнул, я задрала голову и сначала не поверила своим глазам. На тонких веточках дуба, спутанных и переплетенных, набухали почки, точно на дворе шел разгар весны, а не середина удушливого лета. На ощупь они оказались мягкими, готовыми в любой момент лопнуть и распусться по-особенному нежными листиками.

– Что делаешь? - заставил меня оглянуться оклик Макса.

Спрятав руки за спиной, он стоял всего в нескольких шагах.

– Ты видел? На дубе появились почки, - соскакивая на землю, я отряхнула руки.

– Я... догадывался, что такой исход возможен, - ответил он сухо, через паузу, словно подбирал правильные слова, и немедленно поменял тему : – С кем ты разговаривала? С котом?

– Нет, – слишком поспешно отказалась я от любых отношений с крылатой скотиной.

– Алина, скажи, что ты не подкармливаешь вингрета.

– Что за вингрет?

– Вингрет, - терпеливо поправил черный маг. - Дикая крылатая кошка.

– Нет, что ты. – С самым невинным видом ногой я незаметно задвинула миску с молоком под корни дуба. - Я похожа на чокнутую, чтобы кормить окрестных кошек?

– Они живут стаями, – похоже, Макстен действительно напрягся. - Прикормишь одного, придется избавляться от полусотни. Вингреты заполонят весь замок. Начнут плодиться, драть ткань на стенах, гадить...

– Разве я могу подложить вам такую свинью : устроить кошачий апокалипсис и свалить домой? – Мысленно я помолилась, чтобы Карлсон оказался убежденным мизантропом и ярким противником семейных отношений. – А что ты хотел?

– Составишь мне компанию? - неопределенно кивнул чернокнижник куда-то в сторону замковой стены, словно предлагал перелезть и ускакать на своих двоих в закат.

– Нас попытаются убить?
– Нет, - широко улыбнулся Макс, и в уголках глаз собрались морщинки. - Я надеюсь.
– Что будем делать?
– Прогуляемся. Ты толком не видела нашего мира, а завтра возвращаться.

Верно. Завтра ночь Черной звезды и я отправлюсь домой. Отпуск а-ля «страшная сказка, ставшая явью» подошел к концу. В глубине души (очень глубоко) я даже испытывала светлую грусть, охватывающую любого курортника в последний день на морском побережье (если, конечно, ему повезло не подхватить ангину).

В последние две недели дом незаметно менялся, ширился, поднимал потолки. Комнаты увеличились, стали светлее, ведь окна подросли. Кое-где появлялись разноцветные витражи. Стыдно сказать, но абсолютно все мозаичные картинки рассказывали о моих злоключениях в замке. Особенно четкой у Мельхома вышла сцена, где я выкапывала яму в уголке кладбища. Издеваясь, он поместил витраж в гостиной, где я несколько дней подряд кропотливо вязала в прощальные подарки мужчинам – полосатые шарфики. Пряжу в городе выбирал Олень, а он страдал не только отсутствием магического таланта, но и художественного вкуса. Я специально связала ему фиолетово-зеленое уродство. Пусть каждое воспоминание обо мне отзывается глазным тиком!

– Мы пойдем в Ансель? - предположила я, неторопливо шагая рядом с Максом.

– В восточной долине третью седмицу плохая погода.

– Как жаль, - вздохнула я. – Хотела швырнуть камень в окно сеятеля добра.

– Боюсь, что пока это проблематично, – вдруг заметил чернокнижник.

– Думаешь, что он ради безопасности забил окна?

– Забьет, как только отыщет.

– Молоток и гвозди? – пошутила я.

– Молоток, гвозди, – согласился маг, - окна... дом.

– Ты что-то сделал с его домом? - едва не умерла я от любопытства.

– Передвинул. - Уголки губ изгибались в лукавой улыбке.

– Конечно... – кивнула я. – Передвинул... Это объяснило абсолютно все.

Официально заявляю, Макстен Керн – абсолютный чемпион в умении объясняться загадками! Если бы в магическом мире проводили соревнование на скрытность, он бы получил золотую медаль.

Тут скрытный «чемпион» открыл магическую дверь. Неожиданно повеяло морским соленым воздухом,и, кажется, прозвучал крик чаек.

– Прошу, – приглашающим жестом указал Макс на проход.

– Благодарю, – не без пафосного кокетства улыбнулась я и переступила через порог...

Вокруг стояли покосившиеся надгробья, между влажных и темных после дождя могил струился жиденький туман. Магическая дверь открылась на кладбище, и со стороны внешнего мира Мельхом выглядел потемневшим от времени, дождей и морского ветра склепом. За одну секунду из деревенской пасторали, греющей душу, я переместилась в фильм ужасов. Как мне вообще пришло в голову, что чернокнижник может пригласить девушку на человеческую прогулку?

– Погода не очень, – с сожалением покачал головой Макс.

– Зато место... впечатляющее, – не без иронии заметила я.

– Ты не любишь море? – Он явно издевался, прекрасно понимая, что дама намекает на прогулку по кладбищу. Место, может, тихое, безлюдное, никакой суеты и толкучки, однако, учитывая с какой охотой в магическом мире просыпаются покойники, не сказала бы, что очень безопасное.

– Море люблю, а кладбища – нет, но если ты гарантируешь, что нас никто не попытается съесть...

– Склеп – просто ворота. Мельхом по собственному желанию выбирает, где они будут открываться, – понял мою мысль Макстен. – У него вообще своеобразное чувство юмора.

Откровенно сказать, в его замке у всех своеобразные чувство юмора и мышление, особенно у Хинча.

– Знаешь, Макстен Керн, ты, конечно, профессиональный некромант и все такое прочее, но давай вернемся засветло.

Мельхом был настоящим эстетом. Когда могилы и надгробья остались позади, то вид открылся потрясающий. Скалистый берег кружевным песчаным краем спускался к морю. Вода, отражавшая глубокое небо, была темно-синей, словно в ней растворили чернила.

Светило солнце. Раздел неба и земли, спрятанный под темной, густой завесой, стирался, и море выглядело бескрайним до головокружения. А краски вокруг казались сочными, глубокими, как на отретушированных фотографиях.

– Рейсден, – пояснил Макс. – Обычно здесь дождливо, но нам повезло.

Не торопясь, мы добрались до рыбацкой деревушки с домами из потемневшего камня, выеденного морскими ветрами. Погода стояла отличная, и на улицах кипела жизнь, хотя я ожидала, что как в фильмах о старой Англии деревушка окажется почти вымершей. На чернокнижника никто не обращал внимания, словно бы у него не было никаких оккультных татуировок, одна из которых, к слову, темнела почти на шее и каждый раз выглядывала из-под рубашки без ворота. Не заметить рисунок было невозможно, но торговец в продуктовом магазинчике («лавке», поправил меня Макстен) спокойно продал кое-какой снеди и бутылку бира. Принимая монеты, он приветливо улыбался и даже не поплевал в спину, когда мы выходили на улицу.

– На нас никто не обращает внимания, – не стала скрывать я удивления.

– Я посчитал, что ты захочешь провести спокойный день и подправил нам внешность.

Хотела бы я поймать хотя бы одно отражение, чтобы понять, какими нас видели местные жители. Может, у меня косоглазие или торчат передние зубы. Однако в магическом мире ещё не дожили до зданий с зеркальными стенами и широкими витринами, где можно было себя разглядеть в полный рост.

– Как ты выглядишь? – пристала я с расспросами.

– Моложе, – коротко ответил Макс.

– Покажи!

Когда я повернула голову, то с изумлением обнаружила, что рядом со мной шел высокий, худощавый юноша в одежде чернокнижника и с глазами Макса. Темноволосый красавчик, никогда не знавший бриться.

– Можешь таким остаться? – немедленно попросила я.

– Почему я вдруг оскорбился? – хмыкнул Макстен, и снова передо мной предстал знакомый мужчина со шрамами на лице.

– К слову... – наконец поймала я одну весьма тревожную

мыслишку. - Когда Эверт выставил меня из замка, почему ты не запудрил мозги людям, а заставил меня разгуливать по улицам полуголой? Я была уверена, что попаду на костер за разврат.

– Никогда не трачу силы на магию, когда мне плевать.

– Честно, – отозвалась я через паузу. – Добавить нечего и обидеться не получается.

Взгляд остановился на лавке с крупной вывеской «Дом морской ведьмы».

– Магическая лавка? - обрадовалась я. - Пойдем скорее.

– Алина, ты издеваешься? - возмутился чернокнижник.

– Мне нужны сувениры.

– Как понимаю, сувенир – это не проклятье, - сдержанно уточнил он незнакомое слово.

– Вообще не проклятье, - ухмыльнулась я.

– Ноги моей не будет в лавке с бесполезным хламом.

Обе ноги колдуна спокойно переступили порог и даже сделали несколько шагов в тесном захламленном зале. «Морская ведьма» оказалась «морским волком», в смысле, упитанным мужчиной с хитрым взглядом профессионального афериста. Не удивлюсь, если сувенирный магазинчик он открыл на деньги, обманом украденные у честных королевских подданных.

– Вы неместные, – начал он беседу после приветствий. - Хотите амулеты от злых чар?

При этих словах Макстен сморщился, как от острой зубной боли.

– Вот смотрите, - не унимался торговец и указал на продетую в грубую шерстяную нитку странную загогулину размером с треть ладони, – амулет от гнева.

– От гнева – это хорошо, - кивнула я, немедленно решив, что куплю штуку маме. Она наверняка впадет в ярость, когда пройдет эйфория от моего возвращения.

– Такого знака не существует, - на ухо мне буркнул чернокнижник.

– А зря вы, молодой господин, так говорите! – вдруг обиделся торговец, хотя мы все понимали полную бесполезность украшения. – Между прочим, у нас места магические. Вы когда-нибудь слышали о черных колдунах Кернах? На старом рыбацком кладбище ворота в их замок.

– И часто местные жители пытаются открыть эти ворота? – сдержанно уточнил он.

– Что вы, боятся.

– И правильно делают...

– Я один раз ходил, – заявил торговец.

У Макстена выразительно вытянулось лицо.

– Удачно?

– Спрашиваете! – важно развел руками «морской волк» и вдруг вытащил из-под прилавка кинжал, отдаленно напоминавший ведьмовской, с помощью которого колдовали чернокнижники. – В замке нашел. Родовой кинжал Кернов. Хочешь, парень? Отдам задешево.

Глядя на то, как Макс сдерживается, чтобы не проклясть пустозвона, я с трудом сдерживала издевательский хохот.

– Воздержусь, пожалуй, – сухо отказался он от покупки.

– Да бери! Отличный кинжал! – настаивал «морской волк», не подозревая, что стоит в трех секундах от опасности насмерть захлебнуться водой из стакана прямо за прилавком.

– Кромка туповата, – изогнул одну бровь Макс, в глубине глаз сверкнуло пламя. Похоже, ему тоже не мешало завести амулет по управлению гневом и каждый раз, когда накрывало, бить себя по лбу. Недолго думая, я ткнула чернокнижника локтем в ребра. Он охнул, потирая ушибленное место.

– Я еще возьму колокольчик, – не сводя с колдуна многозначительно взгляда, объявила я.

Бабуля уже лет двадцать коллекционировала металлические колокольчики и расставляла в старой ещё советских времен «стенке».

Вскоре мы вернулись к морю и, стараясь не свернуть шеи на каменистой тропинке, спустились к пляжу. Солнце грело, пенистые ласковые волны облизывали берег. Обувь мы скинули, и Макс быстро подвернул брюки. Едва не мурлыча от удовольствия, я прошла по горячему песку до воды. Легкая волна набежала на голые ступни...

– Проклятье, холодно-то как! – отскочила я подальше. Никакого удовольствия.

Макстен вытянулся на песке и, подперев голову рукой, прямо из горла прихлебывал бир.

– Будешь? – протянул он мне бутылку.

Я уселась рядом и сделала большой глоток, на вкус бир вовсе не

напоминал пиво, скорее густой травяной напиток с горчинкой.

– Почему у вас вся выпивка – сплошная гадость, - сморщилась я, возвращая бутылку, но от следующего глотка все равно не отказалась. Пить из бутылки, без бокалов, лежа на песке возле ледяного моря, было проявлением особенной близости, заставлявшей сердце сладко и испуганно цепенеть.

– В нашем мире считается, что из рук чернокнижника нельзя принимать еду и питье, - вдруг вымолвил Макс, щурясь на солнце.

– Можно заработать проклятье?

– Или приворот.

– И что, Макстен Керн, старик-некромант из рода темных магов, ты решил меня приворожить? – ехидно вымолвила я.

– Упасите демоны, – хрипловато хмыкнул он. – Боюсь, мне потом придется приплатить твоей семье, чтобы по-хорошему забрали в родной мир, иначе через пару лет мы будем жить в лачуге.

– Мельхом меня любит, - с презрением фыркнула я. – У нас... у вас даже дуб ожил!

– Точно. Ожил, – невесело усмехнулся Макстен и вдруг спросил: – Кто тебя ждет в том мире?

– Семья, – вздохнула я, пересыпая из пригоршни в пригоршню мелкий белый песок. - Родители, бабушка с дедушкой, младший брат.

– Мужчина?

– Ты слишком прямолинейный, - сморщилась я.

– Выходит, нет.

За месяц, проведенный в замке, мы ни разу не говорили о том, кого я оставила в родном мире. При мыслях о семье на душе скребли кошки. Страшно представить, что с ними происходило, ведь я исчезла из квартиры, запертой изнутри. Уверена, родители поставили на уши полицию, всех моих друзей и знакомых. Наверное, от отчаянья обратились к ясновидящим. Надеюсь, кто-нибудь разглядел через границы миров, что их дочь жива и даже относительно здорова, если не считать простуды, подхваченной после прогулки по зимним горам. Я плохо представляла, что именно скажу родным, когда появлюсь на пороге родительского дома. Не совершь же, что меня своровали инопланетяне.

– Не проще сказать правду? - вымолвил Макс.

– Прости? - удивилась я, вдруг осознав, что рассуждала вслух.

– Если не знаешь, как солгать, то говори правду.

– Что усилиями Оленя... прости, твоего талантливой ученика Эверта Ройбаша я перенеслась в магический мир и целый месяц ждала ночи Черной звезды, чтобы вернуться домой? Они вызовут санитаров еще до того, как я вытащу пробку из бутылки с шикером.

– Санитары – это особый вид лекарей? – уточнил Макс.

– Ага, их вызывают всем, кто возвращается из магического мира, – хохотнула я, кажется, немного захмелев от бира. – Скажу, что уезжала в монастырь подумать о жизни. Вот подумала, вернулась, подарки привезла.

Я вытащила из кармана платья медный колокольчик и потрясла. В воздухе рассыпался хрустальный звон.

– Алина, не хочу тебя расстраивать, но в нашем мире эти колокольчики вешают во дворе, когда в доме кто-нибудь умирает, – объявил Макс.

Я почувствовала, как вытягиваюсь лицом. Маленький колокольчик с оккультными символами на куполе и умильным пестиком резко утратил привлекательность.

– То есть... кхм... ты хочешь сказать, что своей бабушке я привезу посмертный колокольчик? Милый подарочек с тонким намеком.

– Вроде того, – охотно согласился он.

– Не мог как-нибудь подмигнуть, когда мы были в лавке? – возмутилась я.

– Ты выглядела такой воодушевленной.

– Проклятье, Макс! Ты живешь на свете дольше моего деда, уже должен был изучить женщин вдоль и поперек. Мы всегда чувствуем воодушевление, когда тратим деньги на ерунду.

Не стоило мне орать и размахивать руками. Колокольчик, как живой, отлетел к воде.

– Да что б вам всем пусто стало! Мало что для покойника, так еще и потеряла! – рявкнула я, вскакивая с песка. Вообще не очень удачно вскочила – едва не рухнула обратно. Чертов алкоголь магического мира, в прямом смысле слов, сбивает с ног!

Волны оказались проворнее захмелевшей девушки, и бабулин подарочек смыло в море. Задрав юбку до колена, я попыталась колокольчик выловить. Волны пенились, баламутили воду. Пришлось

искать буквально на ощупь. Пару раз я набрала полные горсти песка и наконец нащупала хрупкую вещицу.

– Поймала! – победоносно выкрикнула я, разворачиваясь к Макс, и села в воду.

В лицо ударило волной, в открытый рот попала соленая вода. На чем свет стоит костеря неприветливый магический мир, пытающийся то заморозить гостей, то утопить в море, я попыталась встать, но плюхнулась обратно.

– Эй, вылезай! – наплевав, что закатанные штаны промокли, Макс стоял по щиколотку в воде и тянул руку. Подлец едва сдерживал смех!

Скрипнув зубами (в большей степени, конечно, от холода), я схватила чернокнижника за запястье и с силой дернула к себе. Он нырнул, точно рыбка, уйдя в море с головой и, кажется, немножко пробуравив носом песчаное дно. Отплевываясь, выскочил на поверхность. С волос и одежды стекало. Не удержавшись, я расхохоталась, и оказалась немедленно пригвождена мрачным взглядом.

– Я в домике! – заорала я, чуя скорую расправу, и чуть не захлебнулась от фонтана брызг. – Ты не чернокнижник, Макстен Керн, а труп чернокнижника! Кто нападает на девушку, когда она в домике?!

Я набросилась на противника. Бой длился недолго. Казалось, только море било и кувыркало, как вода вдруг отступила, а мы, словно две выброшенные на берег рыбины, остались на песке среди раковин и водорослей, не утянутых отливом.

Совершенно ошарашенная происходящим я осознала, что лежу на Макстене Керне, тесно прижатая, каждым изгибом ощущавшая крепкое мужское тело. Его взгляд был темным, странным. Дыхание сбилось. Ресницы слиплись, на лице дрожали капли воды, на скулах играли желваки. Он выглядел взбешенным, но даже дурочка догадалась бы, что в бедро ей упирается вовсе не твердая морская галька, припрятанная в кармане мужских штанов.

Я дернулась, чтобы подняться. Макс резко сжал мою талию, впиваясь пальцами в плоть. Подозреваю, что до синяков.

– Мне холодно, – хрипловато прошептала я, а потом выдохнула неожиданно даже для себя : – Нет, мне жарко.

Разворот был резким. Я оказалась втиснутой в мокрый ледяной песок, придавлена тяжелым весом. Сердце колотилось о ребра. Конечно, от холода, непременно от него. Никак не от возбуждения.

Рука мужчины переместилась на мое бедро. Он сгреб в кулак мокрое платье. И смотрел в глаза, неотрывно, пронзительно. Если бы не мешался натянутый подол, я бы бесстыдно обняла его за пояс ногами. На горле пульсировала жилка, и я едва сдерживалась, чтобы не извернуться и не прижаться к ней губами.

– Алина, - хриплым голосом вымолвил Макстен.

– Что?

– Счастливой дороги домой.

В лицо меня ещё никто и никогда не посылал.

Макс ловко поднялся и, не оглядываясь, вышел на сухой песок. Вставать пришлось самой. Я хотела бы попросить, чтобы он высушил одежду с помощью магии, но не решилась.

Когда в гробовом молчании мы вошли в двери Мельхома, то столкнулись с Эвертом. Бедняга вторую неделю корпел над каким-то мудреным заклинанием и выглядел, мягко говоря, ошалелым. Завидев нас, мокрых и злых, он с диковатым видом посторонился.

Не произнося ни слова, Макс начал подниматься по винтовой лестнице в кабинет. Шаги грохотали. Дорожка влажных следов, оставленная его обувью, испарялась дымком, словно с раскаленной поверхности.

– Что с вами случилось? - хлопая покрасневшими от чтения глазами, протянул Олень.

– Посмертный колокольчик утопили, – буркнула я, с мрачным видом направляясь к двери в холл.

– Не понял.

– И не надо.

На следующий день мы с Макстеном старательно избегали даже случайных и мимолетных столкновений. Учитывая, что ещё и не разговаривали, перемещаться по дому и чураться друг друга приходилось на слух. Он – в библиотеку, я – затаилась в холле. Он в подвал, я – спряталась в кухне. В отличие от чернокнижника, дел у меня не было никаких, даже шарфики довязала и вещи собрала.

Пока я засовывала подарки для семьи в корзинку, чувствовала себя злосчастной курортницей, которая за пять минут до отъезда в аэропорт принялась паковать вещи. Три бутылки алкоголя из «дьюти фри», два десятка бесплатных пакетиков с шампунем, сэкономленных за дни отпуска, и столько же магнитиков из местной сувенирной лавки,

купленных по цене авиатоплива.

В итоге маме досталась странная штукавина для управления гневом (скорее всего, в приступе ярости ей-то она меня и уколошит), папе и деду по бутылке ядерного шикера, младшему брату – бир, а бабушке – курица. Оставить боевую подругу куковать, в смысле, кудахтать во враждебном демоническом замке мне не позволила совесть. Но в квартире держать Дунечку невозможно, все равно придется сплавить на дачу. Подозреваю, что посмертному колокольчику бабуля обрадовалась бы больше, но тот покоился в море, а квочка, живая и относительно здоровая, просилась на подарок.

Выловить осмелевшую курицу оказалось непросто. Она носилась по двору, как летающая метла, возмущенно верещала и нарезала круги. Если бы не вингрет, точно осталась бы в магическом мире, но появление Карлсона, видимо, переключило в голове курицы какой-то тумблер, и она позволила запихнуть себя в плетеную клетку.

– Спасибо, дружок, - почесала я за ушком басовито мурлыкающего крылатого кота и поставила мисочку с вареным мясом. - Счастливо оставаться, Карлсон. Забрала бы и тебя, но в нашем мире крылатых кошек-демонов нет.

Я выпрямилась и вдруг заметила в сухой кроне дуба зеленые мазки. Распустилась одна тоненькая хрупкая веточка! Почки лопнули, выглянули крошечные листья. Однако едва я к ним прикоснулась, как начался буйный рост.

– Обалдеть, - пробормотала я и сорвала одно из раскрывшихся соцветий. Обычные дубовые листья, плотные и сочные, со светлыми прожилками, похожими на вены.

Когда я вошла в кухню, Эверт жадно пил воду из деревянного ковша. С самого утра он стоял у алхимической печи, и лицо покраснело от жара. При виде веточки он выплюнул целый фонтан воды.

– Что это? – указал трясущимся пальцем куда-то мне за спину.

– Что? - не поняла я и оглянулась через плечо, подозревая, что вингрет пробрался в кухню.

– У тебя в руках дубовые листья!

– А-а-а, – протянула я. – Дуб зацвел. Представляешь?

– Ты содрала ветку с дерева Кернов?!

– А нельзя было?

– Исчадие ада! Кто обрывает листья у кланового дерева? -

возмущался он.

– Ну, извини, я не знала, что оно особенное. Стоит себе засохший дуб, никого не трогает... – даже неловко стало.

– Именно никого не трогает! Он не засох, а заснул!

Пока мы цапались, в кухне появился Макс. За ним, словно на поводке, шагал Хинч.

– Учитель, она осквернила родовое дерево! – немедленно наябедничал Эверт. Детский сад, честное слово. Но под острым, пронизывающим взглядом чернокнижника я с трудом подавила идиотское желание спрятать соцветье за спину.

– Спасите нас, демоны! Пробудился... – охнул прислужник, из мертвецки бледного становясь синюшным. Если бы не знала, что одержимый демоном – бессмертен, то решила, что у него начался сердечный приступ.

– Извини, – в растерянности я перевела взгляд на Макстена, напряженного, словно сжатая пружина, и протянула ветку: – Забери, пока Хинч не решил меня съесть.

Хозяин дуба, замка и даже этой самой отодранной ветки невесело усмехнулся уголком рта и, не пророчив ни слова, даже не вышел – вырвался из кухни.

– Какое облегчение, госпожа, что сегодня вы возвращаетесь домой, – высказался Хинч. Вот уж не поспоришь! Если жильцы всполошились из-за одной обломанной веточки, что же будет когда узнают о прикормленном вингрете, потенциальном уничтожителе стеновых тканей и возможном отце семейства с кучей маленьких крылатых паршивцев?

Развернувшись на пятках, прислужник бросился следом за хозяином. Из глубины дома донеслись невнятные обрывки разговора.

– Может, в стаканчик поставить? – обернулась я к Эверту, покрутив ветку.

Неожиданно листья стали съеживаться и темнеть. В гробовой тишине мы с учеником наблюдали, как дубовый цвет рассыпается пеплом. Не осталось даже прутика. Я отряхнула руки, сбила серый прах с юбки и вздохнула:

– Или можно в стаканчик не ставить...

Перед моим уходом Мельхом казался очень тихим, печальным и настороженным. Он не сразу выпустил меня из спальни.

– Демон, да брось! Я опоздаю на единственный рейс! – разозлилась я, шибанув по косяку ногой.

Дверь раскрылась неожиданно, продемонстрировав в коридоре Макстена. Сложив руки на груди, он прислонился спиной к стене и, видимо, ждал, когда я сбегу из спальни. Отчаянно звеня бутылками, с корзиной и куриной клеткой в руках я вывалились из дверного проема.

– Пришел проводить?

– Я сам проведу ритуал.

Какое облегчение! Признаться, Олень, не умеющий с первого раза открыть магические двери Мельхома, давнó утратил любое доверие и я старательно отгоняла мысль, что он меня перебросит не в родной мир, а в какой-нибудь другой. Не знаю, может быть, мир апокалипсиса, где выжили только зомби-монстры.

– Спасибо.

Он кивнул. Некоторое время мы стояли в молчании.

– Я хочу тебя обнять, – вдруг вымолвил Макс.

– И что тебе мешает? – не поняла я. – Корзинки?

Хмыкнув, он сгреб меня в охапку вместе с корзинкой, клеткой и неумением понимать чернокнижников. бежждзж Прижал к крепкому горячему телу. От него пахло кисловатой алхимической магией и особенным мужским ароматом, заставлявшим внутренности завязываться узлами. Наверное, это ужасно глупо понимать, что влюбляешься в мужика, которого никогда в жизни больше не увидишь...

– Страшно? – произнес оң.

– Нет.

– Ты дрожишь.

– Точнее трясусь, – пробормотала я, потерянная в запахе его тела и густых, пряных чувствах.

– Пообещай мне, Алина.

– Все, что попросишь, – пробормотала хрипловатым голосом.

– Забудь о нас, – вдруг вымолвил он, – и никогда ни при каких обстоятельствах не вспоминай.

– Эм? – удивленно отстранилась я.

Сказать, что меня задело – не сказать нечего. Разбить бы о его голову бутылку шикера, да папе не хватит.

– Забыть... ну... кхм... без проблем, босс. Приложу максимум

усилий, – стараясь подавить приступ злости, отсалютовала я рукой. – Сейчас вернусь домой и немедленно примусь забывать. Господи, да между йогой, работой и свиданиями мне даже вспоминать-то о вашем мире будет некогда!

Он забрал у меня поклажу. В натужном молчании мы спустились в холл, где у подножья нас ждали Хинч и Эверт.

– Доброго пути, госпожа, – кивнул «добрый» прислужник. – Как хорошо, что вы нас покидаете.

– Вы уже днем об этом сказали, – фыркнула я и вытащила из корзины шарф в черно-желтую полоску. – Это вам.

– Благодарю, – кивнул Хинч. Когда вязаная лента развернулась во всю длину, спустившись до пола и упав складками на начищенные туфли, то прислужника перекосило.

– Исчадие ада, ты же не подаришь мне шарф? – насторожился Эверт.

– Ошибаешься, Олень, – сладко улыбнулась я и вручила полосатое безобразие. – У тебя длиннее.

– Что мне делать с этим уродством? – возмутился ученик, пытаюсь вручить мне обратно кривоватый шарф.

– Удавиться на нем, когда прилетит третье предупреждение! Не смей доставаться Хинчу живьем, пусть гложет труп! – рявкнула я и зыркнула на Макстена : – Тебе ничего не сделала.

Вранье, конечно. Просто не стала вытаскивать из корзинки. Хочет, чтобы я все немедленно забыла? Тогда пускай его шарфик носит мой дедушка.

– Учитель, я отдам вам свой! – с радостью пообещал Олень.

– И я, – изобразил жутковатую улыбку прислужник.

– Неблагодарные. – Я даже не оскорбилась. Шарфы действительно у меня выходили ничуть не лучше, чем в детстве. Даже хуже – раньше я не упускала петель.

На улице было темно, хоть глаз выколи. Луна превратилась в черный диск, обрамленный желтой кромкой. Ритуал решили проводить на мощеной площади перед парадным входом. Сейчас он походил на крыльцо с мраморными ступенями и с единственной колонной, гладким столбом подпиравшей в двускатную крышу. Выглядело уродливо, но больше колон Мельхом наращивать не захотел.

Наконец, пентаграмма была начертана, свечи зажжены, свинья

кровь (из миски) окропила камни и Макс начал читать заклинание. Я ждала за пределами звезды и страшно волновалась. По двору носился ледяной ветер, лохматил пыль и трепал одежды. Невидимая стена между мирами истончилась от сильной магии, и из зимнего, погруженного в вечную мерзлоту мира, граничившего с Мельхомом, ворвался снежный вихрь.

Оставляя в воздухе огненный след, чернокнижник взмахнул кинжалом, и с неба в землю ударил яркий луч. Казалось, что невидимый осветитель, сидевший на театральной рампе, повернул огромный софит, и посреди площади прочертился желтый круг. Ветер немедленно утих. Наступила настороженная тишина. В столпе света кружили и мерцали крошечные огоньки, похожие на мыльные пузыри. На площадь медленно опускались крупные хлопья снега. Снегопад в середине лета...

Это магический мир, Алина! И пришло время из него драпать.

Входить в портал с корзиной и курицей было ужасно неловко, даже глупо. Багаж отчаянно звенел, кудахтал и портил величественность момента. Едва переступив через границу между светом и тьмой, я утонула в гулком вакууме, куда не проникали звуки извне. Фигуры мужчин словно спрятались за светящейся пеленой – ни черта не видно.

– Прощайте, – вымолвила я, хотя понимала, что они вряд ли услышат.

Как мне хотелось в последний раз увидеть Макстена Керна. Вдруг в лице чернокнижника мелькнет сожаление, что я ухожу? Но увидеть его была не судьба. Перед глазами взорвалась ослепительная вспышка, а под ногами точно разверзлась земля.

Я возвращалась домой, в мир мобильных телефонов, телевидения и пустой квартиры.

В северных горах день и ночь сменялись раз в полгода, но злобный снежный буран все равно закрыл белый свет. Яростный ветер раскручивал ледяные вихри, швырял в лицо горсти мелких ледяшек. Дышать получалось через раз, но окоченевший Ирен Орсо шаг за шагом, проваливаясь по колено в снег, опираясь на посох, как на плебейскую палку, продвигался к дверям засыпанного по самые окна дома.

Три дня назад маг вернулся из леса, заряженный положительной энергией Белой звезды, легкий телом, воздушный – душой, со щемящим чувством любви ко всему сущему, даже к неблагодарным горожанам... и вместо собственного жилища обнаружил лысый клочок земли. Даже глазам своим в первую минуту не поверил. Он немедленно узнал выжженные на дорожных камнях пентаграммы чернокнижников. Его дом спер проклятый Макстен Керн!

Понадобился трехдневный голодный пост, ледяное купание и самый сложный ритуал, пока Ирен почувствовал, что дом спрятан на Потерянной горе, куда кроме горных орлов, крылатых демонов да него самого, Ирена Орсо, больше никто не забирался. Издеваясь, чернокнижник перенос дом на самый край каменного козырька, опасно нависавшего над обрывом. Особнячок, из последних сил державшийся под натиском яростной стихии, смотрел окнами в бездонную пропасть и собирался нырнуть вниз.

Ирен добрался до занесенного крыльца. Петли на двери заледенели, пришлось приналечь и втискиваться в кухню через узкую щель – чуть не застрял. Когда маг все-таки сумел проникнуть внутрь, то с удивлением обнаружил приветливо горящий очаг с прокопченным кипящим чайником на крючке и полосатыми гетрами на металлическом штыре.

– Реззо, ты жив? - недоуменно огляделся Ирен и обтер мокрое от снега лицо ладонью.

– Хозяин!! – заорал страшным голосом прислужник, заставив мага вздрогнуть.

Реззо выронил из рук какие-то палки и скатился с лестницы напрямик в объятия хозяина.

– Я знал, что вы меня не бросите на произвол судьбы! – рыдал слуга, размазывая сопли по тающей одежде Ирена. - Верил, что придете за верным прислужником!

– Тихо, мой друг, - отеческим голосом пробормотал несколько ошарашенный колдун и погладил мужчину по слипшимся соевым волосам. Взгляд невольно возвращался к деревяшкам, съехавшим по ступенькам к подножью лестницы.

– Реззо, а разве это не ножки от стула, подаренного учителем Дигором на новоселье? - не удержался он.

– А? – немедленно отстранился слуга, испуганно шмыгнул носом,

а потом заголосил, как вдовица над умершим мужем : – В горах холодно, темно и страшно! Я думал, что не дождусь хозяина, замерзну до смерти! Поленьев и угля хватило всего на первые сутки, пришлось жечь бумагу, потом разбирать мебель!

– Постой, постой, – нешуточно заволновался Ирен. – Говоря «бумагу», ты же не имеешь в виду мои книги по магическим искусствам?

– Я чуть не замерз до смерти, – напомнил Реззо. – На кону стояла моя жизнь.

– Ты, неблагодарная зажавшаяся скотина, не белый прислужник, а приспешник зла. Три дня потерпеть не мог? – прямо спросил маг. – Демона на тебя нет!

Слуга понял, что пахло жареным, и открыл рот, чтобы снова удариться во вдовый плач, но жареным пахло в прямом смысле этих слов – над очагом вместе с чайником задорно задымились полосатые гетры Ирена, связанные его любимой мамочкой и присланные на случай сильных морозов, какие обычно шарахали зимой в восточных долинах.

– Ой! – выразительно моргнул Реззо и бросился спасать произведение рукодельного искусства. Он ловко сдернул гетры и припрятал их за спину.

– Хозяин, может, вам чайку налить? – предложил он. – У меня еще хлебешек остался поза-позавчерашний.

Маг покосился на окошко, залепленное снегом. Буран не утихал, бился в дверь и злобным зверем выл в трубе. Прежде чем переносить дом, следовало успокоить разбушевавшуюся стихию, но даже силы Ирена не хватило бы на два больших ритуала.

– Давай чай, – вздохнул он, смирившись с тем, что придется ждать просветления погоды. Не будет же яростный ветер кошмарить до конца полугодового светового дня. Или будет?

Чая в доме не нашлось, даже того отвратительного, вкусом похожего на солому, который заваривался полупрозрачной жидечкой, невыносимо вязавшей язык. Пришлось хлебать пустой кипяток и заедать пресным сухарем, крошившимся на зубах. Ждали целых четыре часа. Ходики в доме остановились после перемещения, но Ирен, как и все маги, ощущал время особенным внутренним чутьем, мог просчитать до секунды. Наконец, за пределами дома стихло.

– Можно начинать, – поднялся Ирен с колченогой табуретки.

Подобострастно заглядывая в глаза хозяину, Реззо протянул посох и объявил:

– Белый гриумар очень неохотно горел. Знаю, что не следовало его трогать, но огонь тух, а я пребывал в страшном отчаянье.

– Реззо, – с угрозой вымолвил маг, взвешивая в руке посох.

– Да, хозяин?

– Лучше прикуси язык.

Вандал немедленно примолк и постарался слиться со стеной. Гримуар было жалко до слез. Ирен четыре года копил на собственную колдовскую книгу, но обиднее всего, что теперь придется писать учителю и просить прислать книгу из школьной библиотеки. Позор какой! Хуже только посох потерять.

Маг принялся ходить по кухне, обивая углы посохом и читая заклятье. Дом, утопленный в снегу, начал дрожать, словно пытался вырваться из льдистых оков. Помня о том, что петли заледенели, Ирен с силой, резко дернул входную дверь, чтобы впустить силу воздушной стихии внутрь и заставить особнячок парить, но с изумлением вместо проема обнаружил глухую снежную стену.

Это была катастрофа!

Он опустил посох, стараясь остановить магический поток, но было поздно – молния вырвалась из колдовского артефакта и пробирала в снегу траншею длиной на полсотни лей. Обжигающая волна оплавилась края. По ледяному желобу, неизбежно и необратимо, вместе с вызванным ветром в дом хлынул поток талой воды. Ирена сбило с ног волной. Захлебнувшись ругательствами, он повалился на пол и принялся отползать.

– Хозяин! – орал Реззо, очень предусмотрительно вскарабкавшийся на лестницу. – Давайте посох, я вас вытяну!

На этом оптимистичном предложении дом задрожал и переместился обратно в спящий Ансель. Когда он утвердился на прежнем месте, повернувшись к людям задом, а к одичалому саду – крыльцом. Вода хлынула по ночной улице, едва-едва подсохшей после многодневных ливней.

Совершенно точно Макстен Керн переместил дом в горы гораздо аккуратнее, по словам Реззо ни одной ложки на пол не упало. По возвращении обратно – уютное жилище превратилось в руины. Первый этаж затопило. По воде плыла кухонная утварь, страницы окончательно

уничтоженных книг, домашние туфли Ирена и его колдовской посох, каким-то чудом не затерявшийся между северными горами и восточной долиной.

Отношения с водной стихией у белого мага явно не задались.

– Ничего хозяин, - осторожно попытался подбодрить Реззо, – дело-то житейское. Вы и не такие потопа иссушали.

Поджав острые коленки, Ирен смотрел на разруху со ступенек лестницы и старался подавить удушающую злость. Белый чародей, несущий добро и сеявший справедливость, просто не имел права испытывать черной ненависти, но испытывал! Лучший ученик Дигора задыхался от желания прикончить Макстена Керна и его гластастую ведьму.

Совершенно точно без этой демонической парочки магический мир станет лучше, светлее и чище. Он не успокоится, пока скверна не исчезнет с лица земли. Да будет так!

Магическое сияние погасло, словно кто-то щелкнул рубильником. Я оказалась в крошечной темноте, дезориентировано повертела головой, пытаюсь разглядеть, куда попала. Вдруг на стене вспыхнули ночники, и комната озарилась неярким светом...

Что ж, я вернулась.

Из замкового двора обратно в замок. Путь «домой» оказался как никогда короток, а главное, удивительно быстр. Честное слово, собиралась дольше.

Спальня была обставлена скудно: громоздкая кровать со столбиками, прижатый к стене секретер, пустая деревянная вешалка в углу, кресло напротив камина с прогорелой кованой решеткой. Похоже, «дом» оказался в комнате Макстена Керна – в единственном помещении в Мельхоме, куда я не решалась заглянуть даже из любопытства.

Оцепенелая я не могла пошевелиться. На меня лавиной наваливалось страшное понимание, что это был не отпуск, не временная передышка от житейских забот и серого быта, не случайные захватывающие приключения – в общем, не фэнтезийное кино. Все взаправду. В опасном чужом мире я вовсе не временная гостья – это моя реальная жизнь.

И я понятия не имела, что с ней делать.

Родители решат, что дочь пропала без вести, поиски рано или

поздно прекратят, но только надеяться не перестанут. Надежда вообще чувство совершенно алогичное, вечно возникает на пустом месте.

В тишине щелкнул замок, отворилась дверь. Все ещё нагруженная багажом я повернулась и в растерянности уставилась на Макса, стоящего на пороге.

– Я не понимаю, - сдавленным истонченным голосом выдавила я.
– Клянусь, не понимаю!

Без слов он пересек комнату, забрал корзину и клетку, поставил их на пол, а потом привлек меня к груди, мягко и очень осторожно. Я кусала губу, чтобы не разрыдаться.

– Не бойся, - прошептал он, гладя меня по волосам. – Все будет хорошо.

– Нет, – выдохнула я, позволяя успокаивать себя, как маленького ребенка.

– Когда-нибудь обязательно будет, - отозвался он. - Видимо, от судьбы не убежишь, даже если попытаешься.

– Думаешь, моя судьба – застрять в чужом мире?

– Не твоя.

– Макс, клянусь, если ты не перестанешь изъясняться загадками, то я... – придумать, что хрупкая девушка может причинить чернокнижнику не вышло, но ярость требовала выхода. – Отпусти!

Он послушно разжал руки, позволяя отойти. Подбоченившись, я прошлась по комнате от стены к стене, словно маятник. Места было много, Мельхом точно специально расширил пространство на тот случай, если я, как закрытая в клетке тигрица, примусь метаться и вытаптывать наборный паркет.

– Я подозревал, что дверь в твой мир не откроется, – следя за мной, вымолвил маг. - Не когда проснулось родовое дерево.

– Когда он снова заснет?

– Хотел бы я знать.

Некоторое время я переваривала услышанное.

– То есть... – голос сел, пришлось откашляться. - То есть, Макстен Керн, чернокнижник в хрен знает каком поколении, ты предполагал, что у меня ни черта не получится свалить из твоего мира, но потребовал, чтобы я не возвращалась, и с наглой рожей послал в направлении горизонта? Я ни в чем не ошиблась?

На последних словах я завопила, как клейменная банши, позорно,

несдержанно и очень обиженно.

– Никто не собирался тебя выставлять из замка. В любом случае ты переместилась бы или в Мельхом, или к себе домой.

– Почему ты меня не предупредил?! – вскричала я. – Макс, да я даже курицу в клетку упаковала! Она теперь от стресса облезет! Проклятье, да я сама от такого стресса облезу!

– Ты имеешь полное право устроить скандал.

Он будто напомнил самому себе, почему позволял женщине перед собой орать и не остановил истерику каким-нибудь полезным заклатьем, например, немоты, слепоты или даже паралича.

– Кранты тебе, мужик! – рывкнула я и поступила, как любая женщина, у которой от злости отключился мозг, – решительно набросилась на мужика, почти на голову выше и в два раза тяжелее, чтобы победоносно расцарапать подлещу физиономию.

Боевых отметин поставить не дали, ловко перехватив протянутые руки. Некоторое время я сопротивлялась, пыталась пнуть его по голени, от злости даже зарычала.

– Не шевелись!

– Сам не шевелись! – огрызнулась я.

Он резко притиснул меня к себе, и я замерла, ощутив, как в живот уперлось отвердевшее мужское достоинство, недвусмысленно намекавшее на возбуждение. Когда Макс начал медленно опускать голову, то я приподнялась на цыпочки и приоткрыла губы для поцелуя...

– Она вернулась! – раздался из дверей голос Хинча.

Мы вздрогнули и отпрянули друг от друга, словно застуканные родителями подростки.

– Какое несчастье! – добавил прислужник, закатил глаза и свалился в обмороке, с грохотом приземлившись на паркет.

– Мне надо привести его в чувство, – с сожалением вздохнул чернокнижник, размыкая объятия.

– Угу, – согласилась я. Умеют же ребята испоганить волнительный момент.

До рассвета я не спала, в голову лезли мысли о родном доме, и от них хотелось выть на черную луну. Не желая впасть в депрессию (как ее лечить-то, если мотивирующая книга осталась в шкафу старой квартиры), я составила мысленный план, что собиралась сделать с новой жизнью в мире, о котором почти ничего не знала, и одним махом

вырубилась, словно заяц из рекламы литиевых батареек.

Первый, кого я встретила в коридоре, когда с полотенцем на плече вышла из спальни, оказался Олень с мокрыми после мытья волосами и в коротенькой набедренной повязке.

– Доброе утро, - машинально поприветствовал он и вдруг завопил, словно жертва насилия, прикрывая голую грудь руками.

– Ты чего орешь? - вздрогнула я. - Всех перебудешь.

– Что ты тут делаешь, Исчадие ада?! – не уменьшая децибелов, спросил он.

– Умыться хочу, – потрясла я полотенцем.

– Но почему в нашем замке?!

– Ванная тут удобная. Горячую воду дали, а у нас там как раз плановое отключение.

Вечером я с Оленем не столкнулась. Камни на площади перед замком не успели остыть после лунного портала, а он уже начистил рога и смотался в какой-то из многочисленных городов, куда Мельхом открывал двери. Бедняга чрезвычайно торопился отпраздновать мое отбытие и не узнал, что следовало устраивать поминки, ведь я по-прежнему занимала соседнюю комнату.

Вдруг дверь в его спальню тихо скрипнула, и в коридор с глазами совы, утром сверзившейся с дерева, высунулась взлохмаченная рыжеволосая девица. Лицо Эверта немедленно вспыхнуло, как сигнальный фонарь.

– Котик, это ты кричал? - шепотом произнесла она.

– Он не котик, а дикий олень, - тихонечко отозвалась я и, издевательски хихикая, пошла в ванную комнату.

– Учитель не против! – прикрикнул Эверт, намекая, что и прежде приводил женщин.

– Он просто смирился, что его ученик – олень, – с ехидной ухмылочкой оглянулась я через плечо.

– Исчадие ада! – прорычал сосед и захлопнул дверь спальни.

Завтрак действительно походил на поминки. Посреди стола стояла огромная миска с жесткими, как подошва, оладьями, приготовленная Хинча, остатки острого соуса, чудом не стухшего в кладовой, и непочатая бутылка шикера. Одна из тех, что так и не добралась до моего мира.

– Хозяин, я решил, что после вчерашнего потрясения, – Хинч

выразительно покосился на меня, - вы захотите немного расслабиться.

Макстен пригвоздил прислужника мрачным взглядом, заставив послушно отступить к очагу. Следующим под раздачу попал Эверт. Мучимый похмельем и активной бессонной ночью, он потянулся за бутылкой.

– Прекрати таскать в Мельхом девок, – не глядя на ученика, высказался чернокнижник, и Олень моментально схватился за вилку, забыв про выпивку.

– Слушаюсь, учитель, - выдавил он, старательно избегая смотреть в мою сторону.

– Да брось, Макс, - решила развеять я обстановку. – Не надо из-за меня менять привычки. Я все равно скоро уйду из замка.

После заявления тишина в кухне стала непросто напряженной, а звенящей.

– Что? – выгнув бровь, вкрадчиво уточнил он.

– Я не могу здесь жить вечно.

– Верно, – не скрывая радости в голосе, поддакнул Хинч.

– Вы двое, выйдите! – резким голосом приказал Макстен. Беспрекословно подчинившись, прислужник с учеником покинули кухню и прикрыли дверь, оставив маленькую щелку.

Рассматривая меня, как очень трудного подростка, сморозившего глупость, чернокнижник откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, демонстрируя, что мне стоит говорить умные вещи, а не бесить раздраженного мужчину особенно с утра пораньше. Судя по всему, у нас имелось разное представление о том, как мне жить поживать и добра наживать в магическом мире.

– Всю ночь думала, – дернула я плечом. - Конечно, магический мир мне почти незнаком...

– Но это не повод оставаться в замке, - донесся из-за двери услужливый шепот черного прислужника.

– Проклятье, Хинч! Все уже догадались, что вы жаждете дать мне под зад коленом, но можете хотя бы подслушивать без комментариев? – раздраженно возвысила я голос.

Макс резко щелкнул пальцами (у него вообще этим утром все выходило резко: и голос, и щелчки, и взгляды такие острые, будто опасная бритва). Дверь выразительно прихлопнулась. Надеюсь, кому-нибудь из парочки прищемило нос.

– Раз в Анселе меня хорошо запомнили, а у ледяного моря я сама жить не хочу, то перееду куда-нибудь подальше, главное, чтобы тепло было. Ненавижу холодные зимы. В магическом мире есть теплые края?

– Есть.

– Покажешь?

– Вставай. - Макстен поднялся, проскрежетав ножками стула по каменным плиткам.

– Что, прямо сейчас? - изумленно воскликнула я, не готовая к подобной прыти. – Позавтракать-то можно?

– Там и поедим.

Не знаю почему, но я словно наяву услышала «если повезет».

Когда чернокнижник рванул на себя дверь кухни, то шпионы отпрянули и выстроились по стенке, как на расстреле. Я трусила следом за Макстеном через комнаты, точно маленькая собачка на поводке.

– Вы куда? – жалобно уточнил Эверт.

– На экскурсию, – оглянулась я.

– Не смей за нами идти! – рявкнул чернокнижник, и парочка, собравшаяся было помахать нам на дорожку платочками, снова прилипла к стенной ткани, пытаясь слиться с обстановкой.

По шкале ярости Макстен Керн находился где-то между моим полетом на метле и скандалом за оживленный на родовом кладбище скелет. Возле магической двери он оглянулся и недобро переспросил:

– Значит, теплые края?

– Почему ты злишься? - невпопад уточнила я.

Не удостоив меня ответом, он дернул и широко раскрыл магическую дверь, продемонстрировав кусочек пустынной улочки с домом из белого кирпича.

– Асох. Пустыня, дикари, круглый год жара.

Дверь с грохотом закрылась, и я ничего больше не увидела. Снова раскрылась, выказывая плотную стену тропического дождя. Порог моментально намок, а в лицо пахнуло влажной душной дымкой.

– Эсан. Три месяца в году сезон муссонов, - сухо прокомментировал Макс.

Дверь открывалась и захлопывалась. Удивительно, как петли выдерживали, а Мельхом не возмущался и послушно перемещал проход в разные уголки магического мира. Сыпались названия городов и мест. Скрестив руки на груди, я смотрела на бесившегося чернокнижника.

– Вестерские ворота, - объявил он точно электронный диктор в трамвае – очередную остановку. За дверью была людная площадь, куда однажды по ошибке едва не выскочил Олень. Погода стояла отличная, солнечная и сухая.

– Назад! – резко приказала я, когда Макстен снова шибанул дверью,

– М-м-м? - исключительно «вежливо» уточнил он.

– Вестерские ворота.

– Я промахнулся, когда открывал.

– И что?

– Зимой у них бывает снег, – последовало предупреждение.

– Да наплевать! Просто есть хочу, - буркнула я.

С раздраженным цыканьем Макстен выпустил меня на площадь. С трудом сдерживаясь от «ласковых» комментариев, я перешагнула через порог и отошла от Мельхома. Со стороны Вестерских ворот демонический замок выглядел казенным двухэтажным зданием с низким крыльцом и жестяным козырьком. Окна спрятаны за пыльными облезлыми ставнями.

Оглянулась. Опершись руками о косяк, с мрачным видом Макс следил за мной, но идти в город не торопился. Вернувшись, я протянула раскрытую ладонь:

– Денег дай.

Он выдержал паузу, а потом с недовольным видом вышел. Дверь в Мельхом осторожно прихлопнулась. Готова поспорить, демон вздохнул с облегчением и заперся на щеколду, чтобы подремать, пока мы будем убивать друг друга на площади Вестерских ворот.

– Недалеко есть приличная таверна, – объявил Макстен, с угрюмым видом направляясь в противоположный угол площади. – Хозяин мой хороший знакомый.

– Это вселяет надежду, что нас не прикончат, – с иронией заметила я и, не боясь показаться чудачкой, с любопытством разглядывала здания, людей. Судя по всему, мы попали в большой город.

– В больших городах почти круглый год грязь, - словно прочитал мои мысли чернокнижник. - Готовься ходить в сапогах.

– Зато и работы, наверное, много, – заметила я.

На секунду он остановился, глянул на меня, как на дурочку:

– Ты собираешься работать?

– А ты можешь наколдовать денежный дождь? – съязвила я. – Только, пожалуйста, из купюр, иначе монетами меня прибьет. Или бумажные деньги не входу?

– По-твоему деньги из воздуха появляются? Или предлагаешь ограбить королевскую казну? И потом... – он огляделся, – в большом городе небезопасно.

– Но так и я не из деревни к вам в замок залетела.

Неожиданно он дернул меня за руку. Я ойкнула, уткнулась носом ему в грудь, как утка, даже тихонечко крякнула. Рядом пронеслась карета, запряженная парой гнедых кобыл (может, не кобыл, а коней, и вовсе не гнедых – в лошадях я ровно счетом ничего не понимала).

– А как будто из деревни, – покачал головой чернокнижник, выпуская меня.

– Ну, извини! – в спину ему развела я руками. – У нас, знаешь ли, кареты по улицам не шарахаются, а машины, если что, посигналить могут!

Проходившие мимо женщины в чепцах и с корзинками в руках испуганно посторонилась.

– Машины – это не проклятье, – буркнула я в их сторону. – А такие экипажи.

– Простите, мою супругу, благородные дамы, – натянуто улыбнулся Макс, подхватывая меня под локоть. – Она немножко не от мира сего.

– Святые угодники, пресвятая мать, это чернокнижник? – зашептались «благородные дамы», забыв о манерах. – Поплюй им в спину, чтобы не сглазили... Давай лучше фасоль кинем. Говорят, фасоль помогает...

Мы нырнули в проулок. Подобрав юбки, я старалась не отставать от Макса.

– Хорошо, каков план? – вдруг вымолвил чернокнижник. – Чем ты надумала заниматься, когда уйдешь из замка.

– Я получила диплом по туристическому бизнесу, – начала я излагать (ладно, знаю, что странно хвататься высшим образованием перед человеком, который не может оценить степень пафоса). – В общем, нас учили, как правильно водить людей по разным красивым местам и рассказывать об их истории. У меня очень хорошая память, я

отлично запоминаю исторические факты. И экскурсии умею проводить.

– Ты говоришь о работе проводником? – с непроницаемым видом уточнил он.

– Не то чтобы проводником... – несколько замялась я, решив, что упоминать о том, как терялась в Китае, несколько несвоевременно. Совершенно точно, человек, страдающий столь чудовищным топографическим кретинизмом, даже не сможет врагов на болото завести, по дороге потеряется.

– Проводниками у нас служат только мужчины, умеющие читать карты, - с подозрительным терпением начал ликбез Макстен. - Женщин, конечно, тоже берут в дорогу. На тот случай, если не попадется заезжего дома со шлюхами.

Я поперхнулась на вдохе. Честно сказать, прошлой ночью у меня даже мысли не возникло, что в мире, далеком от привычных реалий, вряд ли продавали пакетные туры или ходили с экскурсиями по полуразрушенным крепостям с богатой историей.

– Я неплохо знакома с гостиничным делом. Вполне могу управлять постоялым двором.

– Примут за хозяйку публичного дома.

– Если ты займешь денег, открою собственную таверну.

– Решат, что ты шлюха из публичного дома.

– Господи! Ну, пойду продавать какие-нибудь товары.

– Незамужних девушек нанимают только на рынки, а потом превращают в шлюх. Если повезет, то попадешь в публичный дом, а не в переулочек, - прокомментировал он.

Это с Максом что-то не так, или с магическим миром?!

– Я знаю грамоту, – начала я злиться, – буду фермерских детишек учить считать и читать. Вряд ли учительницу можно принять за шлюху из публичного дома. Как думаешь?

– Тут ты права, - кивнул он, – приличная работа, но наставникам за нее не платят, а в семью тебя не возьмут.

– Почему же? - процедила я сквозь зубы.

– Ты не дурнушка.

Да он издевается!

– Тогда выйду замуж и нарожаю наследников! – огрызнулась я.

– Кому?

– Кому-нибудь!

– Ты жила в замке с тремя мужчинами, даже фермеры не женятся на развратницах, - с индифферентным видом заметил он.

– Откуда фермер узнает, где я раньше жила? – взвилась я, как будто серьезно рассматривала возможность выскочить замуж за крестьянина, родить семерых отпрысков и копать по осени картошку.

– Ты помечена печатью чернокнижника, - напомнил он. У меня закончились и аргументы, и терпение. Макс, разбивавший планы в пух и прах, бесил неимоверно.

Я резко остановилась, вынуждая чернокнижника притормозить. Он изогнул брови, мол, почему ты чуточку раздражена? Потому что не чуточку и вовсе не раздражена, а в ярости!

– Тогда что ты предлагаешь?

– Оставайся в Мельхоме, – спокойно предложил он.

– Разве не ты хотел меня выставить? - обвинительно ткнула я пальцем ему в грудь.

– Я попросил забыть о нас, когда ты вернешься домой, - поправил Макс.

– Это не одно и то же?

– Не понимаю, зачем вспоминать о людях, которых ты никогда в жизни не увидишь? - с раздражающим спокойствием спросил он, поставив меня в тупик. – Ты не похожа на женщину, страдающую любовью к меланхолии.

И ведь не поспоришь.

– Хорошо, если я останусь в Мельхоме, то в качестве кого? Прислуги?

– У меня есть Хинч, – заметил он.

– Ученицы?

– В тебе нет ни капли силы. Я бы почувствовал.

– Тогда кем я буду?

– Тебе решать, – усмехнулся он.

А в следующий момент лицо превратилось в непроницаемую маску, глаза почернели, и он с силой отпихнул меня в сторону.

Я потеряла равновесие и, взвизгнув, приземлилась на камни. От неудачного падения разбила в кровь локти. Только хотела обругать чернокнижника, на чем магический свет стоит, как над головой, заставив оцепенеть, мелькнула ослепительная шаровая молния. Инстинктивно я прикрыла голову руками. В голове мелькнула

паническая мысль, что сейчас меня превратят в живой факел, но светоч влетел в невидимый прозрачный купол, окруживший меня, и рассыпался искрами. Щит лопнул. Разом нахлынули вопли, ругательства и резкий холодный аромат магии, напоминавший запах озона.

– Ты в порядке? Ударилась? – Макс присел рядом. Никогда не видела, чтобы смуглый человек так бледнел.

– Все в порядке, - уверила я.

– Поднимайся, надо возвращаться в Мельхом.

– Какого черта на нас напали среди бела дня?

– Я понятия не имею, – неожиданно признался чернокнижник, помогая мне встать. Стоило очутиться на ногах, как стало ясно, что правому колену тоже прилично досталось.

Мигом обезлюдивший переулочек оказался перекрыт с обеих сторон белыми магами. Конечно, на лбах у них написано не было, что товарищи несли добро и справедливость в центр Вестерских ворот, но посохи намекали.

– Опять гадкие Деда Морозы! – процедила я.

– Держись за моей спиной, - пробормотал Макс, вытаскивая из кожаного чехла на поясе ведьмовской кинжал. - Поняла меня? Ни шагу в сторону.

– Ладно.

– Никаких абракадабр.

– Да ясно! Ясно!

Честное слово, всегда считала, что если бы попала в киношный боевик, то превратилась бы в строчку из титров еще на первых минутах. Просто прикрыла бы голову руками, завизжала и умерла от страха раньше, чем мне успели причинить реальный вред. На деле оказалось иначе. Несправедливая агрессия вызывала волну ярости : идешь по переулочку, никого не трогаешь, за жизнь с любимым (боже мой, я сказала «любимый»?!) чернокнижником ругаешься, но – бабах – на дороге возникает борец за справедливость и сеятель благодати, а потом начинает нападать. Да с такими добрыми волшебниками, можно злодеев не искать!

Не сводя взгляда с противников, Макс медленно теснил меня к стене и что-то беспрерывно шептал. Похоже, плел заклятье.

– Именем короля, Макстен Керн, ты приговорен за нападение на

белых магов! – выкрикнул безбородый мальчишка и швырнул в нашу сторону молнию.

– Идиоты, – обреченно выдохнул он. – Еще и короля помянули.

Только я решила поддакнуть, как в лицо ударило облако черного дыма. Рот все еще был раззявлен, когда дым резко развеялся, а я оказалась на площади, всего в нескольких шагах от дверей в Мельхом. Хотела вломиться в замок и позвать на помощь Эверта, но вдруг в спину мне уткнулась палка.

– Стоять, ведьма! – прозвучал женский голос. – И подними руки.

Совершенно точно посох не был похож на автомат – одним нажатием на спусковой крючок не обойдешься. Надо и шаманский танец станцевать, и слово волшебное сказать. Чувствуя, что готова выцарапать глаза первой белой колдунье, которая попробует меня взбесить, я резко развернулась. Девушка охнула, отпрянула, махнув посохом, но тут же ткнула им мне в живот. Она оказалась долговязой и нескладной, подросток лет семнадцати.

– Вы в своем уме нападать на раздраженного чернокнижника посреди людной улицы? – дрожа от злости, уставила я в прозрачно-голубые глаза мага. – Думаешь, там кто-нибудь выживет?

– Мы защитим от него людей! – севшим голосом выплюнула она.

– Лучше от себя людей защитите!

Неожиданно с диким воплем, расставив руки, точно крылья, над крышей здания в нашу сторону пролетел один из защитников мирных горожан. Хорошо, хотя бы посох выронил раньше, чем превратился в горного орла.

– Мама, смотри! Летающий дядя! – прикрикнул какой-то малыш восторженным звонким голосом.

Белый колдун рухнул посреди площади, подняв облако пыли, и отключился. Было у меня подозрение, что у бедняги не осталось ни одной целой косточки. Глядя на то, как вокруг парня собирается испуганный народ, я согласилась с Максом:

– Идиоты мало что маги.

– Я борец за добро и справедливость! – огрызнулась девушка.

– Сейлор Мун! – не удержалась я, вдруг вспомнив глазастую школьницу из старого японского мультика.

Подозреваю, колдунья решила, будто в нее полетело мудреное заклятье «сейлор мун», и попыталась уклониться от несуществующего

магического удара. Как-то странно замахала посохом, затанцевала ногами. Я решила, что она мне демонстрирует колдовское кун-фу, но магичка рухнула попой на камни и со стоном выгнулась дугой. Видать, хорошенько приложила копчиком.

– Никогда не нападайте на чернокнижников, когда они просто идут и никого не трогают, потому что они могут остановиться и очень больно тронуть вас! – нравоучительно высказалась я, поднимая откатившийся посох.

– Отдай артефакт! – взвизгнула противница.

– Чтобы ты мне чего-нибудь намагичила во имя луны, белой звезды и... во имя чего ещё вы хорошим людям жизнь портите?

Вдруг она оцепенела на секунду и начала отползать, не сводя взгляда с кого-то за моей спиной.

– Опять трофеи собираешь? – хмыкнул Макс.

– Молодежь приличной жизни учу.

Я оглянулась к нему и обомлела. Рубашка была разодрана и перепачкана кровью. Лицо не задела, в кое веки осталось целым, без синяков, но рубашка была разодрана и перепачкана кровью. В прорехе виднелся длинный тонкий порез.

– Тебя ранили!

– Просто поцарапали. Заходи в дом.

– Вам это с рук не сойдет! – заорала девчонка нам вслед. – Жди, Макстен Керн, мы скоро придем!

– Да помолчи ты, убогая, пока посохом не ударили, – перебила я. Ударить хотелось. Глядишь, поумнеет и покинет ряды маньяков, нападающих на приличных чернокнижников.

Дверь надежно закрылась. Повернулась ручка, щелкнул замок. Мы остались в ошарашенном безмолвии Мельхома. Казалось, что в голове играл оркестр: били барабаны, гундосили трубы, пиликали на все лады скрипки.

– Что за мир такой? Ни разу спокойно поесть, блин, не дали! – высказалась я и в сердцах отшвырнула посох. – Зачем я вообще эту палку забрала? У меня уже есть одна!

– Они просто щенки, – философски вставил «пять копеек» Макс.

– Хуже демонов! Да Хинч не так пугает, как эти доморощенные сеятели добра! – завелась я.

– По-молодости я и не такое вытворял.

– Но тебя ранили. - Я для чего-то ткнула пальцем прямо в порез,и Макстен болезненно скривился. – Видишь, какая рана!

– Если тыкать в мою царапину,то она станет раной, – справедливо рассудил он.

– Не спорь,ты истекаешь кровью!

Конечно, кровотечение давно закончилось. Подозреваю, что и порез начал затягиваться.

– Алина, - позвал меня Макс.

– Да что?!

В следующую секунду горячая ладонь легла мне затылок,и губы накрыл поцелуй. От внезапной ласки я оцепенела. Мақстен отодвинулся на секунду, посмотрел в глаза.

– Ты пытаешься меня успокоить? - охрипшим голосом спросила я.

– Подталкиваю к принятию решения.

– Давай-ка еще разок... подтолкни, пока не истек кровью, а то неубедительно вышло, - пробормотала я, с готовностью приоткрывая губы для нового поцелуя, глубокого и крышесносного.

Хочу официально заявить, Макстен Керн не напрасно топтал землю магического мира больше семи десятков лет, он целовался как бог! Умело ласкал языком, сладко прикусывал. В его руках я была размягченной глиной. Когда казалось, что воздух заканчивается, а легкие горят, он отстранялся. Позволяя сделать глоток кислорода, прочерчивал дорожку обжигающе горячих, коротких поцелуев по шее, по линии подбородка, и снова возвращался к припухшим от пленительной ласки губам.

– Помогите нам, демоны! Они лобзаются! – прозвучал загробный голос Хинча.

Мы оглянулись. Синеющий на глазах прислужник прижимал к груди умильную леечку,из которой обычно поливал Васеньку, плотоядный цветок, пережравший абсолютно всех мух в замке (сама носила Васеньку по комнатам, чтобы ни одна жужжащая зараза не действовала на нервы).

– Сейчас в обморок упадет, – тихо предположила я.

Хинч закатил глаза и рухнул на пол, по-прежнему зажимая ручку лейки. Из горлышка и узкого длинного носика по доскам потекла вода.

– А старик-то сдавать начинает, – обречено вымолвил Макстен.

ГЛАВА 6. Незванные гости хуже чумы

Ирен был готов взорваться, как надутый рыбный пузырь. Бах! И нет бывшего ученика подлеца Дигора!

Со злостью, словно пытаясь мстить бессердечному учителю, он смял полученное письмо и швырнул комок на магический поднос.

– Забери обратно, старый козел! – процедил Ирен. Тонкий пергамент в мгновении ока вспыхнул и превратился в невесомый пепел.

Вдруг залетевший в раскрытое окно ветер сдул бумажный прах ровнехонько в открытый рот. Маг поперхнулся. Сгоревшая надежда горчила и вызывала даже не кашель, а непонятное хриплое кряканье, как у утки, подавившейся крупным бобом. Ирен схватился за бутылку с шикером, поселенную на столе пару дней назад, и с жадностью принялся глотать из горла. Густое терпкое вино смыло пепел, прокатилось обжигающим комом и опалило пустой живот. Все-таки Реззо прав, мерзостный шикер стоило закусывать, но от еды маг отказался, пришлось занюхать рукавом несвежей рубахи.

Пока он вытирал заслезившиеся от крепости алкоголя глаза, на опустевшем подносе вновь вспыхнуло голубое магическое пламя. Сначала появилась кучка пепла, потом из него стремительно выплелся уголок пергамента, мало-помалу появился новый лист. Шмыгнув носом, Ирен забрал горячую записку.

«Что ты имел в виду?» – сдержанно спросил учитель на возвращенное письмо.

– Катись под хвост вингрету, старый козел, – буркнул маг и снова приложился к бутылке.

Он переступил через себя, попросил помощи у наставника : честно сказал, что добро в Анселе приживаться решительно не желает, разлетается по миру, как чахлые одуванчиковые зонтики, неспособные осенью прорасти в остывающей земле. Но если ему, Ирену Орсо, прислать немножко средств, оказать чуточку протекции в этих краях и выделить библиотечный гримуар, то он живо выкорчует семейное древо Кернов из земли восточной долины! Вместе с замком, ведьмой и курицей.

И что он увидел в письме?

Дулю!

Фигурально выражаясь.

Ирену предложили отправиться в те края, где одуванчики добра прижились и жаждали полива! Другими словами, приказали подавиться пережитым от колдуна унижением, живенько собрать вещи, перевернуть дом к саду задом, к людям – передом и в кратчайший срок свалить из Ансея.

Пока белый маг только подавился письмом, в прямом смысле этих слов.

Они де только-только замяли страшный скандал из-за геройства выпускников, в Вестерских воротах посреди бела дня напавших на мирно прогуливавшегося чернокнижника. Не могли подстеречь ночью, сволочи! Битва закончилась бесславным поражением, трем едва живыми адептами, четырьмя сломанными посохами и ещё одним отнятым в качестве трофея. Теперь весь совет молился светлым богам, чтобы Керн не надумал отомстить как-нибудь чисто по-человечески. Например, не намекнул бы королевским магам об оскорблении.

– Мы ещё посмотрим, кто кого... – многозначительно прошипел Ирен.

Он поднялся из-за стола, схватил посох и рубанул воздух, попутно сбив с тумбочки подсвечник. Под грохот упавшей вещицы в комнате раскрылся похожий на светящуюся кривой шрам портал. Пришлось протискиваться в эту самую щель в пространстве. Сначала посох, потом сам Ирен, вобрав в себя живот, точно паршивый кот, способный прочиться в любую дыру.

В последнюю секунду он успеть вытащить край рубашки, и одежду не прищемило стремительно сужающимся порталом. Что говорить, свезло! Ирен отскочил от захлопнувшейся щели и колдовским словом, сдобренным ругательством, зажег сотню оплавленных восковых свечей, прилепленных на полках. Свет озарил тесную грязную комнатку с деревянным шкафом, расцарапанным столом претенциозным креслом с высокой спинкой у стены.

Однажды учитель сказал, что каждый белый колдун должен иметь место силы. Вряд ли он имел в виду тесную коморку, спрятанную в одном из тоннелей под школой Дигора, но Ирен обнаружил комнату еще в первый год учебы и превратил в тайное логово. На входе в тоннель стояла такая хитрая защита, какой даже высшие наставники не

сумели обнаружить. Впрочем, смельчаков, желающих заплутать в хитрых и путаных ходах подземелья, обычно не находилось.

Он стащил с полки деревянный сундучок. Замок открывался только кровью. На коже появилась темная капля. Колдовство, конечно, на грани темного, но кому какое дело, как запечатывает личные схроны маг? Ирен проткнул палец длинной острой булавкой и приложил к замку. Секунда, и тайник открылся.

Внутри лежал, пожалуй, самый страшный секрет белого колдуна – черное зло в неразбавленном виде! Оно было тщательно запечатано в фигурный флакон и отбрасывало неярко свет. Если бы учитель Дигор узнал, что в ночь, когда летела комета, Ирен как паршивый чернокнижник призвал силу вселенной, то ведьмовской метлой погнал бы его из рядов белых магов. Лишил бы колдовского посоха и вручил эту самую метлу, мол, лети, предатель-вороненок, не падай; попутного ветра и перо в зад.

Дрожащими руками Ирен вытащил из сундучка флакон. От тряски колдовской эликсир вспыхнул звездными всполохами и даже через закаленное магией стекло обжег руки. Маг поднес горлышко флакона к носу, втянул воздух, но демоническая сила совершенно ничем не пахла.

– За добро! – провозгласил тост Ирен и сделал глоток.

Невыносимая горечь обожгла рот. Эликсир наотрез отказывался проталкиваться в горло даже во имя добра. Только усилием воли маг заставил себя проглотить отвратительно питье и глубоко вдохнул, стараясь подавить острый приступ тошноты. Стало ясно, что демоническую силу следовало принимать, как лекарство, по десять капель в день и обильно запивать водой или шикером, чтобы сразу притупить приступ вины. Иначе недолго отбыть к праотцам, так и не победив зло.

Поначалу ничего не происходило, но вдруг в кровь словно впрыснули адское пламя. Ирена затрясло, как при лихорадке. Живот закрутило, тело покрылось испариной, а на лбу выступил пот. Маг закричал, схватился за крышку стола, чтобы не рухнуть на земляной пол. Он увидел свое искривленное отражение в бутылки. Его глаза горели демоническим пламенем, как у Мастена Керна.

С чернокнижниками жить, по-черному колдовать! С этой силой в крови он сумеет уничтожить проклятый замок Мельхом. Разнесет

вместе жителями, камня на камне не оставит, а прах развеет по ветру.

Всю ночь мне снились непотребные вещи в Макстеном Керном в главной роли. Он был исключительно хорош и убедителен. Фильмы для взрослых отдыхали, книги отшельника Ерима тоже, а уж там, поверьте мне, было от чего волосам встать дыбом. Я проснулась от неприличного в моем возрасте возбуждения, яркого солнца и потому что затекшую руку кололо иголками.

– Почему ты не вернешь мне ванную комнату? - ворча на Мельхом, перевернулась я на спину... На потолке за ночь выросло большое прямоугольное зеркало, отражавшее разобранную кровать и всклокоченную девицу в задранной до пояса ночной сорочке.

Опешив, некоторое время я разглядывала собственную помятую после сна физиономию и пыталась подобрать слова, чтобы высказать демону несогласие с обновленным интерьером. В смысле, сказать без мата, чтобы не обиделся и не лишил горячей воды. Никаких сомнений, он умел подглядывать сны. Возможно, сам же их и навеивал.

– Мельхом, ты часом не демон, отвечающий за разврат? Повесить зеркало на стену должность не позволила?

Мельхом естественно остался глух, зеркало не убрал и ванную не вернул. Пришлось скатываться с кровати, натягивать халат и, шваркая мужскими тапочками по паркету, направиться на умывание к общей раковине. Пошире раскрыла дверь, чтобы, как прошлым утром, не стукнуться плечом в косяк и... испуганно отшатнулась.

– Господи, помилуй!

На пороге, расстелив на полу тонкое одеяло, спал Хиңч. Он лежал на спине, скрестив руки на груди, точно покойник. Из-под халата выглядывали полосатые пижамные штаны, на волосах – сеточка, на ногах – кожаные домашние туфли. Не шевелясь, он резко открыл глаза с неестественно расширенным зрачком и уставился на меня снизу вверх, как вампир на добровольно подставленную яремную вену. Признаться, я вздрогнула.

– Хиңч, почему вы спите под моей дверью? Мельхом кровать стащил?

– Я блюду честь и достоинство от соблазнов.

– Простите, но чьи? – уперла я руки в бока. – Свои или коридорные?

– Хозяина.

Эм?

– Боюсь, вас разочаровать, но за честь и достоинство вашего хозяина в том смысле, какой вкладываете вы, уже поздно волноваться.

– Никогда не поздно волноваться о мужской чести, – заспорил Хиңч, не меняя позы. – Не после того, как вы бесстыдно лобзались у магической двери.

Выходило, что именно я пыталась развратить нашлявшегося за долгую жизнь чернокнижника, а не наоборот?

– Хорошо, но почему вы в таком случае блюдите под моей дверью? – возмутилась я. – Спали бы под дверью Макстена! Может, по старой дружбе разрешили бы закатиться под кровать.

– Хозяин приказал удалиться, – отозвался Хиңч. – Он кричал и был чуточку раздражен.

«Чуточку» – это когда глазом дергает и мечтает кого-нибудь проклясть на смерть?

– Ладно, – буркнула я, – спите, где душе угодно, только дайте пройти.

– Просто перешагните.

– Хиңч, что у вас за странные шутки с утра пораньше? – начала свирепеть я. – В моем мире перешагивать через тело... в смысле, человека считается дурной приметой.

– И что за примета? – проявил прислужник живой интерес.

– Расти перестанете! – рявкнула я. – Не хотите вставать, то, по крайней мере, немножко откатитесь.

– Прошу прощения, госпожа, но это совершенно невозможно, – загробным голосом отказался подниматься хранитель «мужской чести и достоинства».

У меня мелко и неприятно задергалось нижнее веко. Подозреваю, что секунда, и я все задергаюсь, как припадочная.

– Не поймите, пожалуйста, неправильно, – спокойный, как чучело удава, пустился в объяснения прислужник на полу. – Я не то чтобы не хочу встать – не могу. Помните, я как-то говорил, что после первой сотни лет у меня начало прихватывать поясницу? Оказалось, что на полу в коридоре по ночам чудовищно дует...

– Господи, Хиңч, вас прострелило? – охнула я.

– Мне очень жаль. Я с рассвета жду, когда меня кто-нибудь

обнаружит.

– Именно поэтому в престарелом возрасте нормальные люди спят в кроватях, – нравоучительно высказалась я. С другой стороны, двухсотлетнего одержимого людоеда не примешь за обычного пенсионера.

– Но я же не мог притащить в коридор кровать, – справедливо заметил Хинч.

– Вы просто могли сами в коридор не тащиться, – буркнула я. – Руки сумеете протянуть? Помогу подняться.

Хочу официально заявить : со стороны невысокий Хинч выглядел легче. Скукожившись, я подставила плечо, но поднять прислужника оказалось непосильной задачей, в прямом смысле этих слов. Я едва не надорвалась и не заработала собственный прострел.

– Госпожа, просто оставьте меня на полу, – взмолился он, сморщившись от боли в пояснице. – Скоро проснется Эверт, он меня поднимет.

– Олень! – вдруг поняла я, что нечего мучиться в одиночестве, и принялась долбиться в соседнюю дверь. – Олень, просыпайся. Утро в самом разгаре!

– Боюсь, он до рассвета топил алхимическую печь, и теперь спит, как мертвый.

– Значит, воскреснет, – процедила я, начиная бить по двери пяткой. Так грохотала, что не слышала, как Эверт открыл, и заехала ему по голени.

– У тебя конец света наступил, Исчадие ада?! – охнул Олень.

– У Хинча, – не извинившись за нанесенный телесный ущерб, кивнула я на прислужника, разложенного на одеялке.

– Что случилось, старик? – вытаращился Эверт. – Она на тебя напала? Ударила по спине посохом? Переломала ноги? Что? Почему тебя, друг мой, так раскорячило?

– Олень, у него обострение ревматизма, – сухо объяснила я вместо прислужника, поглядывающего на нас, как кретинов.

– Она тебя прокляла?! – воскликнул ученик.

– Спину у него скрутило, – покачала я головой. – Помоги поднять и затащить к тебе в комнату. Сомневаюсь, что с лестницы мы его спустим без травм.

– А почему ко мне? – вдруг начал отступать вглубь спальни

настороженный Эверт. - Давай в твою.

– Я девочка.

– Но кровать-то у тебя обычная, ей без разницы, кто уляжется.

– Господа, не хочу настаивать, но на полу очень холодно, - жалобно прервал спор Хинч. – Если бы хозяин был дома, он бы перенес меня с помощью магии.

Мы с Эвертом переглянулись и синхронно посмотрели на плотно закрытые двери в комнату вовремя свалившего Макстена, по направлению к которой прислужник уже лежал. Не сговариваясь, вместе схватились за одеяло и потащили Хинча по полу в спальню к хозяину.

– Почему он такой тяжелый? - процедил сквозь зубы Олень.

– Потому что их двое: он и демон, - буркнула я.

Оставлять больного старика на паркете под огромной кроватью было бесчеловечно. Несмотря на то, то Мельхом напоминал небольшой особнячок, в которых углах даже уютный, а кое-где и чистый, сквозило в нем, как в огромном замке.

Решив уложить одержимого на кровать, мы приступили к перевалке. Эверт подхватил Хинча подмышки, я зажала ноги руками.

– На раз, два, три, – скомандовал Эверт.

– Давай! – прохрипела я, с трудом удерживая охающего от боли прислужника. Он упал на кровать лицом вниз, уткнулся в подушку и промычал:

– Сожрать бы вас.

– Извините, Хинч, – бросились переворачивать бедного прислужника, - сейчас уложим поудобнее...

– И чем, по-вашему, вы занимаетесь? – раздался из дверей сдержанный хрипловатый голос.

– Хозяиң, спасите меня! – простонал с постели Хинч. - Спасите, пока демоны меня не прикончили.

– Не надо никого спасать, – уверила я. – У нашего дорогого Хинча от боли просто рассудок мутится. Мы его не мучаем, а помогаем выжить.

Эверт икнул. Согласна, мы так душевно помогли, что теперь бедняга Хинч неделю с этой самой кровати не сможет сползти.

– Почему моей комнате? – справедливо уточнил Макс.

– Мы рассудили... – начала я.

– Мы?! – возмутился Эверт, давая понять, что не принял ни одного решения, способного светлым солнечным утром довести его до третьего предупреждения. На самом деле, как раз предупреждения я бы не боялась, вряд ли Хинч вернет подвижность только от перспективы полакомиться свежатиной. К тому времени, когда он сможет ковылять и варить соусы, Макс успокоится, передумает и целое предупреждение поменяет на четвертушку. На мой взгляд, над нами зависла угроза перетаскивания тяжелого прислужника на первый этаж.

– Хинч сторожил именно вашу честь и гордость, господин чернокнижник. Вам его спасать, а мы, так сказать, всего лишь доставщики, - уступила я место возле кровати и поскорее ретировалась. Когда проходила мимо Эверта, то дернула его за рукав измятой с ночи рубашки, мол, Олень, не отставай, пока противник обезоружен наглостью.

– Никогда не видел, чтобы он немел от удивления, - прошептал Олень, когда мы начали прощаться в коридоре. Я собиралась в душ, ученик – доспать положенные часы.

– Наслаждайся, – отозвалась я, - второго раза может не случиться.

– Все-таки уходишь из Мельхома? - в голосе Эверта прозвучала неприкрытая надежда.

– Просто скоро эффект новизны закончится, и твой учитель перестанет неметь.

– Что такое «эффект новизны»? – озадачился он.

– Олень, – фыркнула я, закрываясь в ванной комнате.

– Исчадие ада, так ты уходишь или нет? - слышалось из-за двери. Я, конечно, промолчала, пусть мучается неизвестностью и постепенно привыкает к мысли, что девица в замке задержится.

Когда с мокрыми волосами и в халате на влажное обнаженное тело я вернулась в спальню, то обнаружила Макстена. Закинув руки за голову, он лежал на кровати и с интересом разглядывал свое отражение в зеркале на потолке.

– А Мельхом затейник, – ленивым голосом вымолвил он. - При свете дня, под зеркалом...

Раньше я только в книжках читала о всяких «порочных взглядах», «заводящих полуулыбках», а теперь проверила на себе. От того, как на меня посмотрел мужчина, из-под ресниц, с усмешкой, изгибающей уголки губ, едва не подогнулись колени. Я

привалилась к двери спиной, чтобы устоять, и скрестила руки на груди, надеясь, что Макс не заметит смущения.

– Как Хинч?

Господи, это мой голос, низковатый и чувственный? Откуда такие вибрации, словно я спросила, почему он ещё одет? Макс, а не Хинч.

– Спит.

– Выходит, сейчас некому следить за нашей честью и гордостью? – стараясь скрыть волнение, пошутила я.

Макс повернулся на бок, подпер голову рукой.

– Что у тебя под халатом? Кроме чести и гордости.

Во рту пересохло. Я быстро облизала губы и хриловато ответила:

– Ничего.

– Покажешь?

Пауза длилась. Сердце отчаянно колотилось.

Всю жизнь считала, что в любовных романах беззастенчиво врут, когда пишут о взглядах, способных соблазнить без прикосновений и заставить чувствовать почти неприличное возбуждение. Такие мужчины, по моему мнению, существовали только в воображении авторов. Я ошибалась. Просто в обычном мире встретить Макстена Керна было невозможно.

Дрожащей рукой я дернула за завязку халата, позволяя полам раскрыть обнаженное тело. Медленный мужской взгляд скользнул по моей фигуре.

– Сними, – в хриловатом голосе появились напряженные интонации.

– Сначала ты, – выдохнула я, вдруг осознав, что почти не дышу.

Одним гибким движением Макстен поднялся с кровати. Думала, что он сейчас щелкнет пальцами и одежда эффектно разлетится по комнате черными клоками, словно перья ворона, а потом растворится, но ничего подобного не произошло. Макс стащил рубашку через голову и отбросил на кровать.

Он медленно приближался, а я разглядывала торс мужчины. Как-то сразу становилось ясно, что отличная форма поддерживалась не за счет протеиновых коктейлей или отжиманий со штангой, спортзал не давал ни хищной грации, ни особенной жилистости без нарочитых

рельефов. Ничего лишнего, тело поджарое, крепкое. На коже татуировки и шрамы. Один, розовый и совсем свежий, тянулся от ребер на живот.

– Нравится, что видишь? – тихо спросил Макстен, вплотную приблизившись ко мне.

Я подняла взгляд. Его лицо казалось напряженным, как перед магическим ударом. Зрачки расширились и затопили радужку. Странный эффект больше казался не жутковатым, а невозможно возбуждающим.

– А тебе? – едва шевеля губами, выдохнула я.

– Да.

Макс оперся ладонями о дверь по обе стороны от моей головы и хрипловато прошептал:

– Целое утро, когда в двери никто не постучит. Чем займемся?

– У тебя есть варианты? – едва слышно выдохнула я.

Он накрыл мои губы обжигающим поцелуем, и перед глазами словно взорвался фейерверк. Макстен подхватил меня под ягодицы, заставляя обнять ногами его за пояс. Вцепившись в широкие плечи, со стоном я вжалась в натянувший брюки напряженный орган. Ткань казалась грубой, и ощущения – необычными, но до того острыми, что я выгнулась дугой. Большая ладонь накрыла грудь, пальцы почти болезненно сжали сосок...

На краю сознания всплыла несвоевременная мысль, что все происходит слишком быстро. Я никогда не перебиралась из вертикального положения в горизонтальное со скоростью света и так беззастенчиво откровенно. Где же ухаживания, танцы с тамбуринами, разговоры с полунамеками – все то, чем сопровождалась физическая любовь в моем мире? Однако тот же голосок подсказывал, что Макстен Керн божественно не только целовался. Зачем строить недотрогу, если потом может ничего не достаться?

– Какого демона происходит? – разнесся по дому возмущенный голос Эверта, словно говорившего в микрофон.

Мельхом нарочно усиливал звук, давая понять, что прелюдия закончилось, а пресловутое «потом» наступило. На редкость быстро. Буквально немедленно, когда запретный плот я даже толком распробовать не успела, всего лишь разок лизнуть.

– Что случилось? – цепляясь за плечи чернокнижника, прошептала я.

– Хотел бы я знать... – нахмурился Макс и осторожно ссадил меня на пол. Паркет был холодный, и я на ощупь принялась искать ногой упавшие великоватые тапки.

Неожиданно Мельхом содрогнулся от грохота, а следом понеслась отборная брань.

Одевались мы куда как быстрее, чем раздевались. В рекордный срок выскочили из спальни и бросились в холл, где столкнулись с Эвертом и сонным помятым Хинчем, относительно твердо стоявшим на ногах. Вид у всех, даже у обычно причесанного и выглаженного прислужника, был одинаково всклокоченный.

Правда, по разным причинам.

Я поджала распухшие от яростных поцелуев губы и состроила вид, будто изучаю рисунки на стеной ткани. Красноречивое смущение подавить не выходило. Подозреваю, не только взрослые мужики, один из которых разменял вторую сотню лет, но и наивная девственница догадалась бы, что, оставшись наедине, мы с Максом не играли в «камень-ножницы-бумага».

– Ты одержимый? – рывкнул недовольный чернокнижник, и Хинч выразительно кашлянул. Мол, попрошу не переходить на личности, господи черные маги.

– Нет, но кто-то разгромил лабораторию, – замотал головой Олень и указал на кухонные двери : – Подчистую.

– Разгромили лабораторию? В Мельхоме? – Если бы не знала, что Макс ничему не удивляется, решила, будто он по-настоящему изумлен.

Неизвестный вандал разгромил лабораторию не подчистую, а в хлам. Комната была небольшая, но заставленная мебелью, а теперь еще и заваленная расколотыми мензурками, страницами из разодранных гримуаров и прочим мусором, при виде которого у Макса заходили желваки. Из крана самогонной установки, в смысле, алхимической печи на каменный пол капала зеленая жижа и с шипением прожигала в плитках дыру. В камине валялся перевернутый котелок, разлитое зелье затушило огонь. В помещении отвратительно пахло, а маленькое оконце под потолком, больше похожее на форточку, было закрыто.

– Надо проверить посуду, – пробормотал Хинч и немедленно пошаркал ногами в сторону кухни.

Недавно Мельхом вернул в кухню посудную горку, полную старинного звонкого фарфора, резной хрусталь и набор серебряной

посуды в узком выдвижном ящичке. Когда Хинч чистил потемневшие вилки, то испытывал такой эстетический экстаз, что посинел и чуть не рухнул в обморок.

– Кто закрыл окно? - сморщился от зловония Макстен. Он щелкнула пальцами, и форточка отворилась.

– Учитель, думаете, что белый псих прорвался через новую защиту и разгромил лабораторию? – с волнением в голосе спросил Эверт.

– Нет. - Макс упер руки в бока и повернулся ко мне: – Алина, не хочешь объяснить?

– Я ничего не громила, – немедленно открестилась я от причастности к вандализму, хотя прекрасно понимала, чьих рук, вернее, лап было дело. Похоже Карлсон, вчера лишенный еды по недосмотру безмозглой хозяйки, забрался в замок, чтобы чем-нибудь поживиться, но форточка захлопнулась. Он остался внутри...

В следующее мгновение нам под ноги бросилась неуловимая тень.

– Вингрет! – испуганно выкрикнул Олень, когда демон проскочил у него между расставленных ног и, истерично размахивая крыльями, пронесся в сторону холла. – Лови его, пока люстру не сбил!

Я притворялась невидимкой и промолчала, что в холле висели ночники на стенах и ни одной люстры. Осталось пыхтеть и скакать за магами, в надежде первой поймать неуловимую крылатую кошку и не дать варварам эти самые крылья пообломать. А еще по возможности вместе с Карлсоном куда-нибудь сбежать и отсидеться в темном уголке, пока гнев хозяина замка не схлынет. Но не срослось. Только выбрались из подвала, как услышали вопль Хинча:

– Поймал!

Мы ринулись на кухню. Не знаю, кто кого поймал, но прислужник геройски держал магический посох с трепыхавшимся вингретом. Карлсон вонзился зубами в деревянное древко и застрял. Разявить пасть шире – не выходило. Глядя на него, сразу вспоминались чудачки из Интернета, для чего-то совавшие в рот лампочки. Кот упирался лапами, пытаясь отгрызть от посоха кусок и спастись, бил крыльями, злобно размахивал хвостом.

Я начала медленно отступать, чтобы спастись бегством, даже успела развернуться, как раздался приказ:

– Стоять!

Черт! Пришлось повернуться и изобразить улыбку невинной школьницы. Стоявшие полукругом мужчины смотрели, мрачно и недобро, словно собирались отправить ведьму на инквизиторский костер. Неожиданно Карлсону удалось освободиться. Сломав клык, он шлепнулся на пол, подскочил, как на пружине, и по воздуху рванул в мою сторону. Оставалось беднягу поймать, по-матерински прижать к груди и позволить ткнуться носом подмышку.

– Сверну шею, - тихо и как-то по-особенному страшно пригрозил Макс.

– Не делайте больно кисе, демоны! – неприятным фальцетом выпалила я.

– Тебе, – вкрадчивым голосом уточнил чернокнижник.

– И мне тоже не делайте больно.

– Хозяин... – с кровожадным видом, опираясь на посох, прислужник сделал маленький шаг в мою сторону.

– Хинч, не смейте предлагать меня сожрать! Карлсон почти домашний. – Макс попытался открыть рот и высказать претензию, но я не дала: – И семьи у него нет! Не кот, а полтора килограмма отборного счастья!

– Когда он расплодится – это будет смертельное проклятье, - убежденно заявил Эверт.

– Карлсон – мальчик, - заспорила я. - Он не может расплодиться, это противоречит законам природы. Он даже с Дунечкой сжился и не пытается ее скушать.

– Конечно, ты же его сытно кормишь, – справедливо упрекнул Макс, – но я тебя чисто по-человечески попросил не прикармливать вингретов. Ты ничего не соображаешь в живности магического мира, тем более, междумирья! Да тут каждый паршивый кот – наполовину гадящий демон.

– Карлсон такой хорошенький, - принялась я строить из себя дурочку, – шипастенький, клыкастенький, крылышки драконьи...

– Он притацит самку и начнет метить углы, - принялся предсказывать Эверт.

– Кастрируем! – немедленно предложила я.

Пауза была достойна подмостков Большого театра. Глядя на вытянутые лица троих жителей, становилось ясно, что я не просто

осквернила атмосферу Мельхома страшным словом, а умудрилась оскорбить всю его мужскую, а значит большую часть. Даже Карлсон, почуяв нехорошее, напрягся в моих руках, а под шерстью проклюнулись острые шипы.

– Почему вы на меня так смотрите, будто втроем хотите сожрать?
- на всякий случай попятилась я.

– И эта девица просила нас не делать больно коту? - ни к кому не обращаясь, вымолвил Хинч.

– Учитель, просто выгоним ведьму вместе с вингретом, и дело с концом, - предложил Олень.

Макстен скрипнул зубами, а потом ткнул в меня пальцем и приказал:

– Надеть ошейник.

– На меня? – возмутилась я.

– На кота! Погрызет мебель, заставлю...

Тут он осекся, некоторое время в молчании грозил пальцем, пытаясь придумать достойное наказание, но девушку, не обладавшую магией, можно было наказать только ремнем. При мысли о порке ремнем, даже меня бросало в жар. Боюсь, представить, что случилось с Максом. Судя по тому, как чернокнижник прикрыл глаза и судорожно сглотнул, мыслили мы одинаково.

Он прочистил горло и повернулся к Хинчу, величественно опирающемуся на посох белых магов.

– Испортит мебель – сожрешь!

– Меня?! – охнула я.

– Кота! – рявкнул Макстен. – А ты в подвал – порядок наводить!

– Когда?

– Немедленно!

– А ты что встал? - накинулся он Эверта. - Помогать ей!

– Но я же не впускал вингрета в замок, – жалобно протянул Олень, все ещё надеявшийся прикорнуть после бессонной ночи и энергичного утра, но наткнулся на хмурый взгляд хозяина Мельхома и кивнул: – Слушаюсь, учитель.

После того, как я расколотила пару чудом сохранившихся мензурок, то ворчавший, как старик, Олень выдворил меня из лаборатории и продолжил любовно полировать тряпочкой алхимическую печь. В кухне я застала Хинча, пытавшегося надеть на

вингрета кожаный ошейник с мерцающим красным камнем. Кот зашипел, расширив необъятную пасть с раздвоенным языком, и блеснул бесноватыми глазищами. Недолго думая, прислужник вдарил зверю серебряной ложкой между ушей.

– Сиди тихо, демон!

Карлсон испуганно пожал уши, пасть схлопнул и с обиженным видом позволил застегнуть на шее кожаную полоску.

– Как дела? – любопытствовала я.

– Мы пытаемся найти общий язык, - прокомментировал Хинч, а кот басовито, но очень жалобно мяукнул, словно умоляя отогнать сильного хищника.

На столе стоял поднос с фарфоровым чайничком и чашкой на блюде.

– Это для Макса? – любопытствовала я.

– Успокаивающий отвар.

– Я отнесу.

– Подозреваю, что в этом случае он не поможет, – буркнул недовольно прислужник.

– Я постараюсь его не бесить, – пообещала я и немедленно подхватила поднос. Чашка поскакала по блюдцу, едва сумела перехватить и спасти от падения. Испуганно глянула на Хинча. У прислужника и вингрета оказались одинаково вытаращенные глаза.

– Посуда цела, - объявила я.

– Может, мне стоит заново варить соус? - тихо спросил Хинч.

– Не торопитесь, – отозвалась я. - К очагу всегда успеете встать.

В комнате, где Макстен принимал просителей, сегодня было пусто. Пару раз по Мельхому разносился стук извне, но чернокнижник ни разу не открыл дверь. Видимо, после прерванного утреннего занятия из-за паршивого (в смысле, крылатого) кота он, как любой нормальный мужчина, был чуточку раздражен и опасался кого-нибудь проклясть насмерть.

В настороженной тишине истерично звенела посуда. На громкое бряцанье даже плотоядный цветок Васенька повернул голову и раскрыл ярко-синюю пасть с недоеденной мухой. Магическая дверь тускло светилась по контуру. Однажды, когда никто не видел, из любопытства я ее открыла, но попала не в город, а в старый пыльный чулан, абсолютно пустой и с заколоченным окном.

Подойдя к винтовой лестнице с лихо закрученными ступеньками, я посмотрела вверх и прикрикнула:

– Макс, ты еще бесишься? Может, обойдешься без успокоительного настоя?

– Да, - донеслось сверху.

– Да – бесишься? Или можно оставить здесь? – буркнула я себе под нос и все-таки потащила настой вверх. Донесла непонятным чудом, расплескав напиток, цветом напоминавший кока-колу, по подносу. Проще было успокоительное хлебать прямо с края, пошире раскрыв рот, чем нервничать и прихлебывать из капающей с доньшка чашки.

Макстен сидел в кресле и, отвернувшись к окну, что-то рассматривал во дворе.

– Я все пролила, – честно призналась я, пристраивая поднос на низкий столик. – Что изучаешь?

– Дерево, - вымолвил он.

– Какое дерево? - не поняла я и приблизилась к окну. Из кабинета чернокнижника открывался вид на внутренний двор, но лишь смутно похожий на наш уютный дворик, где от деревянной калитки в замковой стене до открытой кухонной двери было рукой подать. Пространство заметно расширилось. Забор вырос в высоту и отодвинулся на десяток метров, переместился колодец, а над ним выросла свежая деревянная домина. В самом центре двора в лучах теплого летнего солнца зеленел огромный старый дуб.

Дерево Кернов окончательно проснулось.

– Это хорошая примета или плохая? - оглянулась я к Макстену.

– Я не верю в приметы.

От пронзительного взгляда по спине побежали мурашки. Макс не настойчиво, а приглашающе потянул меня за руку. Не разрывая зрительного контакта, подвластная и послушная, я села к нему на колени. В тягучем томлении провела кончиком пальца по линии скулы, погладила шрам, очертила контур носа, осторожно дотронулась до сжатых желваков.

– Что ты, по-твоему, делаешь? – тихим хрипловатым голосом спросил он.

– Пытаюсь попросить прощения. Ты ещё злишься за вингрета?

– Ну, раз ты захотела кота, – вымолвил он, - как я могу тебя

остановить?

– Если он съест черный гримуар, ты свернешь мне шею?

– Я придумаю что-нибудь интереснее и уверен, нам обоим понравится...

Мы целовались жестко и страстно, пока в легких не заканчивался воздух. Одним резким движением Макс придвинул меня так близко, что между нашими телами не осталось и тонкой прослойки воздуха. Мужские руки беззастенчиво забрались под юбку, сжали ягодицы. Голова шла кругом. Широко разведя колени, я снова с наслаждением ощутила, насколько он возбужден. Нервными пальцами начала расстегивать пуговицы на натянутом гультфике, торопясь освободить, завладеть. Пока никто не помешал, не постучался, не заявил, что печется о нашей чести и о чем-то еще. Какая, право, глупость. О какой гордости говорят они, когда от каждого прикосновения тело горит огнем, теряется точка опоры, любая ласка заставляет выгибаться, вжиматься и тереться?

В упоительный хмель ворвался деликатный стук в двери Мельхома. В смысле, в магические двери, а потому деликатный стук казался громоподобным. Мы замерли.

– Да они издеваются, – прошептала я, утыкаясь взмокшим лбом в плечо тяжело дышавшего Макстена. – Давай сделаем вид, что ничего не услышала.

– Это ведь замок Мельхом? – словно издеваясь, продолжал транслировать монолог нежданной гостьи демон. – Я не ошиблась дверью?

Женщина заколотила так, что в ушах зазвенело.

– Нет, это не замок, а проходной двор! – простонала я.

– Эверт Ройбаш, я видела, что на втором этаже шевельнулась занавеска! Немедленно открой! – голос гостьи вдруг приобрел пронзительную требовательность. Невольно я покосилась в окно кабинета с темными раскрытыми портьерами, аккуратно подвязанными шнурками.

– Может, твой ученик-олень заделал маленького олененка, и она пришла предъявить претензии? – шепотом предположила я, будто визитерша действительно была способна слышать оскорбительный во всех отношениях разговор.

– Какой демон меня дернул взять его в ученики? – с

безысходностью Макс запрокинул голову на спинку кресла. Я не удержалась и лизнула кадык на шее.

– Смерти моей хочешь? - простонал он.

– Эверт! – рывкнула дама. – Немедленно открой! Мама приехала!

– Мама?! – поперхнулась я. - У Оленя есть мама?

Знаю, глупый вопрос, не из яйца же он вылупился.

Внизу раздались быстрые шаги, я соскочила с колен Макстена с такой проворностью, будто под голой попой горела конфорка. Мы лихорадочно поправляли одежду, путаясь в завязках и застежках, приглаживали волосы. На винтовой лестнице загрохотали подкованные сапоги.

– Юбка задралась! – заправляя рубаху в штаны, подсказал Макс.

Едва я успела одернуть подол, как в кабинете появился вытаращенный, вымазанный сажей Эверт, одетый в криво заправленную рубашку.

– Учитель, конец света наступил! Она приехала!

В панике он не заметил, что учитель несколько помят, а причина помятости, то есть я, тщательно пытается слиться с обстановкой. Можно было не складывать вкрадчиво руки и не изображать жутковатую улыбку Уэнзди Аддамс из известной «черной» комедии.

– Учитель, не позволяйте этой страшной женщине войти в замок!
– взмолился он. – Она приедет на денек, а уедет лет через семь, когда мы тут все буйно помешанными станем.

Учитывая последние обстоятельства, мы все были немножко похожи на неврастеников.

– Давайте притворимся, что она ошиблась адресом? – со слезами в голосе попросил он.

– Ты не видел мать три года, - заметил Макстен.

– Быть точнее, три года два месяца и четырнадцать самых счастливых дней в моей жизни!

Неожиданно стало ясно, что долбежка в дверь прекратилась и госпожа Ройбаш больше не орет под дверьми, как кошка под балконом темной мартовской ночью.

– Она ушла? – кажется, Олень не верил в удачу.

И правильно делал, что не верил. В напряженной тишине неприятно заскрипела входная дверь. Пока мы мялись, по каким-то своим демоническим соображениям Мельхом пустил гостью на порог.

Видимо, он насмотрелся и на разврат, и на разгром, и на скандалы, сильно заскучал да добавил в нашу жизнь немножко перца. В жизнь Оленя точно.

С первого этажа донесся недоуменный голос:

– Кто-нибудь есть дома? Я ищу Эверта Ройбаша.

– За что? - всхлипнул тот.

– Встречай, - кивнул Мақстен.

Олень нырнул на винтовую лестницу. В тишине замка прозвенел голос, наполненный фальшивый радостью:

– Мама, как я рад вас видеть!

– Эверт, я думала, что ошиблась дверью, – с облегчением ответила она и тут же добавила: – Ты похудел и вырос.

– Благодарю.

– Теперь ты похож на каланчу. Втащи дорожный сундук.

– Ты приехала с багажом? – с ужасом воскликнул Олень, видимо, получив подтверждение слов, что от гостыи мы избавимся нескоро. И пока не ясно, кто кого выкурит из замка.

Между пуговиц на ширинке у Макса торчал хвостик от рубашки. Знаками я указала на конфуз. Едва слышно выругавшись, чернокнижник принялся поправлять одежду, а внизу вдруг что-то загрохотало и Эверт охнул:

– Мама, не обижайтесь на вопрос, но вы прихватили коллекцию звездных камней?

– Эверт, ты вырос, а по-прежнему говоришь глупости, – отчитала маменька. – Женщина должна быть готова к любой неожиданности. Почему ты не передвинешь его магией? Не научился за три года?

– По старинке надежнее... – сипло отозвался он.

Мы спустились как раз в тот момент, когда бедняга вволок в дом пыльный окованный сундук такого размера, что в него можно было бы упаковать половину моей квартиры. Наверное, включая табуретки.

Матушка Ройбаш оказалась среднего роста женщиной, по виду, чуть старше сорока. Она была одета не по местной погоде: в плотное платье, туго обхватывающее располневшую с возрастом талию. Из-под маленькой шляпки с куриным пером выглядывали задорные светлые кудельки. Возможно, перо было от какой-нибудь жутко экзотичной птицы, но выглядело так, будто выдрали из хвоста Дунечкиной сестры.

– Вы, верно, господин Керн, - протянула она Макстену руку для

поцелуя.

– Госпожа Ройбаш, добро пожаловать в Мельхом, – отозвался он со светской улыбкой высокородного джентльмена.

– Можете называть меня Мартиша. Вы ведь не против, что я вот так без предупреждения?

– Чувствуйте себя как дома, - хриловатый голос Мақстена обволакивал. И в этой обманчивой мягкости мы все услышали тонкий намек, мол, но не забывайте, госпожа мама Эверта, что вы в гостях. Попейте чайку, прихватывайте сундук и возвращайтесь обратно домой.

Пока гостья любезничала с хозяином замка, Эверт за ее спиной жестами спрашивал, каким образом я оказалась на втором этаже.

– А вы?

– Простите? - перевела я недоуменный взгляд с сына на мамашу. - Что я?

– Кто вы?

– Алина. – Я протянула руку для приветствия. - Очень приятно.

Дружественный жест остался проигнорированным. Не очень-то и хотелось.

– Какое необычное имя. Вы, должно быть, тоже неместная, как и Эверт? - тонко начала она допрос, не дождавшись, когда кто-нибудь из мужчин возьмет на себя труд объяснить наличие в замке молодой девицы.

– Вроде того, - уклончиво отозвалась я.

– Вы в учении у господина Керна?

– Алина – жена Хинча! – в отчаянье выкрикнул Эверт.

Макстен подавился. Почему супруга, а не дочь или племянница?! Во истину жаль, что взгляды не умели убивать, иначе бы Олень от моего яростного взора скопытился прямо под магической дверью на сундук своей мамашы.

– Хинч – это старый слуга? – удивленно изогнула брови мадам.

– Мы женаты неофициально, – махнула я рукой.

– Простите? - удивилась мадам иностранному слову.

– Мы не проходили обряд венчания, - пояснила я, надеясь, что они тут действительно устраивают обряды, а не заключают браки в какой-нибудь регистрационной палате.

– Живете в грехе? – в голосе Мартиши прорезалась пронзительность.

– В гражданском браке.

В гробовом молчании трое представителей магического мира ждали пояснения к невнятному термину.

– Мы живем в грехе, – сдалась я.

– Выходит, вы в услужении, – почти с облегчением выдохнула гостья, осознав, что девица не спит ни с учеником, ни с учителем. – Ясно. Господин Керн, какой у вас удивительный цветочек.

Она протянула руку к плотоядному Васеньке, и растение с радостью раскрыло пасть во всю доступную ширину, точно замаскированный вингрет.

– Госпожа, лучше не суйте в него пальцы, – попыталась предупредить я.

Ловушка схлопнулась, острые иголки, впрыскивающие яд, вонзились в кожу, и госпожа Ройбаш скривилась от боли.

– Мама дорогая, он меня ест!

Раздался резкий щелчок. Мартиша окаменела, в прямом смысле этих слов. Стало очень-очень тихо, как перед чудовищной грозой. Гостья стояла с искривленной от боли физиономией и выпученными глазами. По пальцу текла кровь, стеклянные глаза смотрели в пустоту. Васенька упоительно сжимал створки, не желая выпускать добычу, какую был просто не в состоянии переварить.

– Олень, после жизни со своей мамой, ты называешь исчадием ада меня? – не удержалась я от издевательского смешка. – Она же всадница апокалипсиса. Удивлюсь, если в замке не начнется конец света.

– А я предупреждал, что нельзя открывать двери! – тонким голосом огрызнулся он.

– Может, Мельхом ее пустил, когда родную кровь почувствовал? – продолжала измываться я.

– Так... – мрачно перебил Макс и потер переносицу: – Напомни-ка мне, Эверт Ройбаш, почему я взял тебя в ученики? Был пьян? Страдал помутнением рассудка?

– Вы не были знакомы с моей мамой.

– А помимо?

– Сказали, что я очень похож на вашего погибшего младшего брата.

Чернокнижник бросил на ученика оценивающий, но очень хмурый взгляд и согласился:

– Действительно похож.

– Учитель, только не выгоняйте! – взмолился Эверт. - Не заставляйте возвращаться к этой страшной женщине.

– Зависит от того, как быстро ты сумеешь ее разбудить и отправить домой.

– Сам?

– Сам.

– Но каким образом?

– Почитай гримуары, – предложил Макс и кивнул мне: – Госпожа Хинч, как вы смотрите на то, чтобы мы вышли в город... какой-нибудь город?

– Положительно, - со светской улыбкой кивнула я. – Главное не в Вестерские ворота.

– Да, пожалуй, в Вестерских воротах нас запомнили надолго, - согласился Макстен.

Он небрежно махнул рукой, чтобы убрать с дороги сундук, перекрывший проход, но бандура не сдвинулась с места ни на миллиметр. Попытался махнуть помедленнее – бесполезно. Полное фиаско! Похоже, покойников с помощью магии Макс поднимал лучше, чем сундуки.

– Эверт, – кашлянул он, - меня гложут большие сомнения, что твоя матушка наложила в него гостинцев.

– Боюсь, что это наряды на семь лет, – скорбным голосом отозвался Олень, ручками сдвигая машину ровно на такое расстояние, чтобы в приоткрытую щель протиснулся взрослый мужчина и не застряла дама.

На улице царила ночь, когда как в Мельхоме шел послеполуденный час. Пахло свежестью, прохладой и цветением. Я как раз втягивала живот в позвоночник, чтобы не застрять между дверным углом и косяком, когда Эверт с надеждой уточнил:

– Учитель, а можно ее не оживлять? Может, просто в сундук сгружу и отправлю обратно в Троквен?

– Нет, - последовал категоричный отказ.

Когда я без излишней изящности перевалилась через порог, то оказалась на краю цветущего гречишного поля. Небо было засыпано невероятным количеством звезд; глаз не оторвать. Здесь Мельхом выглядел старым сарайчиком, словно готовым развалиться от любого

дуновения ветерка.

– Где мы? – прошептала я. Не знаю, но в неземной тишине, окутывающей окрестности, говорить громко казалось кощунственным.

Макстен аккуратно закрыл дверь, и по контуру пробежала красная искра.

– Саин, - сказал он, – с древнего языка переводится как «край мира».

– Здесь удивительное небо.

– Пожалуй, самое красивое в магическом мире, – согласился Макстен и тут же испоганил романтику: – В Саине в ночь Черной звезды ведьмы собираются на шабаши.

– Шабаши?

– Шикер, пляски, черная магия, оргии.

– Что ни говори, веселые ночки, - с иронией прокомментировала я. – На метле опять-таки можно голыми погонять, и никто не попытается зад факелом подпалить.

– Иногда действительно было забавно.

– Тоже гонял на метле голый?

– Предпочитал другие развлечения.

– Старый развратник, – буркнула я себе под нос.

В ответ донесся сдавленный смешок. Некоторое время мы шли по краю поля в полном молчании. Я не имела никакого права задавать вопросы, но не удержалась:

– Часто участвуешь?

– Больше не увлекаюсь.

– Возраст не позволяет? - съехидничала я.

– Наскучило, - ответил он. - Ты хочешь и дальше выпытывать, чем именно я занимался на шабашах и с кем? Рассказать в подробностях?

– Нет! – немедленно отказалась я от сомнительного удовольствия узнать о темном прошлом черного мага (хорошо прошлым, а не настоящим).

– Если тебя, моя маленькая скромница, это успокоит, то не все черные маги одобряют подобные развлечения.

– Конечно, сейчас я чувствую спокойствие за моральное поведение и нравственность чернокнижников всего магического мира, - закатила я глаза. – Куда мы идем?

– Тут недалеко есть таверна.

Обычно все наши неприятности были связаны с попытками поесть на людях и начинались с фразы Макса «недалеко есть отличная таверна». В горной таверне я напилась в хлам от одной рюмки шикера, напугала хозяина и, самое обидное, ничегошеньки из веселья не запомнила, а в последний раз мы до заведения даже не добрались.

– Хорошая таверна? - на всякий случай уточнила я.

– Паршивенькая.

Низкосортность заведения вселяла некоторую надежду, что во время ужина мы доберемся хотя бы до десерта. Хотя сомнительно, что в тавернах, даже отличных, вообще подавали сладкое.

– Может, просто прогуляемся вдоль поля?

– Не переживай, мы спокойно поужинаем, – хмыкнул Макс.

– Откуда такая уверенность? – заворчала я. - Ты каждый раз обещаешь, что нас не попытаются убить, но что-то идет не по плану.

– В нашем доме Мартиша Ройбаш.

– Аргумент, - немедленно согласилась я. Мельхом пустил в замок истинное исчадие ада, подсунуть еще и сеятелей добра во время трапезы будет форменным свинством.

Едальня, а назвать ее «таверной» не поворачивался язык, стояла на краю деревни. Источником света в обеденном зале служили масляные лампы на столах. Свет был скуден, помещение утопало в густом полумраке, скрывающем лица немногочисленных посетителей.

Тихо, стараясь не привлекать внимания, мы сели за стол в углу. Макс уговорил меня попробовать традиционное угощение из курятины «машкэ», так что мы попросили знаменитое кушанье и сладкий бир. Видимо, помня, что до конца трапезы нам еще ни разу не удавалось дотянуть, Макстен сразу расплатился мелкими монетами.

– Благодарю, господин, – принимая деньги, поклонился хозяин.

Вскоре принесли заказ. «Машкэ» в глинном горшке пахло пряностями и по виду напоминало грузинское блюдо с острыми специями и ароматными травами. Трапеза начиналась просто и спокойно, но только я поднесла ко рту ложку с кусочком тушеного мяса, как напротив стола выросла высокая фигура в черном плаще с огромным капюшоном.

– Макстен Керн! – прозвенел женский голос.

Глаза Макса демонически сверкнули алыми угольками.

Крошечные огоньки в масляных лампах мгновенно вспыхнули и превратились в яркие негасимые пики. Тесный зал залил свет, озаривший каждый темный уголок. Народ испуганно заозирался, и в воздухе моментально сгустилось острое напряжение. Казалось, что если кто-нибудь сделает неловкое движение, то черный колдун сорвется и окатит беднягу проклятьем.

А ведь мы просто хотели поесть...

Человек торжественно опустил с головы капюшон. Под ним пряталась смутно знакомая молоденькая девчонка. Она хмурила брови, поджимала побелевшие губы, и страшно, почти чудовищно волновалась. Магичка из Вестерских ворот – узнала я.

В обманчиво расслабленной позе Макстен откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. Украдкой я покосилась на почти опустевший зал. Народ по-тихому линял через дверь, которую с улицы придерживал для беглецов хозяин. Столы остались пустыми: еду и питье люди уносили с собой. Технический побег наводил на мысль, что метод эвакуации был опробован не один раз и отработан до малейших деталей.

– Я Ликерия Эстерд, белая колдунья в пятом поколении, дочь колдуна Пака Эстерда, сестра...

– Ближе к делу, дочь белого колдуна, – перебил ее Макстен тем обманчиво мягким тоном, говорившим о том, что он снова чуточку раздражен. Просто самую малость. У нормального человека споткнулось бы сердце.

Неожиданно магичка бухнулась на колени и уставилась под стол прямым немигающим взглядом. Я неловко поерзала на стуле, чтобы опустить задранный подол платья и прикрыть стоптанные ботинки. Обзавестись новыми башмаками не позволял случай: то домой собиралась, то от белых магов отбивалась, то крылатого кота спасала – очень, знаете ли, занятая девушка.

– Возьмите меня в ученики! – неожиданно потребовала Ликерия.
- Я лишилась колдовского посоха. Отец сказал, что такая дочь недостойна носить белую мантию.

Взгляд Макстена мгновенно похолодел, и температура в обеденном зале словно упала на несколько градусов. Пауза длилась. Девчонка сжимала в кулаках плащ и ждала приговора. Он прихлебнул сладкий бир и произнес:

– Обрежь волосы.

– А? - Она вскинулась, бледная и потрясенная. – Но как же я... тогда ведь все...

– Что?

– Примут меня за блудницу.

Эм? Невольно я пригладила подстриженные под каре волосы. Вернее, под каре они были подстрижены полтора месяца назад, а сейчас на голове творился форменный бардак.

– Считаешь, что ученье черной магии – самая большая жертва в твоей жизни? Верно, белая колдунья? – Он протянул руку и пальцем подвинул к краю стола тупой нож. - Режь.

Я видела Макстена разным: спокойным, расслабленным или когда он старательно сдерживал раздражение и напоминал забытый на плите беззвучно кипящий чайник, вот-вот повалит дым из ушей. Впервые я видела, насколько он мог быть жесток.

Девочка колебалась.

– Что ты ждешь? - подогнал Макс и снова сделал глоток бира. Как поперек горла-то не встал?

Ликерия порывисто схватила нож и вытащила из-под плаща длиннющую толстую косу. Нормальная барышня скорее перерезала бы горло колдуну, чем обкорнала красотищу, но колдунья подставила лезвие, намереваясь отхватить волосы по самые корни, прикрыла глаза...

Я думала, что Макстен просто издевается над выскочкой, посмеившей подойти к нему в таверне, и сейчас остановит руку с ножом, но он молчал, прихлебывал спиртное и без особого интереса ждал, когда она решится.

– Стой! – резко выпалила я.

Она сильнее сжала губы. Рука с ножом тряслась.

– Алина? - с вкрадчивой интонацией вымолвил Макс.

Я сделала вид, что не услышала:

– Оно того стоит?

– Алина! – Пронизывающий, ледяной взгляд чернокнижника заставил меня вжаться в стул. Макстен больше не произнес ни слова, но сказал так много: не вмешивайся, молчи... я объявлю третье предупреждение.

Пока мы выясняли, что он вожак нашего прайда, девчонка

зажмурилась и отчекрыжила косу. Светлые пряди рассыпались вокруг маленького личика, а на затылке затопорщились короткие волосинки. В изумленной тишине она вскочила на ноги и дрожащей рукой бухнула косу на стол.

– Я обрезала, как ты просил. Возьмешь меня в ученицы?

– Нет, - спокойно отказался Макс.

– Нет?! – в унисон выпалили мы.

– У меня уже есть ученик. – Он с грохотом отодвинул стул и поднялся. – Возвращаемся.

Когда уверенным шагом он покинул маленькую едальню, то яркий свет мигом погас. Зал погрузился в полутьму, едва-едва разбавленную крошечными огоньками масляных ламп. В дверях я оглянулась. Илькерия в длинном черном плаще не сдвинулась с места. Она оцепенела напротив стола, смотрела в пустоту и судорожно сжимала кулаки. От жалости к гордой обманутой девчонкой хотелось лично повесить чернокнижника на отрезанной косе. Я бросилась ему вдогонку.

– Зачем ты издевался над девочкой, если не собирался ей помогать? – нагнав Макса во дворе, выкрикнула я. – Эверта ты тоже лишил чего-то дорогого, когда согласился учить?

Чернокнижник резко и неожиданно развернулся, заставив меня испуганно попятиться. Кто-то сдавленно охнул, и в голову пришло, что за скандалом из укрытия следят сбежавшие посетители таверны.

– Эверт Ройбаш не приходил в Мельхом назло отцу, белому магу.

– Верно, он пришел в угоду матери,исчадию ада, – дернула я уголком губы.

В темноте лицо Макстена казалось бледным, от ярости глаза пылали демоническим пламенем. Вдруг он пальцами жестко схватил меня за лицо, до боли сжал щеки.

– Алина, я попросил не вмешиваться, - сквозь зубы прошипел он.

– Я очень не люблю, когда меня не слышат. Другой на твоём месте уже был бы мертв.

– Мне больно!

Я с силой пихнула чернокнижника в грудь. Глаза-угольки потухли. Он уронил руку и отступил. Лицо горело, казалось, что челюсть вывернута,и от иррациональной детской обиды хотелось заплакать. Как он вообще посмел сделать мне больно? Он же выше и

сильнее!

Неожиданно в темноте пустого двора сверкнула ослепительная вспышка. На мгновение высветила лицо Макстена, раскрасила двор контрастными тенями, выхватила забулдыг, из-за плетня следивших за скандалом, и потухла. Мелькнула тень в длинном плаще, и на Макса накинута оскорбленная колдунья с ножом, которым десять минут назад отрезала косу.

– Умри!

В одно мгновение я оказалась сдвинута в сторону, во избежание путаницы, а Макс ловко перехватил девичью руку с занесенным оружием. Пальцы, сжимавшие хрупкое запястье, вспыхнули алым цветом.

– Умница, - усмехнулся он и осторожно забрал нож.

Оружие отлетело в сторону, в тишине звякнуло о камни. Мгновением позже маги взорвались черным дымом, а я осталась посреди двора в гордом одиночестве, крутила головой и оторопело хлопала глазами. Собственно, ничего другого мне не оставалось.

– Эй, Макс! Ты куда делся? – для чего-то подняла голову к звездному небу. - Как я домой-то попаду? Куда идти? Макс, я боюсь темноты!

– Госпожа, хотите я дам вам фонарь? - раздался осторожный голос хозяина таверны.

Держа фонарь над головой, я по памяти продвигалась в сторону гречишного поля, почти уверенная, что иду в противоположном направлении, и посылала мысленные лучи несварения Макстену Керну. Заодно пыталась вспомнить, какие именно травы вызывали этот задорный недуг (чтобы мысленное проклятье наверняка сработало).

История в Китае закончилась тем, что я справилась с паникой, спустилась с перехода и остановила такси. Проверив волшебную визитку, водитель мигом довез меня до гостиницы. К сожаленью, в магическом мире подруге чернокнижника никто помогать не решился. Только злость, клокотавшая внутри, не давала мне бросить фонарь на землю, бухнуться на корточки и обиженно заплакать.

Деревня закончилась. Я вдруг оказалась перед гречишным полем.

– Вот видишь, Алина, совсем не страшно, – подбадривала я себя, направляясь к сарайчику с магической дверью. - Кладбища рядом нет,

людей нет, даже вингретов нет. Кому тебя съесть? Никто тебя не съест. Разве что комары покусуют...

Где-то далеко, за гречишным полем, протяжно и мучительно завыл волк. От страха на всем теле встали дыбом волосы, а на затылке ещё и зашевелились.

– Если идти быстрее, то точно никто не съест! – пыталась я думать позитивно. – Фонарь светит...

Неожиданно огонек потух. Видимо, в лампе сторели последние капли масла, а во мне решительно иссякал скудный запас оптимизма.

– Зато луна осталась. - Я задрала голову и проверила, не планирует ли какое-нибудь несвоевременное облако загородить единственный «осветительный прибор». Озаренное ночной звездой небо сохраняло чистоту и темную бархатистость.

Когда я добралась до сарая, то без особой надежды дернула за ручку. Дверь открылась, демонстрируя пустое темное нутро полуразваленной клетки. Неприятно, но ожидаемо.

– Добро пожаловать, Алина, в Мельхом, - со злой иронией пробормотала я.

Оставалось надеяться, что жители демонического замка вспомнят обо мне быстрее, чем обнаружат волки. На улице стремительно холодало. Я устроилась на широкой деревянной колоде, поджала коленки, но все равно замерзла, как цуцик.

Вдруг магическая дверь вспыхнула и открылась. С колоды меня подбросило со скоростью распрямленной тугой пружины. На гречишное поле, обалдело сжимая в каждой руке по посоху, вышла Ликерия.

– Придержи! – выкрикнула я.

Но было поздно: дверь мягко прихлопнулась, и из щелей в темноту брызнули красноватые всполохи, означавшие, что Мельхом забаррикадировал вход.

– Да блин блинский! – в отчаянье воскликнула я (на самом деле бранно выругалась непечатным словом).

Девица подняла голову. Темнота стерла черты, и лицо напоминало бледное пятно.

– Я была в Мельхеме, – заморожено сказала она.

– Как бы мне теперь туда попасть, - проворчала я и отбитым носком башмака раздосадованно пнула бесполезную дверь сарая.

– Там... не так, как я себе представляла. – Ликерия покачала обстриженной головой. - Ничего страшного. Даже летучих мышей нет.

Но есть летучий кот.

– И Макстен Керн не такой, каким кажется. Он просто отдал мне посох. - Она с недоумением посмотрела на палки в своих руках. – Сказал, я заслужила. Не побоялась пойти в бой с голыми руками.

Спорное утверждение. Нож – так себе голые руки.

– Он хороший человек, - выдохнула колдунья.

– Не обманывайся, – хмыкнула я. – Макстен Керн вообще не человек.

Расколоть пространство девчонке удалось только с третьего раза. Удивительно, как с такими плачевными навыками она решилась напасть на опытного чернокнижника. Поднявшийся ветер драл гречиху, и в воздухе, как мелкий снег, метались светлые цветочные лепестки.

– Увидимся, – попрощалась Ликерия, прежде чем войти в воронку.

– Воздержимся, - махнула я рукой.

Когда портал погас, то темнота показалась непроницаемой. Некоторое время я подслеповато моргала и не сразу в дверях сарая заметила Макстена. Он оперся плечом о косяк, скрестил руки на груди. За спиной виднелся кусочек стены с деревянными панелями.

– Заходишь? – тихо спросил он.

Пронзая подлеца злым взглядом, я приблизилась, остановилась на расстоянии вытянутой руки.

– Скотина.

Не переча, он подвинулся и пропустил меня внутрь. Я специально толкнула его плечом, чтобы не сомневался, что дама в ярости.

Мартиша Ройбаш, превращенная в изваяние, исчезла. Кровожадный цветочек Васенька, целый и невредимый, закрыв створки, подремывал на подоконнике. Было интересно, сумел ли Эверт разморозить мать или до утра отбортывал в чулан вместе с сундуком, но любопытство не вязалось с образом оскорбленной невинности. Пришлось промолчать.

– Алина, – позвал меня Макс. В голосе никакого раскаянья, как будто я сама себя забыла на гречишном поле и вернула в замок, когда посчитала, что достаточно наказана.

– Пошел в задницу! – рыкнула я.

– Я хотел сказать, что в твоей комнате спит Мартиша, - объявил он мне в спину.

– И что? - развернулась я и с вызовом дернула подбородком. - Ты же не думаешь, что я улягусь с тобой в одну кровать?

– Тогда где ты собираешься спать?

– В твоей комнате, конечно, - пожала я плечами. – Вопрос, где будешь спать ты.

ГЛАВА 7. Ликбез по родовым проклятьям

Полночи я крутилась в огромной кровати Макстена и пыталась заснуть. Проваливалась в полудрему и снова открывала глаза. В конечном итоге, когда меня сморил сон и перед глазами замелькали неясные образы, я почувствовала, что кто-то уверенной и дерзкой рукой гладит мое бедро. Все жеңские вещи оказались в заложниках у Мартиши, оккупировавшей спальню, и пришлось натянуть рубаху Макса. Она доставала до колен и вполне сошла за ночную сорочку. А сейчас кто-то эту самую рубаху-сорочку задирает до самого пупа!

Мгновенно приходя в себя, я стремительно откатилась на другой край кровати и свалилась на ледяной пол. Подозреваю, что от грохота проснулась даже Дунечка в клети, приспособленной под курятник.

– Алина, ты цела? – с края кровати свесилась голова Макстена, потом и рука: – Помочь подняться?

Сквозь темноту я возмущенно таращилась на мужскую пятерню и хотела цапнуть за палец. Выразительно проигнорировав сомнительную помощь, я сама поднялась на ноги и одернула рубашку.

– Что ты делаешь, Макстен Керн? – надеюсь, что голос прозвучал холодно, а не обижено.

– Мирюсь.

К слову, он завалился в кровать полностью обнаженный и даже не потрудился прикрыться одеялом. Лежал во всей первозданной красе. Учитывая, что прямо сейчас он был обязан кукожиться на кушетке в гостиной и энергично прочухивать, по какой причине оказался сосланным на одинокую ночевку в спартанских условиях, ни нагота, ни наглость не радовали. Я вдруг почувствовала себя, собственно, Макстеном Керном, отчаянно пытавшимся не свернуть шею Алине Захаровой, гонявшей на колдовской метле.

– Позволь уточнить, ты миришься, раздевая меня?

– Я выбрал способ, который понравится нам обоим.

– Ты мог просто извиниться, – сухо вымолвила я.

Видимо, он осознал, что легкого и приятного во всех отношениях примирения не получится. С усталым вздохом натянул на голые тела

одеяло и оперся спиной о высокое изголовье кровати. Ругаться с прикрытым Максом было проще, чем с обнаженным.

– Извиниться? - повторил он хрипловатым голосом.

– А чернокнижникам это запрещает вера?

– Нет, просто не за что.

– Да неужели? У меня на лице остались синяки!

– Не остались.

– Ладно, синяков нет, - фыркнула я, – но ты меня бросил среди ночи на другом конце света! Уму непостижимо. Хуже со мной только Эверт поступил, когда выставил из Мельхома в пижаме. Не пойму, это у тебя такой способ воспитания, что ли?

– А получается воспитывать?

– Нет, черт возьми! Мне двадцать три года, я сама способна кого угодно воспитать, даже вингрета. Скоро набью руку и за чернокнижников возьмусь, – заорала я. - Убирайся из моей комнаты!

– Строго говоря, это моя комната, - заметил он.

– Прекрасно! – прорычала я, хватая с кровати подушку. - Тогда отсюда уберусь я!

– Подушка тоже моя, – вымолвил мне в спину Макс.

Натуральным образом зарывав, я развернулась на пятках и швырнула подушку мужчине в физиономию:

– Подавись!

Надо отдать должное, он не стал ее подхватывать на подлете, позволил вписаться в лицо. Видимо, надеялся, что я растаю. Не дождется!

Отчаянно шлепая по паркету босыми ногами, я проскакала к двери.

– Домашние туфли надень, а то пол холодный, - точно издеваясь, посоветовал он. – Вспомни, как вчера скрутило Хинча.

– Переживу! – Я шибанула дверь с таким блаженством, что перед Мельхомом стало неловко.

Из вредности оскорбленный демон не зажег ни одного светильника, сжалился только на лестнице, озарив изящный лестничный изгиб единственным тусклым ночником. Но и тот немедленно потух, стоило спуститься в холл.

В гостиной на узкой кушетке, стоящей напротив незажженного камина, дрых Олень. Он был высок и не втискивался в мелкий

диванчик. Одну худую волосатую ногу с задранной штаниной он закинул на резную спинку, длинная рука свешивалась до самого пола. Эверт сладко сопел, под звонкий плеск играющей в фонтанчике воды странно улыбался и что-то бормотал под нос. Судя по всему, Макс выгнал из спальни ученика, но не прижился в чужой кровати и пришел мириться. Дипломат паршивый!

Тяжело вздохнув, я подняла с пола тонкое стеганое одеяло и набросила на спящего парня. Никаких вариантов с ночевкой мне не оставили, только занять постель Эверта и надеяться, что с утра мама Мартиша не завалится в спальню, чтобы пожелать сыну доброго утра. И ещё я поклялась себе не думать о том, когда он в последний раз менял постельное белье.

Когда я вышла из гостиной, то остолбенела от страха. В темноте плыла белесая тень в светлых одеждах до пола. В демоническом замке мне довелось столкнуться со всевозможными страшилками, но с призраком – впервые. На несколько сумасшедших секунд подумалось, что нас посетила какая-нибудь из прабабок Керн, мечтавшая откопать похороненные на родовом кладбище останки. Призрак замер в косых лучах луны, сочившихся из узких окон возле входной двери. Лицо озарилась седым светом, и я узнала Мартишу. В руках она неожиданно держала стакан с водой. Попить, что ли, ночью захотела, а сама заблудилась?

– Мама Эверта, что вы тут делаете?

Она не отреагировала. Беззвучно плыла по ледяному полу, широкая ночная сорочка колыхалась в такт шагам. Женщина снобродила, и мне стало не по себе. Однажды в телевизионном шоу говорили, будто лунатиков запрещалось резко будить, окликать по имени или хватать за руки, мол, от неожиданности они могли свалиться с сердечным приступом. В том, что у госпожи Ройбаш сердце покрепче, чем у нас вместе взятых, не возникало никак сомнений, но я решила подстраховаться и натравить на дамочку «любящего» сына.

Однако, чтобы Олень разбудил маму, для начала надо было разбудить самого Оленя, а он наотрез отказывался просыпаться.

– Эверт, вставая! – трясла я его за плечо. – Твоя мать как привидение бродит по холлу. Верни ее в спальню и закрой, пока не сбежала из замка.

Он промычал нечто неразборчивое и отмахнулся от меня рукой,

как от надоедливой мухи, едва не шлепнув по лбу.

– Эверт Ройбаш, - начала злиться я, – ты должен разбудить свою чокнутую мать!

– Сама буди эту страшную женщину, - промямлил он, не открыв глаз. Поворочался на узком диванчике и грохнулся на пол. Думала, что падение приведет парня в чувство, но ошиблась. Эверт завозился, подогнул колени, подложил сложенные ладони под щеку и заснул сном праведника. Сладкое сопение лучше любых слов говорило, в каком ночном кошмаре сын видел снобродящую родительницу, неожиданно, как снег в июле, свалившуюся на наши головы.

– Супер, – буркнула я. – Потом не обвиняй меня, когда она с претензиями накинется.

Мартиши не оказалось ни в холле, ни в кухне, ни в библиотеке. Она не уперлась в тупик перед дверью Хинча и даже не скатилась с лестницы в подвал, куда временно перенесли алхимическую лабораторию. Не понимая, где искать лунатика, я даже выглянула на улицу к залитому темнотой крыльцу с монументальной одинокой колонной, подпиравшей двускатный козырек. Никого.

Стало очевидным, что во сне мама Эверта дошагала до приемной чернокнижника!

– Черт, - пробормотала я и бросилась в погоню за гостьей. Не хватало, чтобы она открыла волшебный портал и переместилась в ледяные Северные горы (не исключено, что Олень не сильно расстроится из-за сгинувшей в снегах матери, но я брать грех на душу – не хотела).

Скудно обставленная комната с дремавшим на подоконнике цветком Васенькой оказалась пуста. Тускло светилась магическая дверь.

– Демон, будь другом, зажги огни, - попросила я. На стенах вспыхнула парочка светильников, развеявших и темноту, и мистический страх. Жаль, что Мельхом не умел приносить тапочки, но теперь у меня появился крылатый кот, вполне поддающийся дрессировке.

На втором этаже что-то покатилося по полу. Стремглав вбежав по лихо закрученным ступенькам, я влетала в кабинет. Мартиша с ритуальным черепом в руках застыла возле стены, подняв голову к зажженному светильнику, будто разглядывала стеклянный плафон.

– Мама Эверта, – позвала я.

Она резко обернулась. Черные, невидящие глаза были широко

раскрыты. Лицо побелело, черты заострились. Казалось, что женщина одержима демоном.

– Проснись! – с перепуга вырвалось у меня.

В ответ полетел ритуальный череп. Поймала только чудом, практически на краю лестницы и тем же чудом не скатилась по крутым ступенькам. Можно было крикнуть, что угодно, но я почему-то заорала:

– Зачем ты обижаешь Егорку, страшная женщина?

Даже оскорбление не пробудило лунатика. Она вдруг схватила с полки первую попавшуюся бутылку и хлопнула о пол. По паркету потекла зеленоватая жижа, исходящая дымком.

– Остановись, безумная! – нешуточно испугалась я, бросаясь на спасение чернокнижных богатств, но озверевшая тетка сильным замахом сбила с полки кучу мелочей, коробочек, баночек и флаконов. Волшебное хозяйство с грохотом посыпалось под ноги, разбивалось и катилось.

– Прекрати! – Я подскочила к Мартише и залепила звонку пощечину. Она дернулась и затихла. Руки упали.

– Извините, – немедленно извинилась я, решив, что дамочка пришла в себя. – Вы просто не просыпались...

Мгновением позже она пихнула меня с силой, характерной для взрослого мужчины. Как щепка я отлетела на пару шагов и, выронив череп, с размаху кувыркнулась в битое стекло. Напоролась раскрытой ладонью, изрисованной чернокнижником, на осколок. Руку отчаянно защищало, даже слезы выступили на глаза.

– Да что б тебе пусто стало, чокнутая! – прошипела я. Из глубокой раны торчала острая стекляшка и на рубашку Макса щедро капала кровь. На внешней стороне кисти немедленно огненными линиями вспыхнула магическая печать.

Взбесившаяся тетка нацелилась распотрошить ящик письменного стола и схватилась за ручку. Ударом магической волны ее отбросило в кресло, а на окне прочертилась кривая трещина. Мартиша затихла, уронила голову на грудь и внезапно всхрипнула, словно лежала в теплой мягкой кровати.

– Заснула! – не поверила я.

– Какого демона вы делаете? – прогрохотал Макс.

Видимо, как в прошлый раз в горах, он перенесся в кабинет по зову печати. Весьма удобная опция: личный чернокнижник-

телохранитель! Активация, правда, спорная: собственной кровью или жадными руками белых магов, но результат выше всяких ожиданий – можно перетерпеть.

Не находя сил подняться, я посмотрела на взбешенного мужчину и для чего-то улыбнулась:

– Привет.

– У тебя кровь.

– Ага.

Он пересек комнату. Под ногами хрустели стекла, громко треснула отломанная крышка шкатулки. Кажется, Макс не обратил внимания на то, сколько артефактов и ведьмовских штук было уничтожено взбесившейся гостьей. Впрочем, на самую дамочку, почивавшую в кресле, он тоже не смотрел. Присел рядом со мной, осторожно проверил порезанную ладонь на свет.

– Стекло застряло.

– Вижу.

Он разглядывал раненную руку, а я – его лицо, нахмуренное и серьезное. Брови сдвинуты, губы сжаты. Осторожно подул на порез, холодя кожу и неожиданно изгоняя боль. Вдруг осколок выскочил сам собой.

– Мама Эверта – буйный лунатик. Ее шарахнуло магическим разрядом. Странно, что волосы не встали дыбом, – пошутила я.

– Ты считаешь это смешно? – вкрадчиво уточнил он.

– Нет. Я по-настоящему напугалась.

Появление Эверта мы не заметили – увлекались игрой в «гляделки». Возможно, он гроыхал по лестнице, как дикое парнокопытное, но ни я, ни Макс не обращали внимания на посторонние шумы. Однако Олень умел быть очень громким...

– Учитель! – воскликнул он, заставив нас неохотно отодвинуться и оглянуться. – Исчадие ада? Кабинет... Мама?!

– Главное, не грохнись в обморок! – взвыла я, когда он схватился за сердце и начал закатывать глаза.

Утро стартовало с испуганного женского вопля, сотрясшего стены бывшего замка с нелепо прилепленной оранжереей. Мельхом услужливо ретранслировал визг в комнаты, перебудив абсолютно всех жителей. В том числе меня, мирно почивавшую в комнате хозяина

демонического жилища...

– Мельхом, – не открывая глаз, пробормотала я, – дружище, ты когда-нибудь дашь мне проснуться просто потому, что день хороший, утро долгое, а я отлично выспалась?

– Нет, поверь моему опыту, – раздался ответ хрипловатым голосом Макса.

Я подскочила на матрасе. Чернокнижник, только отчасти прикрытый простынкой, зарылся головой в подушку. Спрашивать, какого черта он забыл в комнате, было глупым. Понятно, что спал. Видимо, приполз, когда я впала в летаргию от усталости и плевать хотела, кого уложат рядом – крылатого кота, магический посох или нахального чернокнижника. Последний хотя бы не мяукал и не тыкался носом в лицо, требуя, чтобы покормили.

– Я чувствую, как ты прожигаешь дыру у меня в спине, – пробормотал он.

– Так и есть.

Спина, к слову, была шикарная, широкая, с крепкими мышцами, покрытая рисунками. На лопатке темнел сложный оккультный знак, по линии позвоночника шла линия букв, видимо, выжгли какое-то заклятье. И шрамы. Макстен не соврал. Четыре заметных белых рубца, как будто его полосовали плетью. Хотелось дотронуться пальцем, провести по каждой выпуклой линии, чтобы изгнать фантомную боль, которая наверняка мучила его во сне.

– Рука болит? – словно отвечая моим мыслям, вымолвил Макс.

– Болит, – согласилась я, сжимая и разжимая кулак. На перевязочной ткани темнело засохшее бурое пятно. Рана побаливала, но больше не кровоточила.

А Мельхом, не обращая внимания на маленькие неурядицы жителей, продолжал прямую трансляцию с «полей». Звуки гремящих ключей, скрипнувшей двери и шагов словно лились из огромных колонок радио, вмонтированных в потолок. К слову, о потолках. Может, гостя увидела отражение в огромном зеркале, испугалась и завопила, как одержимая банши, на которую походила ночью?

– Матушка, вы в порядке? – прозвучал голос Оленя.

– Эверт?! – в пронзительном сопрано госпожи Ройбаш слышалось изумление. – Где я?

– Чего? – не понял он.

Мы тоже не очень поняли. Макстен поднял взлохмаченную голову от подушки и прислушался.

– Вы в Мельхоме, – напомнил Эверт матери. - Приехали вчера.

Видимо, после магического удара предыдущий день начисто стерся из памяти Мартиши Ройбаш. Мы настороженно переглянулись. Перспектива второго знакомства с гостьей, мягко говоря, вызывала нервную почесуху. На лице Макса сократился мускул. Я даже побоялась ехидничать.

– Почему я приехала к тебе, – продолжала с претензией вопрошать родительница, - если направлялась в Троквен на день рожденья твоей тетушки?

– А тетушка еще жива? - попытался любящий сын изобразить живой интерес к светскому миру.

– Да, и каждый раз спрашивает, когда ты сваришь ей эликсир вечной молодости. Очень стыдно говорить, что ты пока ни на что не способен! Кстати, почему у меня забинтован указательный палец? И куда делось кольцо с рубином?!

– Пора приветствовать гостей, – сдался Макс и встал с кровати. Вообще сразу после пробуждения, он так сильно «любил» окружающий мир и людей его населявших, что едва сдерживался от смертельных проклятий в адрес любого возлюбленного, случайно вызвавшего досаду. Может, решил лично расправиться с надоедливой теткой?

Пока чернокнижник был занят натягиванием штанов, а не планированием убийства (хотя не возьмусь утверждать), я спросила:

– Думаешь, вчера в нее вселился кто-то из Кернов?

– Возможно. - Он бросил на меня хмурый взгляд. – Мартиша не помечена родовым знаком.

На повторное знакомство с мамой Эверта я собиралась без спешки. Со вкусом выкупалась в личной ванной Макстена, до внезапной перепланировки являвшейся нашей совместной. Дождалась, когда на втором этаже наступит абсолютная тишина и прошмыгнула к себе в комнату за платьем. Посреди спальни стоял закрытый дорожный сундук, а на кровати лежали с педантичной аккуратностью сложенные вещи госпожи Ройбаш. Запершись на ключ, я спокойно оделась, привела в относительный порядок волосы (в смысле, убрала под кожаный ободок) и спустилась.

На кухне Хинч, принаряженный в поварской фартук, с

энергичностью шеф-повара строгал огромным тесаком ветчину для омлета. Возле ног прислужника обтирался крылатый кот. Изредка Карлсон басовито, совершенно не по-кошачьи рявкал, выпрашивая вкусняшку.

– Никакого воспитания, - буркнул прислужник, отодвигая кота ногой. - Выгоню во двор, демон!

Вингрет плевать хотел на воспитание, притом в прямом смысле слова: он захлебывался слюной от ароматных запахов и требовал еды. Оставалось надеяться, что с утра хвостатый зверь не походил на Макстена и не жаждал кому-нибудь свернуть шею, например, глупышке Дунечке. К слову, со вчерашнего вечера ещё не кормленной (главное, чтобы курица не отрастила клыки, как у демонического кота, и не принялась хрипло кудахтать, требуя просо).

– А где... все? – поинтересовалась я.

– Хозяин демонстрирует госпоже Ройбаш оранжерею. – Слуга нервно дернул уголком рта. - У меня как раз созревают плоды агвы.

«Агвой» Хинч называл помидоры и искренне считал их лекарством от всех болезней, особенно от ревматизма. Они висели на понурых ветках зелеными кулачками, так что я понятия не имела, каким образом старик собирался лечиться. Растирать в пюре и намазывать на поясницу или же принимать внутрь? Но он трясся над грядками, как белый маг над посохом. Каждый день поливал, опрыскивал какими-то зловонными эликсирами и раз в неделю заставлял Эверта заговаривать землю от жучков, точивших корни.

– Крепитесь, - решительно поддержала я прислужника.

– Стараюсь.

Тут троица появилась на кухне. Мартиша держала в руках маленькую сумочку и улыбалась неприятной тонкой улыбкой, изгибавшей подкрашенные губы. Лицо покрывал слой светлой пудры, видимо, маскировавший след от ночной пощечины – была я от души, не жалея. Эверт казался таким несчастным, будто страдал жесточайшим несварением и при этом отчаянно, почти невыносимо хотел чихнуть. И только Макстен выглядел обманчиво-расслабленным.

Они разместились за столом. Мартиша расправила юбку и заметила крылатого кота. К нему прилагалась девица в светлом платье, за которое этот самый кот цеплялся, вымаливая кусок ветчины. Рентгеновский взгляд госты просканировал меня от самой макушки,

особо замер на оттопыренной куском ветчины щеке и на нескромном вырезе платья (я не виновата, что у теток Керн была любовь к низким декольте, похоже, в отличие от меня им было чего из платья выпятить).

– А вы? - спросила она.

– Алина. Не замужем, не в учении, не в услужении, живу во грехе, – отбарабанила я и решительно собралась сесть за общий стол.

– С кем? – заторможено моргнула гостя.

Я замерла с недонесенной до стула пятой точкой.

– Что с кем?

– Живете во грехе?

Пришлось обвести мужчин в поисках жертвы. Хинч старый, Эверт нервный, Макс – наглый и вообще чернокнижник. А еще он с большим интересом изучал провокационный вырез платья в нежный цветочек.

– С ним, - ткнула я в сторону колдуна пальцем и плюхнулась на стул.

– Действительно? - видимо, Мартиша требовала подтверждения, что языкатая девица не грешит с ее сыном.

– Действительно, – кивнула я. - В теории, чем больше черный маг грешит, тем сильнее у него проклятья и проще передвигаются неподъемные сундуки. Не знали?

– Эверт, ты достаточно грессишь? - немедленно накинулась на сына мать.

– Главное, регулярно, - фыркнула я, любуясь на красную физиономию Оленя.

– Мартиша, - вдруг обратился Макстен, прожигая меня таким взглядом, что, боюсь, даже фарфоровым чашкам на столе сделалось неловко, – Алина не из наших мест, и она моя невеста.

В воцарившейся тишине раздался оглушительный звон упавших из рук Хинча тарелок. Одним махом впечатлительный прислужник уничтожил половину обожаемого им сервиза. Могу поспорить, что за последние дни мы переколотили в замке почти все, что могло разбиться.

Ко всеобщей радости Мартиша не хотела оставаться в Мельхоме и отправила послушного сына за извозчиком в Троквен. А я надеялась заказать новые башмаки у сапожника и вышла из магической двери за компанию. Родной город семьи Ройбаш мало чем отличался от

Вестерских ворот, разве что портал вел не на шумную площадь в центре города, а на тихую безлюдную улочку, где у половины домов были заколочены досками окна. Мельхом походил на пустой, заброшенный особнячок, неприметный и давно беспризорный. Судя по ветхости, держалось строение только по воле занявшего его демона.

– Раньше здесь были притоны, – поделился воспоминаниями Эверт. – Место всегда пользовалось дурной славой, а когда открылась магическая дверь, то переулок посчитали проклятым. Сейчас сюда даже бродяги опасаются заходить, Мельхом отпугивает.

– Но ты не побоялся постучаться в магическую дверь, – заметила я. Переулок действительно выглядел мрачным, как в фильме о зомби-апокалипсисе.

– Ты познакомилась с моей матушкой, – с тоской вздохнул ученик. – Я бы постучался в ворота преисподней, если бы она решила, что там обязаны учить магии.

Мы переглянулись, пряча улыбки.

– Ты, правда, грешишь с учителем? – вдруг буркнул Эверт.

– Ты же знаешь, что лезешь не в свое дело? – уточнила я.

– Ага.

– Беспокоишься, что он назвал меня невестой?

– Нет, – покачал головой Эверт. – Я забыл, когда он в последний раз задерживался в Мельхоме дольше седмицы. Макс – хороший наставник. Он в совершенстве владеет черной магией и может многому научить.

– Только методы у него спорные, – заметила я. На мой взгляд, овладение черной магии по Макстену Керну напоминало варварский способ, каким в старые времена учили плавать особенно невезучих мальчиков. Вывозили в центр реки на лодке и швыряли в воду. Хочешь жить – плыви.

– Истинная правда, – вздохнул ученик и махнул рукой: – Тебе налево, мне направо.

За разговором мы незаметно добрались до перекрестка. Я огляделась, чтобы запомнить ориентиры и не заблудиться на обратной дороге: дом с белыми ставнями и цветочными горшками на подоконнике, тележка торговца овощами, деревянная стрелка с названием улицы, висящая на гвозде и указывающая острым носом в выщербленную мостовую.

- Встретимся у двери, - попрощался ученик.
- Удачи, Эверт.
- Исчадие ада, я больше не Олень? - искренне удивился он.
- Конечно, Олень. Думал, повысила?

Мартиша Ройбаш утверждала, что недалеко от Мельхома на торговой улице имелась неплохая мастерская. Судя по ее туфелькам, в хороших сапожниках матушка Эверта разбиралась. Вскоре я действительно нашла лавку с приметным деревянным сапогом, висевшим на железных цепях. Старый мастер встретил меня радушно. Помощник мигом обмерил ступню, подобострастно поохал над маленьким размером и ловко предложил несколько моделей красивых ботильонов.

Я заметила, как он покосился на мои раздолбленные башмаки, и с трудом подавила желание задвинуть их под лавку.

– Хотите примерить готовые туфли? – спросил парень. – Мы ошиблись с меркой и от пары отказались.

Обувь с небольшим удобным каблуком оказалась немного широковатой, но затягивалась на шнурок, так что отказываться не имело смысла. Я расплатилась за покупку и еще оставила несколько монет в счет заказа на ботильоны. Пока мастер писал расписку, украдкой покосилась на улицу. С другой стороны витрины изображал манекен Ирен Орсо и буравил меня прямым немигающим взглядом, словно маньяк из триллера. Без искусственной бороды, тяжелой мантии и посоха он выглядел моим ровесником, а не молодежавшим сильно похудевшим Дедом Морозом. Возле мага топтался невысокий кругленький типчик, прижимавший к груди ворох бумажных свертков.

Не знаю, какой черт меня дернул, но я вытянула руку и показала сеятелю добра средний палец. Он даже бровью не повел. Похоже, в магическом мире жест оскорбительным не считался. Прислужник нахмурился и, выронив на тротуар пару свертков, выставил указательный палец. Мол, видела? У нас все пальцы на месте!

– Госпожа, – отвлек меня от «обмена любезностями» сапожник, – возьмите расписку за принятые деньги. За заказом приходите через седмицу.

– Спасибо, - кинула я и покосилась в окно.

Ирен вместе с прислужником и свертками исчезли. Оказалось, ненадолго. С обувной коробкой в руках я возвращалась к магической

двери, когда маг выскользнул из пространства буквально перед моим носом и перекрыл дорогу. Некоторое время мы молчали.

– Господин белый маг, пройти не дадите? - не удержалась я.

– Я хочу, чтобы ты, нечестивая девица, передала... – тихим, но грозным голосом начал он.

– Ты меня с курьером спутал? - перебила я. - Конечно, понимаю, проще всего зажать в угол и напугать девчонку, но давай ты сам как-нибудь с Макстеном переговоришь.

– Дерзишь? – процедил он.

– Надоедаешь? - ответила я.

Нервы у Ирена сдали. Он схватил меня за платье и с силой дернул. Коробка с новыми туфлями выпала из рук. Я схватилась за жилистое запястье белого мага и мгновенно активировала магическую печать. Метка чернокнижника загорелась алым цветом.

– Тебя учили держать язык за зубами? – процедил мне в лицо Ирен.

– Хозяин, убивать женщину – бесчеловечно! – из-за кучи пустых корзин, наваленных возле стены, послышался испуганный голос прислужника.

– Заткнись, Реззо!

Мы почти терлись носами, платье натягивалось на спине, швы трескали. Приходилось стоять на цыпочках, чтобы одежда не расползлась на лоскуты. Тогда-то я заметила, что в светлых, водянистых глазах белого мага горело демоническое пламя.

– Ты ему передашь...

Вдруг Реззо тоненько взвизгнул. Мы машинально оглянулись. Макс держал толстячка за шкуру, как нашкодившего вингрета. Прислужник багровел и хватался за упитанную шею.

– Хозяин, – прокряхтел он, - спасите.

– Что она должна передать, недоносок? – даже на расстоянии ощущалось, что чернокнижник находился в тихом бешенстве.

Ирен немедленно оттолкнул меня, и я неловко плюхнулась на пятую точку, в блин смяв обувную коробку. В ответ Макс швырнул возопившего прислужника в корзины. Гора мигом рассыпалась.

– Ты хотел разговора. - Чернокнижник развел руками. – Говори.

– Скоро все начнется, - с улыбкой чокнутого клоуна прошипел Ирен. Театральным жестом он громко щелкнул пальцами и разлетелся

белым дымом. Я помахала перед лицом ладонью, пытаюсь разогнать завесу.

Чернокнижник схватил белого прислужника за грудки и одним рывком вытащил из груды корзин, где тот притворялся мертвым. Видимо, посчитал, что с черными магами лучше действовать, как с медведями: упал на землю и притворился мертвым.

– Живым я не дамся! – взвизгнул он. – Ты не забереешь мою праведную душу! Я служу добру!

Макстен вернул странному типу вертикальное положение, даже одернул на нем рубашку, а потом тихо приказал:

– Беги.

Слуга сорвался с места, как по хлопку спортивного пистолета, и дал такого стрекача, что только пятки замелькали.

Кряхтя, я поднялась с выщербленной пыльной брусчатки и застонала над раскуроченной коробкой:

– Хорошо, что шляпку не купила!

За спиной выразительно кашлянул Макс. Я состроила вид, будто не слышала. Чего торопиться получать подзатыльники?

– Алина, почему ты была одна?

– Прежде чем ты объявишь третье предупреждение Эверту, позволь объясниться, – резко развернулась я к чернокнижнику.

С хмурым видом он упирал руки в бока и, видимо, жаждал вынести третье предупреждение абсолютно всем, даже моим новым туфлям. Вынес бы и коробке, но она уже была уничтожена.

– Это я уговорила его разделиться!

– Врешь.

– Для мужчины, бросившего меня ночью на краю света, ты слишком сильно волнуешься, – вспомнила я, что лучшая защита – это нападение.

Он сгреб меня в охапку и крепко прижал к груди.

– Алина?

– М-м-м?

– Ты немедленно возвращаешься домой.

– А туфли-то можно забрать?

– Да.

– Обещаешь не наказывать Эверта?

– Нет.

– Он не виноват, я в жизни не могла подумать, что встречу в Троквене сеятеля добра. Эверт говорил, что это десять дней езды от Ансея. – Я подняла голову и заглянула в хмурое лицо Макстена. – Странно, правда?

– Странно – не то слово, – согласился он.

Разбор полетов прошел в сугубо мужской компании в кабинете Макстена, но Эверт так сильно обрадовался отъезду матери, что забыл обидеться на меня. Когда карета, увозящая Мартишу, растворилась в пыльном облаке, сын закрыл магическую дверь и счастливо улыбнулся:

– Спасибо вам, демоны!

Вечером в замок пришли просители. Понятия не имею, о чем шла речь, но едва за ними закрылась магическая дверь, как чернокнижник с учеником начали спешно собираться. Когда они, хмурые и сосредоточенные, уходили из Мельхома, то я едва не предложила посидеть на дорожку. На спине Макса был пристегнут арбалет, из заплочной сумки у Эверта торчали заточенные колья. Острием вверх.

– Вы идете ловить вампиров? - спросила я.

– Будем ближе к утру, - невпопад ответил Макстен.

Дверь закрылась, вспыхнул контур. Замок разом опустел и погрузился в тишину. Ниоткуда внутри появилось странное ноющее чувство. Через час после ухода чернокнижников, я поймала себя на том, что мерю шагами холл и с наслаждением грызу ноготь. Жена боевого генерала, блин!

– Госпожа Алина, - позвал меня Хинч, останавливая метания. - Поможете в оранжерее?

Видимо, пожалел начинающего неврастеника и придумал отвлекающее занятие.

– Собираетесь снимать помидоры? – поддразнила я.

– Агва ещё не вызрела, – с каменным лицом объявил он, давая понять, что никогда в жизни не назовет божественный плод непонятным плебейским «помидором». Да садовод-любитель даже мысли не допускал, что великая агва могла расти в каком-то там плоском мире, где вместо магии использовали непонятное электричество, а колдунов считали мошенниками.

В царство Хинча я заглядывала редко, ведь он с трудом выдерживал даже набеги Эверта. К моему удивлению, в самом центре

экзотического сада топорщилась молоденькая пальма с большими ярко-фиолетовыми цветами, совсем скоро обещающими перерасти в банановые плоды. Невольно я подняла голову, проверяя высоту стеклянного купола. За последние дни он действительно заметно поднялся.

– Здесь всегда была банановая пальма? - удивленно спросила я, семена по узкой тропке за Хинчем.

– Вам знакомо это странное дерево? - резко оглянул он.

– Да, банановые пальмы растут в моем мире, – объяснила я и немедленно исправилась: – на самом деле, его правильно называть банановым деревом. Смотрите, скоро появятся плоды. Будет огромная связка. Ствол надо чем-нибудь подпереть, чтобы не сломался.

– Вы знаете, как за ним ухаживать? – уточнил Хинч. – В вашем мире их часто сажают?

– Нет, просто я как-то в Интернете смотрела. Не спрашивайте зачем.

– Что такое Интернет?

– Ну... – «зависла» я.

– Какой-то особый гримуар? - помог он.

– Типа того. Бескрайний гримуар с ответами на все вопросы. У него спрашиваешь, мол, Алиса, параллельный магический мир существует? А она тебе весело отвечает: «Кукушка, что ли, сломалась? Кто такие вопросы задает тупому компьютеру? Лучше помой грязную посуду, уже неделю в раковине лежит».

Последовала очень странная пауза. Хинч разглядывал меня, как дурочку. В тишине журчал спрятанный в зарослях фонтанчик.

– Может, вы и эти цветы ухаживаете? – наконец, вымолвил прислужник, решительно закругляя разговор.

– Показывайте, - согласилась я.

Мы двинулись в другой конец оранжереи.

– Вам нравятся банановые деревья? - не оглядываясь, спросил Хинч.

– Мне нравятся бананы, – уточнила я. - Плоды.

– Смотрите здесь, - остановился прислужник. На искусственном пригорке цвел шикарный куст розовых пионов. От тяжести круглые бархатные бутоны клонились к рыхлой черной земле. В воздухе веяло знакомым с детства ароматом, заставлявшим щемить грудь. Я присела и

осторожно прикоснулась к холодным розовым лепесткам с каплями воды.

– Похоже, вы их знаете, - сухим голосом резюмировал прислужник.

– Это пионы, – объяснила я. - У бабушки дача ими засажена.

– И вы их тоже любите?

– Да, - усмехнулась я. – Очень.

– Какие могут быть сомнения, – пробормотал Хинч, не скрывая недовольства тем, что Мельхом притащил в его оранжерею неведомые чужеродные магическому миру растения.

– Вы хотели, чтобы я вам помогла, – выпрямилась я. - Что надо сделать?

– Подрезать побеги мавы, но в одни руки боюсь поломать стебли, - неопределенно кивнул он.

Мава представляла собой высоченный куст с густой листвой, закрытыми цветочными бутонами и длинными, как иглы, шипами (розы нервно косятся из угла). Хинч вручил мне секатор, а сам осторожно поднимал листья и указывал, где именно отрезать. Сок у растения оказался красный, как кровь. Он капал густыми каплями на платье, оставался на коже. Зрелище, мягко говоря, было жутковатым. Казалось, что я режу острыми лезвиями человеческую плоть, а не мясистые сочные листья растения.

– Маву еще называют «кровавым цветком», – пояснил Хинч. – Из-за цвета сока.

– Справедливо, - хмыкнула я, с грустью вспоминая пионы. Хотелось срезать большой букет, спрятать воспоминания о доме в комнате и никому не показывать.

– Хозяину заказали поймать умертвие проклятой девственницы, - произнес Хинч. - Знаете, что делают колдуны, чтобы справиться с умертвием? Пьют кровь животных, разбавленную соком мавы. Магия закипает и кажется неисчерпаемой.

– Для чего вы это мне рассказываете? - не удержалась я.

– Не надо тревожиться за него, Алина, – едва заметно улыбнулся Хинч. - Сейчас Макстен Керн – самый опасный хищник в магическом мире.

– Ладно, - мне стало совестно, что я нарычала на прислужника. – Спасибо, Хинч.

– Не за что.

Он наклонился, чтобы собрать листья, но немедленно схватился за поясницу и замер. Как представила, что потащу скрученного в бублик прислужника из оранжереи, так нехорошо сделалось.

– Хинч, не наклоняйтесь, у вас спина прострелена! – Я бухнулась на корточки и поспешно принялась собирать листья, измазанные в кровавом соке. – Сейчас все сгребем шустренько.

Шустренько не получилось, потому что иголка, украшавшая один из обрезанных побегов, впиалась мне в палец. Надеюсь, что нежные цветы оранжереи не испытали культурного шока от нецензурного слова, подлетевшего к стеклянной крыше их общего дома. Хинч даже бровью не повел, только спросил:

– Больно?

– Хинч, почему мне кажется, что вы ехидничаете? – промычала я и проверила ранку на свет. Сок мавы въелся в кожу, и пальцы выглядели перепачканными засохшей кровью.

– Вам дать платок? – любезно предложил прислужник и вытащил из кармана наглаженный чистенький платок с черной пентаграммой во весь лоскут.

– Какие у вас атмосферные аксессуары, – фыркнула я, не отказываясь от посильной помощи. Замотала сразу четыре пальца, но пока убирала листья, повязку благополучно потеряла.

Отмывалась мава ничуть не лучше настоящей крови! Вымазанное платье пришлось выбросить, а чтобы оттереть руки я истратила половину флакона мыльного раствора. И каждую минуту вынужденных постирушек «добрым словом» поминала прислужника. Нельзя было просто сказать: Макс под допингом, не коси глазом, не дрожи губой – он почти неуязвим? Нет, ведь! Устроил урок ботаники!

К середине ночи ни непобедимый чернокнижник, ни его ученик не появились. Я сидела в библиотеке, тщётно пыталась читать, но постоянно поглядывала в окно, будто парочка должна была влететь в замок, а не войти через магическую дверь. Неожиданно в тишине кто-то зашептал, неразборчиво и очень жутко. Я резко обернулась, пытаюсь отыскать источник неприятно шипения. Библиотека пустовала. Стеллажи утопали в глубоких тенях.

– Мельхом, зажги верхние огни! – громко проговорила я и добавила: – Пожалуйста.

Огни мне не зажгли даже при наличии волшебного слова. В полутьме от гримуара на деревянной подставке, похожей на пюпитр, исходило слабое розоватое свечение.

– Я знаю... знаю ответ... скоро спросишь... – летел потусторонний шепоток от закрытой колдовской книги. – Открой... ответ...

В гробу я видела эти ваши демонические шуточки!

Недолго думая, соскочила с кушетки и сбежала из библиотеки. Лучше почитать в комнате под одеялом и при полной иллюминации. Если, конечно демон пожелает зажечь светильники, но пока никакого желания он не проявлял. Ни в холле, ни на лестнице света не было. Странному энергетическому кризису в демоническом замке логического объяснения не находилось. Разве что Мельхом дрых без задних ног, как наевшийся мяса вингрет.

– Мельхом, зажги огни, – попросила я, стоя у подножья лестницы. – Не вредничай.

Неохотно мигнул ночник, плеснувший в темноту толику жиденького света. На стене нарисовалась тень, похожая на корону, на ступеньках появился тусклый серебристый круг.

– Мельхом, потуши огни, – раздался резкий приказ чернокнижника.

Я порывисто оглянулась и неожиданно оказалась сметена в объятия. Даже пискнуть не успела, как мужчина завладел моими губами. Поцелуй был жесткий, яростный и меньше всего напоминал утонченную ласку. От Макстена пахло кровью, пепелищем, сладким ароматом сока мавы и терпким, мускусным запахом разгоряченного мужского тела. В первое мгновение я опешила от неожиданно яростного вступления. Позволила оттеснить себя к стене. Уверенной рукой, не ожидая согласия, он задрал мне юбку, заставил закинуть ногу на пояс и втиснулся напряженным пахом.

– Если Эверт увидит? – пробормотала я. Мелкие поцелуи протанцевали по моей шее, зубы сжались на мочке уха. Дыхание оборвалось. Уверена, завтра в зеркале над кроватью я увижу, что шея покрыта темными метками.

– Вряд ли сегодня Эверт вернется в замок, – прошептал Макс, обводя языком ушную раковину. Странная ласка, непривычная, даже не человеческая – скорее звериная.

Он отстранился, не разрывая зрительного контакта и тяжело дыша, одной рукой начал расстегивать штаны, пальцы другой впивались в мое бедро. Скорее всего, до синяков.

Неотрывно я смотрела в знакомое и одновременно незнакомое лицо. Самый опасный хищник магического мира, что с тобой делает эликсир из крови и сока мавы? Отключает рассудок, обнажает инстинкты? Но страшно не было. Подсознательно я понимала, что все происходящее – просто ещё один вид любовной игры, дикой, необузданной и незнакомой, но все-таки игры. Бешеный огонек в глазах незнакомца, пахнущего кровью и соком мавы, потухнет, и Макс снова превратится в мужчину, спасавшего мне жизнь, пощадившего крылатого кота и даже облезлую курицу. И я хотела всего, что он захотел бы дать. Можно крупным оптом. Даже боль. Выгнула спину, до темноты в глазах желая первого резкого проникновения...

Макстен замер.

– Что... почему ты остановился? – Я даже не пыталась скрыть в голосе нетерпения и разочарования. Он выпустил мою ногу, и юбка охотно прикрыла непотребность.

– Твои руки.

Руки ничуть не затекли, пока цеплялись за чернокнижника, более того желали бы цепляться дальше. А как нам с руками понравилось, когда он оставлял горячие поцелуи на запястьях!

И ещё они светились.

Вены, капилляры, кровеносные сосуды, словно накаченные неоновыми красками переливались под бледной кожей. Вряд ли эффект «новогодней елки» у обычного человека был совместим с жизнью.

– Красиво-то как, – пробормотала я, отгоняя издевательскую мысль, что мне суждено помереть недолюбленной самым крутым мужиком магического мира. Но додумать не удалось – сознание отключилось...

Я открыла глаза и обнаружила, что темнота утратила густую непроницаемость, характерную для мира без электричества. Комнату заливала сизая полумгла. В окно как обычно светил мерзостный фонарь, стоявший на детской площадке. Горел глазок приставки спутникового телевидения, подмигивала лампочка большого прямоугольного телевизора на стене. Под окном завывала сигнализация соседской

машины, в подъезде гудел лифт. Сколько света и шума сразу! Это была моя квартира со светлыми обоями на стене и круглым половиком на ламинате!

Ошарашенная, я зажгла ночник над головой и схватила с тумбочки мобильник. Почти полночь. День тот самый, когда я перенеслась в магический мир. Вроде бы не случилось никаких сумасшедших недель в страшной сказке. Макстена Керна тоже никогда не было. И я решительно отказывалась анализировать, почему в районе сердца вдруг начала шириться черная дыра.

Несмотря на поздний час, я быстро набрала мамин номер. Рано она не легла, но все равно пришлось выслушать долгую трель длинных гудков. Наконец зазвучал вполношенный голос:

– Алинка, что случилось? Почему ты звонишь среди ночи? Все хорошо? Ты попала в аварию? Тебя арестовали? Ты в коме?

– Мама, - хмыкнула я в трубку, – как бы я тебе позвонила, если бы была в коме?

– Тогда зачем звонишь?

– Просто, - вздохнула я. - Хотела сказать, что люблю тебя.

– Ты пьяная?

– Нет, - рассмеялась я.

– Признавайся, что случилось? Коллекторы окна пobiли?

– Что... мама, какие еще коллекторы? - сморщилась я. - У меня даже кредитов нет. Люблю вас с папой. Спокойной ночи.

Я отключила вызов и проверила экран. Ноль неожиданно поменялся на единицу, и в мире без магии незаметно начался новый день. Телефон в моей руке погас, а я... проснулась.

Комнату в замке Мельхом заливал яркий солнечный свет. Пространство окутывала тишина: ни рычания машин, ни грохота лифта, ни разговоров соседей за стеной. Голова казалась ясной и легкой. Я пошевелилась, потянула затекшее тело и повернулась на бок. С другой стороны кровати с мрачным видом за мной следил Макстен. Он совершенно, вопиюще не соответствовал ясному утру, царящему в междумирье: небритое лицо осунулось, в глазах застыла усталость.

– Привет, – хриловатым ото сна голосом вымолвила я.

– Привет, - через паузу отозвался он.

– Долго я валялась без сознания?

– Двое суток.

– Сколько? - Я резко села, но из-за подкатившего к горлу тошнотворного комка тут же осторожненько прилегла обратно на подушки. – Гордись, мужчина! От счастья, что мы наконец добрались до близости, меня вырубило на два дня.

– Тебя вырубило на два дня проклятьем забвения, – объявил Макс.

– Каким ещё проклятьем?

– Ты впала в летаргический сон.

Постойте, я превратилась в спящую царевну? Этакая Белоснежка и три гнома, один из которых чернокнижник, второй одержимый демоном людоед, а третий вообще не гном, потому что почти под метр девяносто ростом. Вместо порхающих птичек – курица, вместо зверюшек – кровожадный вингрет. Какое счастье, что мне удалось проснуться! Иначе через недельку мужики уложили бы меня в стеклянный гроб, занесли в лабораторию и со вкусом пытались привести в чувство, ставя разные алхимические опыты.

– Мне надо в ванную, – объявила я и под внимательным взглядом Макстена тихонечко сползла с кровати. Только-только героически добралась до коридора, как он подхватил меня на руки.

– Я помогу.

Дальше дело пошло веселее, задорнее, а главное, приятнее. Если в мытье помогает родовитый чернокнижник, то замковый демон сам наливает воду, регулирует комфортную температуру и заметно увеличивает в объеме чугунную ванну.

Мы начали целоваться, когда с моих волос стекала пена. Открыть глаза было совершенно невозможно, и все ощущения казались по-особенному острыми. Одежда Макстена промокла насквозь. Пока он, путаясь в завязках и пуговицах, поспешно разоблачался, я едва не утопилась, пытаясь поскорее смыть голову, но ровно через минуту это стало абсолютно неважным...

Макстен был мастером. Он знал, где стоило мягко лизнуть, а где обжечь жалящим поцелуем. Прикусить, приласкать. Снова вернуться к губам, прочертить языком линию до груди, обхватить сосок. Движения мягкие и осторожные, *сдержанные*. Мужчина, смотревший мне в глаза, совершенно не напоминал незнакомца с лестницы, возбужденного коктейлем из крови и сока мавы. Помогите мне, демоны, но я точно знала, кого из них хотела больше.

– Что? – хрипловато прошептал Макстен.

Все здорово, но... Обняла ладонями лицо Макса, погладила щеки, нагнулась, заставив нас обоих судорожно втянуть воздух, и прошептала в приоткрытые губы на выдохе:

– Хочу то, что мы начали в холле.

Мгновение. Взгляд стал порочным, соблазняющим и хищным. В предвкушении я прикусила нижнюю губу. И я не ошиблась, Макстен Керн не только божественно целовался. Все остальное он делал столь же божественно. Странно, как Мельхом не захлебнулся водой, расплесканной из ванны по каменному полу.

– Что тебе снилось во время забвения? – тихо спросил черно книжник, когда пресыщенные и уставшие, тесно переплетаясь ногами, мы лежали в остывающей воде. Я прижималась спиной к обнаженной груди Макстена и словно находилась в блаженной полудреме.

– Дом. – Я следила, как мужской палец выводил завитки нового рисунка на предплечье – очередного темного знака, запечатавшего случайное проклятье.

– Ты улыбалась и не хотела просыпаться, – задумчиво резюмировал он.

После двухдневного сна и исключительно энергичного пробуждения есть хотелось нечеловечески. Наскоро одевшись, я спустилась в кухню, где меня с гостеприимным мяуканьем встречал одомашненный хищник. В смысле, вингрет, а не Хинч. Прислужник встретил сдержанно.

– Рад видеть вас в добром здравии. Я кормил вашего кота и курицу.

– Благодарю.

Я многозначительно улыбалась и надеялась, что меня тоже покормят, но слуга явно был не в настроении, так что еды не предложил. Пришлось наскоро сооружать бутерброды и заваривать чай. Наше величество, негодное и ужасно голодное, вполне способно накормиться без чужой помощи.

– А где Эверт? – нарезая хлеб (если судить по сухости, позавчерашний), уточнила я.

– Хозяин отправил ученика совершать добрые дела в Ансель.

– Мы теперь тоже сеем добро и трудимся ради справедливости? – не удержалась я от ехидного смешка.

– Он исправляет косоглазие одному юному господину, а заодно выясняет, не сбежал ли из города белый маг, – выказал потрясающую осведомленность прислужник. – Хозяин просил, чтобы после завтрака вы заглянули в его кабинет. Если больше вопросов нет, то с вашего позволения удалюсь.

– Хинч, а помидоры в оранжерее созрели? – из хулиганства спросила я.

– Агвы, – высокомерно поправил он. – В нашем мире ваши помидоры называют агвами.

Я проводила прислужника недоуменным взглядом и проворчала:

– Ну, что сразу мои помидоры? Они общие...

О разгроме, устроенном Мартишей Ройбаш в кабинете чернокнижника, напоминала только трещина на оконном стекле. Флаконы, шкатулки, непроницаемые, словно запаянные коробочки – всё стояло на своих местах. Несмотря на солнечный день, в помещении царил полумрак. Эверт однажды объяснил, что он меркнет из-за черной силы артефактов.

Макс сидел за столом перед серебряной тарелкой и жег в ней клочки бумаги. Едва листик достигал дна, как вспыхивал синим пламенем и быстро сгорал, не оставляя пепла.

– Что делаешь?

– Дрессирую адресный портал, но письма не доходят.

– Куда? – полюбопытствовала я.

– В твой мир. – Он отставил тарелку и кивнул на обитый кожей стул. – Садись.

Наполненная до краев трепетным восхищением, я не села, а плюхнулась: восхищение оказалось слишком тяжелым.

– Расскажи, что ты делала вечером, когда мы с Эвертом покинули Мельхом.

– Дергалась, волновалась, помогала Хинчу в оранжерее, пыталась читать, потом ты вернулся.

– Помогала Хинчу? – вдруг напрягся Макстен.

– Мы срезали побеги мавы. Жуткое растение, и сок у него – отвратительный.

На горле у чернокнижника дернулся кадык. Цветок, что ли,

вспомнился? Некоторое время, погруженный в мысли, Макс барабанил по столу пальцами. Дробь внезапно оборвалась, словно он принял какое-то важное решение.

–Хинч, я знаю, ты давно стоишь внизу, - громко сказал он. - Я тебя жду.

Прислужник ступал абсолютно неслышно. Он поднялся и замер, не отходя от лестницы, словно приблизиться к хозяину ему не позволяла невидимая стена.

– Проклятье забвения? - тихо вымолвил Макстен. - Милосердная смерть?

Почему он обвинял в случившейся неприятности старика? Я полагала, что сама неосторожно заработала проклятье, когда порезалась во время драки с Мартишей. Весь кабинет был засыпан осколками, залит эликсирами и засыпан черными артефактами. Не кабинет, а минное поле! Даже человек в химзащите, одетой на бронежилет, вляпался бы в какую-нибудь магическую гадость.

– Ты же не обвиняешь Хинча? – тихо спросила я.

– Алина... – фирменным ледяным взглядом пригвоздил меня к стулу чернокнижник.

– Только не надо затыкать мне рот, когда мы дома! – взвилась я. – С тем же успехом ты можешь обвинить своего ученика или его мамашу. В конце концов, эта чокнутая дамочка переколотила склянки в твоём кабинете.

– Но только им неоткуда узнать о любимом проклятье Ирис Керн! – рявкнул Макс, действительно заставив меня закрыть рот. - Ядовитая мава, кровавая жатва и любовные утехы. Я ничего не упустил?

Он смотрел на прислужника над моим плечом, но Хинч оставался безмолвен. Макстен вышел из-за стола и направился к нему медленными шагами. Неожиданно я обнаружила, что больше не сижу на стуле, а стою, готовая в любой момент сорваться с места. Правда куда собралась бежать – вопрос на миллион очков. Не мужиков же разнимать?

Не выказывая ни волнения, ни страха, Хинч следил за приближением хозяина.

– Человек впадает в летаргический сон, – продолжил Макстен, - сердце останавливается, и он умирает без боли абсолютно счастливым. Милосердная смерть.

– У меня останавливалось сердце? - для чего-то спросила я.

– Да.

– Мне жаль, – вымолвил Хинч.

– О чем ты жалеешь, черный прислужник? – вкрадчивым голосом спросил чернокнижник.

– Что оно все-таки забилося.

– Хинч, поверить не могу!– охнула я. – Вы действительно меня прокляли?

– Я простой прислужник. - Уголки синеватых губ изогнулись в едва заметной мрачной улыбке. - Проклятье наложил господин Керн во время любовного акта, а я всего лишь подготовил правильные ингредиенты и сложил их в нужной пропорции.

– Я... - ошеломленно хлопнула я глазами. – Даже не знаю, что сказать.

Это не просто черный прислужник Хинч, а отец чернокнижной мафии. Мало что решил прикончить, так еще руками собственного хозяина. Захотелось закричать в голос, затопать ногами и объявить, что теперь он навеки вечные лишается права носить связанный мной полосатый шарф.

– Я думала, что мы друзья.

– Мы друзья, госпожа Алина.

– Наверное, вы удивитесь, Хинч, но друзья друг друга не убивают, - с горечью развела я руками. – Вы меня ненавидите?

– Ничуть.

– Тогда объясните, черт подери, почему?! Ведь не за то, что я называла ваши магические агвы обычными помидорами?

Взгляд прислужника ничего не выражал.

– Я почти двести лет служу роду Кернов...

– Довольно, - прервал нас Макстен и кивнул в сторону лестницы:

– Иди.

Возникла странная пауза, и вдруг я догадалась, что из кабинета выпроваживают меня.

– Я? - уточнила на всякий случай.

Чернокнижник кивнул.

– Ладно.

Ошеломленная и раздавленная страшными открытиями, я обошла Хинча по дуге, осторожно протиснулась к лестнице, чтобы не

соприкоснуться рукавами,и начала спускаться ступенька за ступенькой, на слабых ногах и крепко держась за перила. Было страшно, что колени подломятся, и я сломаю шею в полете.

– Госпожа Алина! – позвал он.

Я остановилась, но головы не подняла.

– Пожалуйста, соберите плоды агвы, когда они созреют.

Прислужник прощался,и я понятия не имела, как к этому отнестись. Полагаю, в холодном молчании он сумел расслышать отказ. Будь Хинч сам проклят со своими красными агвами, ядреными мавами и даже с банановым деревом!..

Положа руку на сердце, он и так давно проклят безмерно долгой жизнью.

Щеколда на библиотечной двери закрывалась неохотно, пока сдвигала, сломала ноготь. Вряд ли простой шпингалет остановит чернокнижника, желающего войти, но открыто читать черный гримуар даже мне не хватало смелости. Не после недвусмысленного запрета Макстена. Книга на подставке излучала темную ауру, заметную невооруженным глазом. Я протянула руку и тут же нерешительно отдернула. От обложки шел мертвенный холод, а внутренний голос подсказывал, что ответ на мой вопрос изменит абсолютно все. Назад пути не будет.

Пока меня не покинула храбрость и не победила трусишка Алина, желающая зарыть голову в песок и помереть счастливой от отсутствия кислорода, я прислонила ладонь к книге.

– Почему Хинч пытался меня убить?

Пальцы ударило разрядом статического электричества. Сморщившись от боли, я осторожно раскрыла книгу,и вдруг страницы сами собой замелькали. Тишину наполнил книжный шелест.

Движение прекратилось на развороте почти в середине гримуара.

Взгляд пробежал по рукописным строчкам. Содержание ускользало, чтобы понять книгу приходилось перечитывать по нескольку раз. А потом перечитывать просто так, потому что хотелось увидеть в самом низу страницы издевательскую надпись: «Ха-ха, шутка!» Но вряд ли гримуар, служивший поколениям чернокнижников, вобравший знания древнего рода, обманывал.

Это был конец всего...

Правда свалилась на меня, как кирпич. Со всего маху ударила по

голове, и я совершенно ошарашенная хлопала глазами и не понимала, почему не потеряла сознание, не провалилась в кому или летаргический сон. Она, эта самая правда, была в моих руках, а я не знала, что теперь делать. Ни одной человеческой мысли.

Для начала осторожно закрыла гримуар.

– Спасибо, – для чего-то поблагодарила книгу, хотя следовало обругать матом. Никак кирпич правды знатно контузил!

Последнее что я помнила, как решительным шагом направлялась к дверям библиотеки. Как бежала к Макстену не запомнила, как наступила на вингрета – не заметила. Видимо, дала о себе знать злосчастная контузия кирпичом. В чувство меня привел возмущенный кошачий вой и раззявленная клыкастая пасть. Впрочем, Карлсон вспомнил, на кого рот открыл, так что пасть захлопнул, клыки сжал и обиженно упорхнул на потолочную балку.

Кабинет оказался пуст. Макстен ушел.

В склепе, где покоилось пять поколений белых магов Просверт, пахло тяжелой сыростью. В гулкой тишине звонко капала вода. Склеп, похожий на храм с куполом, возвели возле Эстройского водопада. Вообще Просверты тяготели к воздушной стихии и последнее пристанище пытались соорудить на горной вершине, где пространство казалось необъятным и гуляли ветра, но строительство на высоте не задалось. Склеп переносили вниз вместе с куском горы с помощью магии. Один из Просвертов надорвался во время ритуала и оказался первым поселенцем в усыпальнице.

Теперь гладкие стены покрывали десятки мемориальных мраморных плит, за каждой из которых пряталась урна с прахом, опечатанная заклетьями, оплетенная охранными рунами, чтобы ни одна чернокнижная сволочь не попыталась захватить дух воина, боровшегося за добро. За одной из мраморных плит стоял пустой сосуд с именем Хинча Просверта.

Ирония заключалась в том, что одержимый демоном слуга, до маниакальности преданный Кернам, двести лет назад являлся главой этого самого рода белых магов. Он размахивал посохом, ратовал за справедливость и считал чернокнижников с ведьмами – отвратительным лишаем на чистом теле магического мира. Ровно до того момента, пока его не убил и не воскресил Идрис Керн.

В дядьке вообще успешно уживались большое воображение и своеобразное чувство юмора. Он прикончил будущего прислужника ударом посоха в висок. Никакой магии, голая физическая сила. И в том, что теперь сам Хинч трепетно полировал череп Идриса, не забывая совершенно случайно ронять беднягу на пол, тоже имелась извращенная ирония, как раз в духе Кернов.

В гулкой тишине Макстен смотрел в глаза верного слуги.

– Ты знаешь, как я жил, – ровным голосом вымолвил он, а безжалостное эхо разнесло слова в гулком пространстве. – Ты хотел, чтобы я перестал слушать зов темной силы, вернулся в Мельхом и продолжил род. И ты же попытался убить единственную женщину, которая заставляет меня оставаться дома.

– И я сделаю это еще раз. Ради Кернов.

– Убьешь женщину, которая родит мне наследника, из-за того, что Ирис Керн любила надираться и нести ахинею? Ты не хуже меня знаешь, что ее предсказания напрямую зависели от количества выпитого шикера. Она потеряла связь с действительностью задолго до того, как начала сыпать пьяными пророчествами и проклинать потомков.

– Но между тем смерть вашего младшего брата от черной плесени она предсказала точно, – тихо заметил Хинч. – Вы можете казнить меня, но не имеете права игнорировать знаки. Оглянитесь. Разве родовое дерево не пробудилось? Разве Мельхом похож на замок ваших предков? В угоду Алине он напоминает несуразный дом и выращивает бесполезные растения из чужого мира. Для нее я новый друг, для меня вы семья. Разница несопоставима. И если Ирис Керн была права, то ещё до кровавой луны нить рода прервется. Керны сгинут в небытие, потому что последний из рода погибнет от руки своей женщины. Первой и единственной любимой женщины.

Макс почувствовал, как на лице дернулся мускул. «Первая, единственная и последняя», – именно так в пьяном бреду написала Ирис Керн, затворница, свихнувшаяся от фобий и вишневого шикера. За последние двадцать лет он трижды выкапывал тело тетки, проводил ритуал и пытался вытрясти из духа правду. Но даже после смерти она не могла вспомнить, делала запись в пророческом трансе или в пьяном угаре. Зато каждый раз с педантичностью убежденной пропойцы заявляла, что вишневый шикер – лучшее, что придумал магический мир.

– Я не верю в предсказания свихнувшихся ведъм, - сказал он.

– В таком случае, помоги вам, темные боги, - ответил слуга и по-старчески неуклюже опустился на колени. - Долгой жизни и процветания рода, хозяин. Ваш слуга готов принять наказание.

Макс знал, что тело старика давно износилось, и сам бывший белый маг мечтал о вечном покое. Для него изгнание – не наказание и даже не милосердная смерть, а освобождение.

Хинч Просверт медленно закрыл глаза и в последний раз глубоко вздохнул.

ГЛАВА 8. Первая и единственная невеста чернокнижника

Хладнокровно...

Ладно, кому я вру. Конечно, в безобразной истерике, но мне нравилось воображать, что если скомканные платья запихивать в заплечную сумку с мрачным видом, то это считается хладнокровным.

Собственно, делая вид, будто не бьюсь в истерике, я упаковала одежду (насовала, как вышло), застегнула в напоясной сумке две золотых монеты и гость мелких медяшек, оставшихся от покупки обуви. Понятия не имею, насколько хватит, но больше я просто не накопила даже при строгой экономии на покупке припасов в Мельхом.

Некоторое время я гоняла по двору Дунечку. Догнала, скрутила и с проклятьями упаковала в клетку. Теперь нас было две истеряющие курицы. Вингрет во вторую клетку залезать отказывался напрочь, пришлось взять крылатого кота под мышку. В общем, собрав вещи и живность, но не придумав, куда бежать, я встала перед запертой магической дверью.

– Мельхом, открой! – строго приказала я и кое-как повернула ручку. Снаружи обнаружился пыльный пустой чулан. Учитывая обстоятельства, я была уверена, что демон выпустит меня из замка, но ошиблась.

– Не будь вингретом! Открой дверь в город. Наплевать куда, просто открой дверь!

В ответ прозвучал выразительный щелчок. Гадский демон не только отказался нас со скарбом и живностью выпустить, но и замок запер, чтобы наверняка не выбрались.

– Нет, ты не вингрет, Мельхом, а натуральный поросенок! – подняла я голову к потолку. – Дай выйти, тебе говорят!

Тишина. Карлсон устал висеть у меня на локте крылатым воротником. Он с азартом вырывался и пытался прикусить голову курицы, торчавшую между сломанных прутьев решетки.

– Я все равно здесь не останусь.

Со злостью пнула по косяку носком башмака, и по двери разошлись заметные невооруженным глазом круги, как по водной

глади.

– Мельхом, отпусти меня. Или распахни замковые ворота, – уговаривала я демона. – Я должна держаться от Макса подальше. Господи... кхм... в смысле, демон, ты же понимаешь, что я сбегая не от большого желания?

Наверное, он понимал, но не открыл. Неожиданно дверь толкнули с улицы. Я немедленно собралась, встряхнула зоопарк и приготовилась к взлету. Снаружи в дом заглянул Макстен. Увидел меня при полном боевом комплекте беглеца и спросил:

– Ты серьезно?

Я собрала вещи, кота и курицу, надела вместо платья обтягивающие зад лосины и завязала бантиками шнурки на башмаках. У меня из рюкзака торчат каблуки новых туфель, а в поясной сумке позвякивают монеты. Да, черт возьми. Я очень серьезна.

– Где Хинч? - отведя взгляд, спросила я.

– Изгнан.

Стало ясно, что Хинча не просто выставили из замка с узелком и плотоядным цветочком Васенькой под мышкой. Чернокнижник изгнал демона, дарившего прислужнику вечную жизнь.

Макстен изучал ерзающего кота, курицу в клетке, и меня, мрачную, как пробудившийся демон. Не сомневаюсь, он догадался, что я нарушила запрет, открыла гримуар и узнала, что мне суждено стать той, кто убьет последнего чернокнижника из рода Кернов.

– Что ты делаешь, Алина?

– Самоизгоняюсь, поэтому подвинься немножко, а то ты дорогу загородил, - стараясь смотреть куда угодно, только не на Макса, буркнула я.

Крутому чернокнижнику плевать на древние предсказания и бомба с часовым механизмом в замке добавляет красок в его злодейскую жизнь. Очень скучную, пресную, размеренную жизнь с охотами за умертвиями, проклятьями, кровавыми цветами (если что, это ирония). Но как же я? Как жить, если от моих рук погибнет любимый мужчина?

– Ты говоришь вслух, – заметил он.

– Черт!

Макс выразительно вздохнул и, тесня меня, зашел в дом. Дверь закрылась, гроыхнула запертым замком и запечаталась вспышкой. Со

стороны выглядело так, будто Мельхом показал мне язык. Как малое дитя, честное слово.

– Алина, отпусти вингрета и поставь клетку с курицей, – посоветовал он.

– Нет, потому что это противоречит моему плану уйти из Мельхома и держаться от тебя как можно дальше. Так далеко, чтобы ты не смог найти меня даже колдовским радаром, – старательно разглядывая шнуровку на рубашке у Макстена, объявила я и поспешно добавила: – Радар – это не проклятье, а штука для слежения.

– Ладно. Я помогу.

В тишине раздался щелчок пальцами. Чернокнижник кольнул вингрета магией. Тот взвыл и вырвался из моих рук, а Дунечку я выронила сама – по инерции. Стремглав, махая крыльями, Карлсон понесся вглубь замка.

– Макстен Керн, – возмутилась я, – ты только что украл моего кота. Открой немедленно дверь, пока я тебя не прибила!

Осознав, что именно ляпнула, я прикусила язык и вскинулась.

– Я не позволю тебе уйти, – в его голосе звучала спокойная уверенность. – Думал, мы выяснили, что в магический мир – место небезопасное.

– Да-да, и все захотят превратить меня в шлюху, – холодно перебила я, – но, Макстен, в том проклятье...

– Это предсказание.

– Да неважно, оно выглядело как проклятье! В нем говорилось, что когда оживет дерево, а Мельхом превратится из замка в лачугу, последний из рода Кернов погибнет от руки любимой женщины. Дуб ожил. Замок похож на колониальный особняк. Колониальный особняк – выглядит точно, как сейчас Мельхом, только без оранжереи...

Я запнулась, осознавая, что от нервов у меня начинается неконтролируемое словоблудие. Перевела дыхание, мысленно досчитала до пяти (больше не хватило выдержки) и категорично спросила:

– У тебя есть родственники, Макстен Керн?

– Нет.

– Другими словами ты вообще последний из рода?

– Неоспоримо.

– И ко всему прочему ты влюбился... – слова застряли в горле.

Дыхание сбилось, будто я бежала стометровку. Не удивлюсь, если еще и бок скрутит фантомной болью.

– В тебя? – В его интонациях не было ни намека на насмешку.

– В меня.

Любовники и любимые – не всегда синонимы. Если бы Макс хмыкнул, съязвил, попытался уйти от ответа, стараясь сгладить неловкость прямого, как шпала, вопроса, ситуация стала бы чуточку проще. Наверное, я бы даже не обиделась (в первую долю миллисекунды, конечно), и не оскорбилась (что вообще сомнительно), но он не юлил:

– Да. И ты об этом знаешь.

– Тогда открой дверь и позволь мне выйти.

– Что ты собираешься делать без меня? – тихо спросил он.

– В том проклятье...

– Предсказании, – снова поправил Макстен. Педант недоделанный!

– Да наплевать, Макс, проклятье это или предсказание! – воскликнула я. – В нем сказано, что я тебя убью. Собственными рученьками. Вот этими самыми!

Я помахала трясущимися руками перед лицом Макса. Недолго думая, он схватил меня за запястья и попытался привлечь к себе.

– Отпусти! Нечестно использовать физическое превосходство просто потому, что хочешь заткнуть женщине рот! – начала вырываться я.

– Лучшее средство, чтобы заставить женщину замолчать – это проклятье немоты, – объявил он, – а я тебя пытаюсь успокоить.

– Да я спокойная, как апостол!

– В таком случае боюсь предположить, что значит паника.

Я пошла на хитрый маневр и перестала сопротивляться. От неожиданной капитуляции чернокнижник отпустил меня. Подозреваю, тут же пожалел. Ткнув трясущимся пальцем ему в грудь, я пошла в наступление:

– Скажи-ка мне, Макстен Керн, ты совсем от жизни устал? Не спорю, семьдесят четыре года – немаленький срок, кого угодно задерет носиться по кладбищам, плясать на шабашах и оприходовать странных теток, летающих на метлах. Я просто вот что думаю: если мне все равно суждено тебя убить, зачем тянуть? Давай прямо сейчас? По-

быстренькому.

Я сорвала с плеч рюкзак и сунула в руки чернокнижника. По инерции он подхватил сумку и уточнил:

– Что по-быстренькому?

– Экспрессом на тот свет отправлю. Никуда не уходи, а то Мельхом мне двери не открывает. – Я направились в жилые комнаты.

– Алина, куда ты? - в его голосе прорезалось беспокойство.

– За оружием.

Внутри клокотало от злости. Не на Макса. Я вообще не знаю ни одного мужчину, который бы защищал меня, как чернокнижник Макстен Керн. Меня бесила безвыходность ситуации.

В середине холла я так разогналась, что поскользнулась.

– Аккуратно, – охнул Макс, помогая удержать равновесие. Стало ясно, что он следовал за мной по пятам.

С выражением снисходительного терпения он следил, как я со злостью раскидывала по чулану садовые инструменты. Топор был спрятан в углу, сама засовывала, чтобы Хинч не нашел. Схватившись за длинную рукоять, я с силой дернула, но топор зацепился за тляпки. Грохот поднялся невообразимый.

– Аккуратнее, Алина, – мягко попросил Макс. - Не поранься.

– Не переживай уж, - мрачно процедила я, выволакивая тяжеленное оружие. Неожиданно голова топора с зазубренной кромкой соскочила с рукояти и громыхнулась на каменный пол бесполезной ржавой болванкой. Счастье, что не на ногу.

Некоторое время я изучала развалившееся в руках оружие, и чувствовала, как дергается глаз.

– Теперь ты успокоилась? – Расслабленная поза Макстена бесила невероятно.

Двумя руками я схватила с крючка тяжелую чугунную сковородку и объявила:

– Все, я готова тебя прикончить!

– Убивай, – согласился он с вселенским спокойствием.

– Я ведь ударю! – предупредила я. – По голове.

– Бей, - даже глазом не моргнул он.

Сейчас. Вот как размахнусь!

– Не могу... – пробормотала я, опуская сковородку. - Тебе будет больно.

– Какая же ты все-таки чудная, Алина из иного мира, - покачал Макстен головой.

Он осторожно забрал сковороду из моих рук и пристроил ее на кухонный прилавок. Со вздохом притянул меня к груди, обнял за плечи. Я уткнулась лбом в крепкую грудь. Ярость схлынула, ужасно захотелось расплакаться от безысходности. Почему ко всем крутым мужикам, заставлявшим колени подкашиваться, обязательно прилагалась какая-нибудь неприятная неожиданность?

– Что мы будем делать? - пробормотала я.

– Просто жить дальше, – ответил Макстен. - Я не собираюсь умирать.

– Но? - подсказала я. – Заканчивай, эта фраза подразумевает «но».

– Никаких «но».

– А Эверт? Что сказать ему о Хинче?

Реакцию парня было сложно представить. Подозреваю, он любил одержимого гораздо больше своей невыносимой матери, даже при условии, что Хинч для устрашения постоянно варил острые соусы.

– Правду, - ответил чернокнижник.

И я со страхом ждала приятеля, но даже с наступлением темноты он не вернулся из Анселя. Макстен был уверен, что Эверт не сумел излечить мальчишку от косоглазия, нарастил бедняге третий глаз или лишнюю пару ушей, а теперь боялся показаться в замке. Поздним вечером Олень не появился.

«Он наверняка в каком-нибудь кабаке заливает страх», – сказал Макстен, открывая дверь в восточную долину, и ушел на поиски непутевого ученика.

Тогда-то все и случилось...

Я ещё не успела достаточно испугаться мыслью, что осталась одна в жутковатом демоническом доме, как начался конец света. По крайней мере, именно так мне показалось. Апокалипсис застал меня по дороге из холла в кухню. Замок словно встряхнулся, и я схватилась за стену, чтобы удержать равновесие. Спустя секунду Мельхом начала бить крупная дрожь, как при землетрясении. Чудом не упав, я бросилась к входной двери и обнаружила, что пол был изрисован руническими письменами, кроваво-красными, словно кто-то чертил их пальцем, перепачканном в свежем соке мавы.

До двери оставалась всего пара шагов, когда сквозь грохот

трясущегося помещения донеслось испуганное мяуканье. Я обернулась, мигом вспомнив про крылатого кота.

– Карлсон. Где ты?

Раздался громкий хруст, и в центре холла начертилась кривая трещина, а перед гостиной образовался глубокий провал в метр шириной. Но вингрет орал именно в гостиной, так что без колебаний я перепрыгнула дыру и бросилась к коту. Оказалось, что Карлсона придавило тяжелой каминной решеткой.

– Киса, потерпи чуточку, – пробормотала я, освобождая крылатого приятеля. – У Мельхома просто очень дурное настроение, и он решил нас прикончить. Мы сейчас уйдем отсюда, и он прикончит сам себя...

Подхватив кота на руки, я ринулась обратно в холл. Яма, перекрывшая дверной проем, расширилась, а внизу зияла бездонная пропасть. Лучше бы не смотрела вниз! Я отошла на шаг для разбега. Неожиданно тоненькое звяканье, доносившееся из оранжереи, превратилось в гул. Секунду спустя с громогласным звоном провалилась крыша. Стеклопанельная стена, отделявшая гостиную от оранжереи, стремглав покрылась паутиной трещин. Опасность оказаться погребенной под осколками придавала мне ускорения. Я даже не перепрыгнула, а перелетела через дыру и бросилась к дверям.

Выскочила из дрожащего дома на трясущиеся ступени с нелепо подпрыгивающей крышей. В лицо бил яростный ветер. На выложенной брусчаткой площади аккуратно на пентаграмме, оставшейся после моего неудачного возвращения домой, стоял Ирен Орсо, одетый в белую мантию. Он мерцал ничуть не хуже новогодней елки, заливая двор неестественным розоватым светом, и поднимал над головой светящийся посох.

Я скатилась с лестницы (с четырех ступенек, на которые расщедрился Мельхом) и со всего маха врезалась в колдуна, едва не раздавив безрадостно пискнувшего Карлсона. Ирена выбило из пентаграммы, и он вышел из магического транса. Ветер мгновенно стих, дом перестал трястись, а маг светиться, точно лампочка высокого напряжения.

– Какого черта ты вытворяешь?! – заорала я.

На лице белого колдуна появилась пугающая улыбка маньяка, враз заставившая меня поостыть. Да и вряд ли добрый волшебник

догадывался, что его глаза горели демоническими угольками, как у злого колдуна. Например, у Макстена, когда тот хотел кому-нибудь свернуть шею.

– Изгоняю... – прошипел он и бросил кровожадный взгляд на дом.

Он изгонял из замка демона! Поэтому Мельхом забился в яростной дрожи и начал разрушаться.

– Ты рехнулся, - пролепетала я. – Макстен тебя убьет.

– Нет, – усмехнулся он и указал на меня посохом: – У меня же есть ты. Замри!

Из посоха вырвалась голубоватая молния. Инстинктивно я прижала кота еще крепче и ловко увернулась. Удар прошел по касательной, обжег руку и оставил в брусчатке черную дыру. Совершенно нелепо, но от отчаянья и желания защититься я швырнула в физиономию безумца единственное, что держала в руках – вингрета с перебитым крылом. Со страшным воем выставив когти, Карлсон пролетел по воздуху, а потом словно тряпка плюхнулся на лицо мага.

С ругательствами Ирен закружился на месте, пытаясь скинуть монстра, но испуганный Карлсон намертво впился когтями в физиономию, а заодно в ухо вонзил зубы. Пока злющий добрый волшебник пытался спастись от кровожадного монстра, я схватила посох и галопом понеслась к раскрытым воротам Мельхома.

Мне казалось, что без «волшебной палочки» белые маги вообще ни на что не способны, разве что толкать речи о добре и справедливости, но нельзя недооценивать врага. Ирен справился с котом и даже не стал тратить силы на преследование. Я еще бежала, когда в спину ударило волной обжигающего воздуха.

Сознание померкло.

Обездвиженный парализующим проклятьем и прикрытый грязной рогожей, Эверт валялся в пустом стойле. Присев рядом, Макстен приподнял кусок ткани и посмотрел в лицо ученика. Губы синеватые, кожа мертвенно бледна, постепенно темнеющие полумесяцы на ногтях. Паралич подбирался к сердцу. Найди чернокнижник парня на полчаса позже, то не стало бы у него ученика.

Он приложил руку к груди Эверта и заглянул в магическое плетение. Педантично-аккуратное заклятье было выполнено белым

магом, но сила, питавшая его, переметнулась во тьму.

От сильного магического удара, посланного к едва бьющемуся сердцу, ученик выгнулся дугой. Из-под приоткрытых век показались мутные белки. Макстена шибануло отдачей, острая боль прокатилась по руке до груди. Поморщившись, он размял плечо.

Колдовское плетение распалось, и теперь Эверт просто спал. Грудь ровно поднималась и опускалась, на лице проявились краски.

– Я же тебя учил защищаться от проклятий, - хмыкнул Макс, обращаясь к сопящему ученику. Будить не имело смысла, все равно не хватит сил на переход через дверь, а тащить на закорках великовозрастную детину не возникало желания.

– Выпись хорошенько. - Он прикрыл Эверта рогожей и поднялся.

Неожиданно на улице завыл дикий зверь, яростно и торжествующе. Макстен прислушался, и вдруг осознал, что выл-то вовсе не оборотень и даже не вставшее на кладбище Анселя умертвие, а Мельхом.

Кто-то пытался освободить из замковых стен древнего демона!

Макстен бросил быстрый взгляд на ученика. Похоже, Эверт вовсе не попал в драку с белым, как обычно случалось, когда он перебирал шикера. Это хозяина дома выманили на улицу. От следующей мысли Макса бросило в жар. Скорее всего, замок рушился, уходя освобожденные демоны не оставляли камня на камне... и в доме была Алина. Один на один с беснующимся Мельхомом...

Ритуальным кинжалом чернокнижник рассек пространство и перескочил к лачуге, обросшей густым плющом. Он толкнул магическую дверь, но без особого результата, только выпала из гнезда ручка. Пришлось налечь плечом. Впервые на своей памяти он брал собственный дом штурмом. Но вломился не в Мельхом, а в утлую развалюху с облезлыми стенами.

Нехорошо выругавшись, Макс снова рассек пространство и теперь вывалился из дыры посреди замка. Мельхом вернул первоначальный вид и лежал в руинах. Демона больше не было. Тишина казалась тревожной и очень глубокой, словно перед страшной бурей. Вместо входной двери зияла темная дыра. На островках мрамора, когда-то покрывавшего пол, темнели выжженные символы для изгнания бесов.

И Макстен Керн, последний чернокнижник некогда великого

рода темных колдунов, понял, что случилось. Не зря отец, державший в страхе северную долину, говорил, что женщины приносят беды. Одержимый юной девицей из другого мира, Макс потерял бдительность и не заметил, что творилось у него под самым носом.

С тех пор как в междумирье вломился недоносок Орсо, Макстен окружил владения черными заклятьями. Проникнуть в Мельхом стало невозможно. И тогда в замке появилась Мартиша Ройбаш. Бабенки вроде нее, отправляющие сыновей в ученье к чернокнижникам, по определению матерями не являются. Они кукушки, вздорные птицы, предрекающие беды. А как она колотила в магическую дверь! Демоны всегда впускают в свою обитель, если стучаться настойчиво.

Мельхом не ощутил чужеродной магии, и гостья вошла. Судя всему, Мартиша находилась под банальным внушением, которое использовали аферисты на рыночных площадях, когда хотели обокрасть доверчивых домохозяек. Никакой магии, сплошное мошенничество и ловкость рук. В беспамятстве она ходила по комнатам, рисовала водой в углах символы, даже громила кабинет и ничего не помнила с утра.

– Алина! – позвал Макстен.

С улицы неожиданно ответили:

– Девчонка здесь, чернокнижник!

Перешагнув через вздыбленный порог, он выбрался на расколотую лестницу.

Посреди двора, опираясь на мерцающий посох, стоял Ирен Орсо. Фигура светилась, глаза горели демоническим огнем, как у родовитого темного мага. Чего ж наглотался этот убогий, если в нем кипела сила?

– Что выберешь ты, чернокнижник, - громко спросил белый маг (и белый ли теперь), – свою жизнь или жизнь женщины? Ты лишил меня чести, а я лишу тебя самого дорогого. Твой демон изгнан, дом пуст. Что ты выберешь, чернокнижник, умрешь сам или убьешь свою женщину?

Макс всю жизнь терпеть не мог пафосных речей.

– Пошел ты, - едва слышно отозвался он и метнул в белого мага ритуальный кинжал. Оружие мелькнуло в воздухе и остановилось перед Иреном, острием упершись в центр лба. Из ранки выступила кровь. Кинжал буравчиком вращался в воздухе, в любой момент готовый поразить цель. Губы белого мага скривились в безумной улыбке, и он беззвучно рассмеялся, дрожа длинным худым телом.

– Где она? – прикрикнул Макс.

– Здесь, – отозвался он.

Чувствуя, что меняется в лице, чернокнижник слетел с полуразрушенного крыльца и глянул вверх. Широко раскинув руки в позе креста, Алина висела над острым шпилем, торчавшим из крыши замка. Пожелай Ирен, и она сорвется вниз, насаживаясь на железный шест, как на вертел. Кинжал, замерший возле лба мага, задрожал.

– Выбор за тобой, чернокнижник.

Нож отлетел и звякнул о камни.

– Убивай, – спокойно произнес Макс, расставляя руки.

Ему нужно всего полминуты, чтобы сплести заклятье, и Алина не упадет, а мягко опустится на землю. Лишь бы выгадать чуточку времени. Все-таки белый ублюдок был силен, опутал девушку такой сетью, что просто так не разорвать!

Ирен поднял посох, на конце затрещали голубоватые разряды.

– Прощай, чернокнижник! – прошипел он.

Никогда ещё Макс не двигался быстрее, даже в охоте за умертвиями, когда тело подстегивала смесь крови и сока ядовитой мавы. Выдрал посох из рук противника и со всей силы саданул наверху с магическим камнем в живот. Недоносок перестал светиться, как фонарь, захрипел и сложился пополам. Макстен резко вскинул руку, стараясь удержать на весу девушку. Успел как раз во время, острое шпилья едва не воткнулось между лопатками.

Она плавно спускалась на землю, а чернокнижник развернулся и снова шибанул Ирена посохом. Мальчишка захрипел, упал навзничь на брусчатку. Он пытался мычать, но удары летели, мощные, яростные. Колдуны привыкли полагаться на магическую силу и не использовали кулаки. Избивая щенка, Макс испытывал почти болезненное наслаждение.

Уничтожил замок? Досадно, но поправимо. Выпустил демона? И его можно призвать обратно. Но как недоносок посмел покуситься на жизнь женщины, которая родит Макстену Керну наследников? Посох разломился надвое, вспыхнув ярким всполохом. Ирен обмяк. Тяжело дыша, чернокнижник сплюнул и отбросил куски теперь бесполезной палки.

За спиной раздался шорох. Макс оглянулся через плечо. Алина шла маленькими шажками, как будто ей было сложно передвигать ноги.

Глаза заливала чернота, ни зрачков, ни белков. В опущенной руке зажат кинжал. Ирен не просто вытащил демона из замка, а позволил вселиться в хрупкое человеческое тело. И теперь Мельхом жаждал смерти того, кто держал его в заточении.

Макстен не испытывал страха. Он опустил руки. Демон надвигался.

– Давай договоримся, ты заберешь мою жизнь, но пощадишь ее, - вымолвил он. - Найди другое тело.

Демон ударил, сильно, без колебаний. Тем самым ритуальным кинжалом, с помощью которого его на долгие столетия заточили в замке Кернов. Видимо, в этом был особый сакраментальный смысл.

Бок разрезало болью, в груди что-то забулькало.

– Главное, не трогай ее, – пробормотал Макстен и почувствовал, как рот наполнился кровью. Похоже, тетка Ирис действительно умела кое-что предсказывать. Последний Керн погибнет от руки любимой женщины. Первой и единственной.

Демон выдернул кинжал. Застонав, Макс машинально схватился за рану, колени подогнулись. Наверное, освобожденный бес ударил бы ещё раз, но неожиданно нож выпал из руки. На брусчатку чернокнижник валился под истеричный женский визг. На краю угасающего сознания возникла печальная мысль, что ему дико жаль Алину. Ведь дуручка будет корить себя.

Сердце черного мага остановилось...

Макстен Керн, последний чернокнижник знаменитого рода, никогда не думал о смерти. Упасите, демоны, не воображал, каким образом уйдет в иной мир, и что его будет ждать за гранью. Он не испытывал к женщинам нежных чувств. Зато с большим удовольствием использовал, некоторых часто, других реже, кого-то единожды, но не понимал, каково это без колебаний умереть за женщину. И он никогда не ожидал, что к жизни его пробудит жалобный и очень горький девичий плач.

Едва слышно застонав, он открыл глаза. Над головой разверзлось огромное черное небо междумирья с мириадами звезд. Всхлипы мигом затихли. Воцарилась долгожданная тишина.

– Макс, ты открыл глаза или у меня от горя снесло крышу? - прозвучал голос Алины. Он с трудом повернул голову. Она отпрянула и

поспешно принялась вытирать перепачканными ладонями заплаканное чумазое лицо.

– Ты ведь не превратился в зомбешник, так? Макс, просто скажи, то ты не собираешься меня сожрать, что ты не умер, тобой не завладел демон. Макстен, скажи хотя бы что-то, а то я воткну тебе в грудь кол! Там как раз валяется разломанный посох. Слышишь? Считаю до трех. Один!

– Алина... – прохрипел он.

Она подскочила на месте и на коленках подползла к нему. Принялась зацеловать лицо. Каждое ее неловкое движение отдавало болью в раненном боку.

– Господи, ты же не дышал. И пульс исчез, – бормотала она между мелкими поцелуями.

Чернокнижник не понимал, что именно вернуло его к жизни. Добровольная жертва? Возможно, по дороге в ад его остановили слезы любимой женщины, а может он просто был не самым последним Керном, как полагал? Но все причины оживления пропадут всуе, если девушка не перестанет Макса дергать, иначе он просто загнется от раны.

– Алина... – снова позвал он.

– Что, моя зайнька? – остановилась девушка.

Дожили! Вингрету и курице она дает человеческие имена, пусть и непроизносимые, а его обзывает ушастой тварью.

– Ты такая шумная, – прошептал он.

– А?! – в этом возгласе было столько возмущения, что Макс не сдержал смеха, и тут же схватился за бок. – Я бы сказала, что убью тебя, но уже чуть не убила, поэтому просто валяйся во дворе и истекай кровью. Не буду тебя перетаскивать в дом! Кстати, он похож на лачугу.

Макстен кашлянул, осторожно приподнял голову. Демон Мельхом вернулся в стены замка Кернов и от злости превратил его в двухэтажный домишко, куда вряд ли поместится алхимическая лаборатория.

– Твой демон, между прочим, поглотил мою курицу! – буркнула Алина.

Хорошо, что он не поглотил белого мага, потому что у ожившего чернокнижника были планы на Ирена Орсо.

После местного конца света в Мельхоме ощущалась нехватка

места. Когда живешь с черным колдуном и его учеником, ставящим алхимические опыты в кухонном чулане, теснота особенно заметна. С демоном я принципиально не общалась. Как можно было в меня вселиться и убить хозяина?

Черный гримуар, открытый втихаря от Макса, утверждал, что чернокнижник выжил, потому что добровольно принес жертву. Он вместо меня. Похоже, за пособничество добру его отлучили от тьмы и выперли на перевоспитание, в смысле, жить дальше. Так недолго перестать создавать проклятья, и начать мордовать людей справедливостью.

Мельхом пытался мириться. В один прекрасный день вернул в домишко кран с горячей водой, а в чулане поставил ватерклозет. Наличие столь вожделенного приспособления обнаружил Эверт и так орал с утрачка пораньше, что перебудил весь дом, включая нового черного прислужника.

– Исчадие ада!

Ученик ворвался в теплицу, заменившую нам оранжерею. Я высаживала молоденький кустик агвы, в смысле, помидоров и недовольно буркнула:

– Чего тебе?

– Помощь нужна.

– Нет. – Я присыпала побег землей.

– Выручку поделим пополам, – немедленно заявил Олень.

– Решил продать курицу?

Одна мысль, что кто-то покушался на курицу, которая выжила в схватке с тем, чье имя я не произносила, вызывала глухое раздражение. (На самом деле, когда в ночь «конца света» мы с Максом кое-как дотащились дома, то обнаружили живую и здоровую Дунечку в новой кухне.)

– Я похож на самоубийцу? – покачал Эверт головой. – Но, к слову, мы твою курицу кормим-кормим и ни разу ни одного яичка не увидели. Просо клюет и спит, а пользы никакой.

– И что? – выпрямилась я и уперла руки в бока. – Ты тоже ешь, как не в себя, и польза от тебя сомнительная.

– Может, она замаскированный петух?

– Эверт Ройбаш, ты олень, – буркнула я. – Что хотел-то?

– Я догадался, где кольцо моей матушки, – торжественно объявил

он и свернул пальцы калачом: – Вот такой рубин. С орех! Обогатимся, когда продадим.

Знал, подлец, чем завлечь девушку, отчаянно страдавшую без зарплаты. После того, как Макстен в ультимативной форме запретил устраивать экскурсии по междумирию, я совсем осталась без дохода.

Чисто по-человечески чернокнижника, конечно, можно понять. Выходит он на балкон в одном исподнем, сладко потягивается, а во дворе задирает головы толпа народа. Какое счастье, то в магическом мире не было фотоаппаратов, но я буквально видела вспышки в глазах у достопочтенных тетушек, когда они плотоядно таращились на сексапильного черного мага. К слову, за разврат они неплохо доплатили, так что Макстен являлся главной достопримечательностью и показан был неслучайно. Если бы не вышел на балкон, пришлось бы вести теток в дом, и я точно не отделалась бы одним предупреждением. Хорошо, что новый черный прислужник пока не научился варить острые соусы...

На кухонном столе из глиняного горшка радостно тянулся к солнечным лучам плотоядный цветок Васенька, переживший местный апокалипсис. Вокруг лежали всевозможные пыточные приспособления, начиная от пинцета и заканчивая клещами, отлично подходившими для выдиранья зубов.

– Олень, ты же не мстишь цветку за то, что он цапнул твою мать за палец? – ухмыльнулась я. - Дело давнее, а палец он выплюнул.

– Лучше бы сразу откусил и переварил, – пробормотал Эверт, припоминая, что случилось после появления Мартиши в Мельхоме. – Он слопал матушкин перстень, а отдать не хочет.

Я нахмурилась. Сказать откровенно, Васенька действительно за последний месяц ни разу не раскрыл створки. Переварить драгоценность пытался?

– Он скоро сдохнет от заворота кишок, - предрекла я близкую гибель, – тогда и вернешь трофей.

– Не хочу, чтобы смелое создание, цапнувшее мою мать, пало бесславной смертью, – отозвался Эверт. - Я умею быть благодарным.

– Достаем, - немедленно согласилась я посодействовать извлечению кольца.

– Ты суй ему палец, а я вытащу кольцо, – предложил Эверт и пару раз для наглядности щелкнул длинными металлическими усиками

пинцета.

– Палец не дам.

– Ладно, - сдался Олень. – Я дразню,ты вытаскиваешь.

С энтузиазмом вы взялись за извлечение, но, сколько Эверт не водил пятерней перед цветком, плотоядное растение наотрез отказывалось распахивать створки.с7919

– Ты, может, руки плохо помыл? - предположила я.

– Может, он просто кольцо отдать не хочет? - огрызнулся он.

Некоторое время мы разглядывали несговорчивый цветок. В тишине было слышно, как в окно билась муха. Незаметно задумчивое молчание преобразовалось в невысказанное коллективное согласие.

– Ты ловишь, - не отрывая взгляда от цветка, немедленно заявила я.

– Почему я?

– Я в юбке.

Жужжащую жертву удалось поймать без приключений. Однако сколько мы не водили придавленным лакомством перед зубастой пастью, Васенька наотрез отказывался принимать подношение.

– Хорошо, я знаю, что делать, – махнула я рукой. – Почеши его под бутоном.

– Чего?

– Приласкай.

– Как?

– Пальчиками. Кто из нас двоих почитывает порно?

– А?

– Трактаты отшельника Ерима, - напомнила я о пошленькой книжке, по которой Макстен учил меня читать. - Там же подробно объясняют, где, как и под каким углом надо щекотать.

– Но не цветы же, – буркнул Олень, однако кончиком указательного пальца почесал цветочек по сочному стеблю. Плотоядное растение неожиданно повернуло головку. Приободренный удачей парень тронул основание бутона,и створки раскрылись во всю ширину, демонстрируя влажное синее нутро, игольчатые клычки и кольцо с красным камнем.

– Страстно чеши! – приказала я, осторожно вытаскивая перстенок пинцетом. – Есть!

Вместо украшения в пасть была засунута муха, тем самым

Васенька и успокоился.

– Убейте меня! – в ужасе выпалил Эверт, разглядывая перстень на свет. – Он почти переварил рубин! Лучше бы он отожрал и переварил матушкин палец.

– Хозяин спрашивает, почему вы вопите, как демоны, – раздался высокомерный голос нового прислужника. Как все одержимые он ходил абсолютно бесшумно, хотя бывший белый маг Ирен Орсо не уступал ростом Эверту. За слугой следовал вингрет. К сожалению, после той драки летать Карлсон больше не мог.

С момента пробуждения в новой роли Ирен не вспоминал ни о посохе, ни о борьбе за добро. Иногда отстраненно рассуждал о белой магии, рассказывал истории о школе Дигора и о том, как призывал силу вселенной. Бывшего сеятеля добра больше не волновало прошлое. Единственное, о чем он мог думать – как угодить хозяину.

Пару дней назад мы с Максом ввалились в спальню, начав раздеваться еще на подлете к двери, а прислужник уже стоял возле кровати и с самым серьезным видом держал зажженную свечку. Все настроение испоганил, одержимый подлец!

– Госпожа Алина. – Ирен перевел взгляд куда-то мне за плечо. – Ваша курица пересекла запрещенную линию.

– Чего? – Я оглянулась. Дунечка со двора заглядывала в кухню.

– Я натравлю своего Тэйра, – с индифферентным видом заявил Ирен, всей проклятой душой ненавидевший птиц.

– Твоего Тэйра вообще-то зовут Карлсон, – сложила я руки на груди, – и он мой.

– Но кормлю его я, – изогнул бровь одержимый, – и он очень любит курятину.

– Макс!! – заорала я на весь дом. – Они хотят сожрать мою Дунечку!

ЭПИЛОГ

– Олег, быстро иди сюда! Сейчас будут звонить! – цыкала мама на отца. Она не догадывалась, что я давно следила за комнатой через волшебное зеркало, транслирующее все, что успевала захватить камера ноутбука.

– Почему ты натянул треники? - набросилась она, когда появились папины ноги в тренировочных штанах. – Зять всегда одет с иголки.

– Под столом все равно не видно, - отмахнулся он.

– Прилижи вихор! – буркнула она.

– Да какая разница? У нашей дочери муж – китаец, они и не такие хайеры делают, я в интернете смотрел.

– Это были японцы, - поправила мама.

– Да? – фыркнул папа. - Они все на одно лицо.

– И Максим – не китаец. У него внешность сугубо европейская.

– А, по-твоему, в Китае живут шведы?

– Почему сразу шведы? - обиделась матушка. - Может, он испанец.

– Ага, китайско-каталонский, – фыркнул папа.

Ни одно письмо так и не переправилось через границу миров, потому что у гениального чернокнижника Макстена Керна получилось настроить связующее зеркало, и я начала общаться с родителями через «скайп». Вернее, это у них выглядело так, будто дочь звонит с помощью компьютерной программы, а на деле я сидела перед зеркалом в тяжелой золотой оправе (ужасно вычурной) и ждала, когда муж щелкнет пальцами, чтобы настроить двустороннюю связь.

Обычно вся семья расставляла стулья перед лэптопом и начинала или натянуто улыбаться в камеру, или задавать вопросы. Особенно бабушка любила узнать, почему у нас тут хлеб и не поднялись ли цены на молоко. Со стороны Мельхома тоже вечно происходили диверсии: то прислужник Ирен попытается зеркало загородить спиной, то Эверт пронесет череп Егорку. Объясняй потом, что за странные типы бродят по нашему дому.

Сегодня нам повезло беседовать с родителями без остальных

родственников.

– Готова? - Макстен сел на диван рядом со мной.

– Готова, - вздохнула я. Как примерный зять, он поправил рубашку и щелкнул пальцами.

– Ой, звонят! Смотри, звонят! – Мама всполошенно схватилась за мышку, пытаясь попасть в кнопку вызова на экране. Она так долго ковырялась, что казалось, будто кружок с трубочкой скакал, не позволяя на себя нажать.

– Да быстрее ты! – цыкнул папа.

– Я стараюсь!

Получилось!

– Алинка, привет! – заулыбалась мама. – Зятюшке тоже большие приветы!

К сожалению, в мире родителей магия не работала. Я выступала в роли переводчика. Папа поднял руку и медленно, словно приветствовал инопланетянина, выговорил:

– Гот-тон!

Видимо, он пытался изобразить местное приветствие. Оба языка я воспринимала как один – русский, поэтому догадалась: отец сказал, что угодно, только не вежливое «здравствуйте». Надеюсь, не какое-нибудь безобразное ругательство.

– Здравствуйте, – не моргнув глазом, ответил Макс.

– Как погода в Китае? – спросила мама.

Когда я связалась с ними в первый раз, то попыталась осторожно объяснить, где нахожусь, но правда звучала столь безумно, что родители коллективно переселили меня в Китай, где жил Максим Керн – видный, серьезный, богатый мужчина европейской внешности и неизвестной национальности, но точно не китаец (по версии мамы).

– Хорошо. У нас тут вечное лето, – напомнила я. – Мы звоним с новостью.

– Курочка принесла цыпляток? – любопытствовала мама.

На диван начал пробираться вингрет. Появление крылатой кошки в кадре было нежелательно, потому что плохо объяснимо. Разве что соврать, мол, в Азии имеются потомки древних драконов, а что шерстью обросли – просто ледниковый период переживали. Я пнула Карлсона ногой, и он вцепился клыками в карающий башмак. Конечно, стараясь не прокусить, иначе смерть.

– Ну, курочки и цыплятки – это как раз схожая тема, - кивнула я. - Мама, папа, вы станете бабушкой и дедушкой. Поздравляю!

С другой стороны зеркала последовало огорошенное молчание. Родители переглянулись.

– Обалдеть, у нас будет европейский китайчонок! – выпалил отец.

– Максим – не китаец! – рявкнула мама.

Строго говоря, будет черный колдун и никак иначе. Макс уверял, что в семье Кернов первыми всегда рождались мальчики. И вторыми, и третьими (дальше я побоялась спрашивать). Подозреваю, что если, несмотря на степень убежденности, он получит девочку, то вынесет бедняжке сразу два с половиной предупреждения.

– Что происходит? - нахмурился Макстен. – О чем они говорят?

– Они так счастливы, что не могут подобрать слов, – улыбнулась я и поцеловала мужа в небритую щеку.